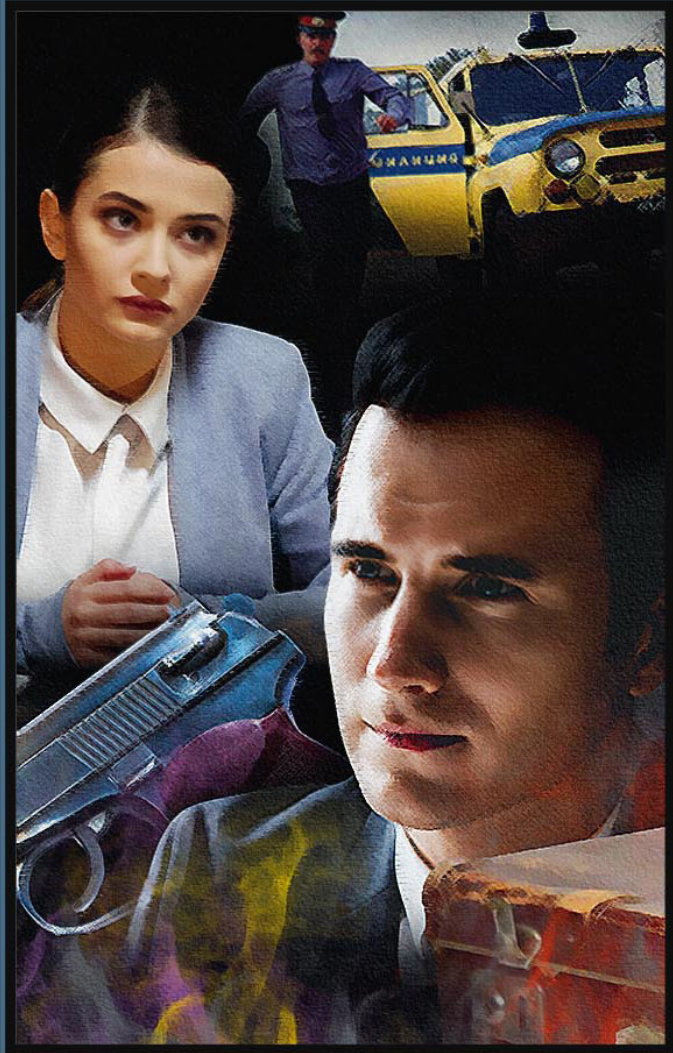

АНАТОЛИЙ БЕЗУГЛОВ

•

ПРОКУРОР

ЦЕНТРПОЛИГРАФ

Классическая библиотека
приключений и научной фантастики

Анатолий Безуглов

Прокурор

«Центрполиграф»
1984

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос)

Безуглов А. А.

Прокурор / А. А. Безуглов — «Центрполиграф», 1984 — (Классическая библиотека приключений и научной фантастики)

ISBN 978-5-9524-5376-0

В радиомастерской у рынка обнаружен чемодан, оставленный неизвестным на пару часов, однако за ним никто не пришел. При вскрытии чемодана обнаружены товары на очень крупную сумму. Опознать мужчину, оставившего вещи, может работник мастерской, но на следующий день после допроса он обнаружен мертвым. Преодолевая сопротивление лиц, заинтересованных в закрытии дела, прокурор Измайлов, бригада следователей и сотрудники милиции выходят на преступный «синдикат», действующий в Южноморске не один год…

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос)

ISBN 978-5-9524-5376-0

© Безуглов А. А., 1984
© Центрполиграф, 1984

Анатолий Безуглов
Прокурор

© А.А. Безуглов, 2019
© ЗАО «Центрполиграф», 2019
© Художественное оформление серии, ЗАО «Центрполиграф», 2019

* * *

Колхозный рынок в Зорянске находился в нескольких минутах ходьбы от дома, в котором жил городской прокурор Захар Петрович Измайлов. Раз или два в неделю Захар Петрович брал в руки хозяйственную сумку и ранехонько, к самому открытию, отправлялся за свежими овощами и фруктами. Об этой его традиции знали сослуживцы и знакомые. И в последнее время подтрунивали над ним, что эти походы скоро кончатся – пойдут свои овощи в садовом товариществе, где Измайлов получил участок два года назад. Однако огородом он обзаводиться не собирался. У жены Галины Еремеевны и сына Володи не лежала душа копаться в земле. Сам же Захар Петрович не имел времени, если бы даже и захотел. Вот и решили на семейном совете развести только сад. А что и в каком количестве сажать, было предоставлено главе семейства.

Сад был заложен прошлой весной. Осталось ждать и ходить пока все-таки на рынок.

Измайлов любил летние базары. Не барахолки, которые волей-неволей ворошили в душе гнетущие детские воспоминания военного и послевоенного времени, когда многим приходилось менять одно несчастье на другое… Захар Петрович любил рынки, где красовались плоды земли, труды человеческих рук. Может быть, потому, что это было воспоминание крестьянского детства. А может быть, оттого, что в каждом человеке сидит извечный инстинкт к торжищу, этому древнему как мир способу общения людей. Бывая и в других городах, он непременно заглядывал на тамошний зеленый базар.

Измайлов прошел через ворота. До торговых рядов тянулись по обеим сторонам магазинчики с большими висячими замками – хозяйственный, скобяной, продовольственный и промтоварный. Тут же разместились сапожная мастерская и мастерская по ремонту радиотехники. В девять часов распахивались ее стеклянные двери, и над рынком до самого вечера, видимо для рекламы мастерской, раздавалась веселая эстрадная музыка, создавая какую-то ярмарочную праздничность.

В воздухе стоял пряный запах укропа, петрушки, киндзы, на дощатых прилавках рдела молодая редиска, топорщились упругие стрелы лука. Но особенно ароматна была клубника. Ее привезли из южных областей, и она пахла лучами летнего жаркого солнца.

«Все-таки надо посадить на участке клубнику», – подумал Захар Петрович.

На одном из прилавков Измайлов увидел ревень. Толстые сочные стебли с чуть красноватой ворсистой кожицей так и просились в рот. Захар Петрович удивился: в этом году на рынке ревеня еще не было. И вообще редко кто сажал его. А зря. Отличная штука. Сдерешь кожицу, обмакнешь в соль…

– Сколько просите? – спросил он, указывая на ревень, у старушки, пригоршней брызгавшей воду из тазика на пучки петрушки.

– У хозяина спросите, – ответила та.

– А где он?

– Да только что был тут…

Старушка удивленно оглянулась, даже зачем-то посмотрела под прилавок.

Захар Петрович постоял, но, так и не дождавшись владельца ревеня, пошел по рынку. Потом еще несколько раз возвращался, однако продавец словно в воду канул.

И, уже покидая базар, закупив, что было задумано, Измайлов оглянулся. Ревень, оказывается, продавал один из членов их садового кооператива.

«Странно, – удивился Захар Петрович. – Неужели от меня прятался? И чего тут стесняться? Ведь сам растил, честно трудился…»

Он попытался припомнить его фамилию, да так и не вспомнил. Но вернуться и купить ревень не решился.

А у ворот базара уже стояло несколько личностей, род занятий которых не вызывал сомнений, – мелкие спекулянты. Две женщины и патлатый паренек. Они предлагали спешащим на рынок косметику, кожаные ремни с вычурными бляхами и «оренбургские» платки.

Эта троица у большинства прохожих, очевидно, не вызывала особой реакции. Ну, стоят, ну, продают…

Однако каждый человек видит мир по-своему. Сапожник обращает внимание, какие на людях туфли, портной – во что они одеты. Измайлов видел теперь только их – спекулянтов. И его поразило, что они действуют совершенно открыто, не прячась.

«Обнаглели!» – возмущенно подумал он, хотя предпринять сейчас тут, на месте, ничего не мог. Не дело его, прокурора города, хватать каждого спекулянта и тащить в милицию… Измайлов решил, что сегодня же, как только придет на работу, позвонит майору Никулину, начальнику горотдела внутренних дел. Тем более вчера в местной газете было опубликовано письмо о том, что подозрительные типы продают различные дефицитные товары из-под полы возле универмага и на железнодорожном вокзале. Надо обратить на это внимание работников ОБХСС…

Возле их нового пятиэтажного дома, куда Измайловы переехали совсем недавно, загружал багажник своего «запорожца» сосед Захара Петровича Борис Матвеевич Межерицкий. Они, как говорится, дружили семьями. И очень давно.

Межерицкий работал главврачом психоневрологического диспансера. Крупный, полный, с изрядной плешью, окруженной, как нимбом, редкими соломенного цвета волосами, толстогубый, со светлыми ласковыми глазами, Борис Матвеевич походил на какого-то доброго прирученного зверя.

Сейчас он был в невесть откуда раздобытом рабочем комбинезоне с большим карманом на груди и широченными штанами, заправленными в резиновые сапоги.

– Привет, законник! – весело приветствовал Измайлова сосед, захлопывая крышку багажника.

– Здорово, Боря, – протянул ему руку Захар Петрович.

Есть люди, встреча с которыми всегда создает хорошее настроение. Хоть и видишься с ними чуть ли не каждый день. Таков был Межерицкий.

– В Матрешки? – спросил Измайлов.

– А куда еще… Считай, добровольная трудовая повинность…

Матрешки – название деревни, возле которой отвели место для садового кооператива. Участок Измайлова соседствовал с участком Межерицкого. В шутку они называли себя дважды соседями. Вступить в садовый кооператив уговорил Захара Петровича Межерицкий.

– К морю когда? – поинтересовался Измайлов, зная, что сосед в отпуске и собирался махнуть на Черное море, где под Сочи у него жили родственники.

– Дай бог в следующую пятилетку, – усмехнулся Борис Матвеевич. – Надо строиться…

Он заглянул в сумку Захара Петровича, вынул пучок редиски, зеленого лука, почмокал своими полными губами.

– Товар красный!

– Верно, – кивнул Измайлов.

– А цены? Кусаются? Говорил тебе: сажай сам. У меня огурчики и помидорчики так пошли в рост – ой-е-ей! – Межерицкий вдруг вздохнул: – Боюсь, Захар, скоро приду к тебе в прокуратуру с повинной… Сколько дают за покупку левых материалов?

– Что ты купил?

– В том-то и дело, что не купил. Понимаешь, мне цемент сейчас позарез нужен. Неделю хожу в магазин, ну, на Алтайской улице, где торгуют стройматериалами… Нет, и неизвестно, когда будет. А вчера подошел один добрый человек с соседней стройки и предложил мешочек… Так есть надежда получить срок?

Межерицкий усмехнулся, открыл дверцу «запорожца» и опустился на сиденье. Машина изрядно осела.

– Не согласен я на палатку, Захар. Хочу ездить в Матрешки и зимой. Понимаешь, люблю тепло, уют…

Про палатку Межерицкий упомянул неспроста. До постройки домика он соорудил на участке времянку. А Измайловы поставили у себя туристскую палатку. И к строительству пока не приступали. Хлопоты изрядные. Добудешь кирпич, с лесом туго. А там заботы о шифере, дверных и оконных рамах, краске…

Лучше не вспоминать.

Правда, кое-кто в городе, узнав, что прокурор приобрел участок, предлагал свои услуги. Автотранспорт, строительные материалы. Не прямо, конечно, намеками. Однако Измайлов пресекал попытки таких доброхотов в корне.

– Вот землю дают людям – хорошо, – продолжал Межерицкий. – Отдыхай на природе, ковыряйся в своих грядках. Как врач – я за! Обеими руками. Более того, свои овощи и фрукты выращиваю. На шее государства станет меньше нахлебников. Верно?

– Вернее не скажешь, – улыбнулся Измайлов, оглядывая могучую фигуру соседа. – Особенно если учесть твои габариты. Такого держать на шее…

– Смейся, смейся, – несколько обиделся Межерицкий. – Я серьезно. С одной стороны, отличное дело, а с другой – такие трудности… Стройматериалы, удобрения, транспорт… Все – проблема! Вот ты, один из столпов города, можешь объяснить, почему место под сады выделили возле Матрешек? У черта на куличках! Хорошо, у меня свой транспорт. А другие? До Матрешек автобусом час, да еще от остановки столько же пешочком. А если с сумками, с инструментом? Какой это отдых получается? Одна дорога чего стоит. Вся радость улетучивается…

Межерицкий нахлобучил на голову соломенную шляпу с широченными полями и включил мотор.

Захар Петрович не мог подавить улыбку: до чего комичный стал вид у его приятеля.

От дома Измайлова до прокуратуры было двадцать минут ходу. Этот путь на работу и с работы Захар Петрович, как правило, проделывал пешком.

Зорянск в центральной части своей сохранил в основном облик старого городишки, с кружевом улочек и переулков, заросших липами, тополем и ясенем. Самым большим строением был трехглавый собор, построенный в конце прошлого века на высоком месте. Он считался одним из крупнейших храмов в средней полосе России после «Исаакия» и московских церквей. Собор являлся памятником архитектуры, уже несколько лет он стоял в строительных лесах, на которых, однако, не очень живо шла работа реставраторов.

Прокуратура находилась неподалеку от главной улицы, в старом кирпичном особняке. Это было добротное строение с палисадником.

Гладиолусы в каплях росы упруго высились над усыпанной крупной галькой дорожкой, ведущей к подъезду. Сам подъезд – пристройка к старомодному двухэтажному зданию – был плотно увит лианами дикого винограда. И если бы не официальная вывеска, уж никак нельзя было бы предположить, что вход этот ведет в столь не романтическое учреждение.

И гладиолусы, и дикий виноград, и скамейка, и даже сама дорожка из гальки, заменившая прежний асфальт, появились всего два года назад. Прежде всего к вящему неудовольствию шофера Измайлова, который носил редкое имя Май.

До этого «москвич» прокурора стоял прямо у подъезда. Как это водилось еще до Измайлова и было естественным при нем. Преимущества налицо: в дождь и снег можно было нырнуть в автомобиль прямо с крыльца. Да и всем заинтересованным лицам служило условным знаком, на месте ли прокурор.

Раньше секретарь прокурора могла, выглянув в окно, кликнуть Мая или передать ему распоряжение не выходя на улицу. С появлением цветов и декоративной дорожки «москвич» выдворили за угол. Правда, Май публично Глаголева не осуждал, однако его отрицательное отношение к этому ни для кого не было секретом.

Когда Измайлов подошел к прокуратуре, первым из своих подчиненных он увидел Глаголева, того самого следователя, который и произвел «революцию» в оформлении здания и дворика прокуратуры.

Глаголев приводил в порядок кусты шиповника, ловко орудуя секатором, и ничего не замечал вокруг.

– Здравствуйте, Евгений Родионович, – поздоровался с ним Измайлов.

– А, это вы! – выпрямился тот. – Добрый день.

В темном, перепачканном землей халате, надвинутом на лоб до самых очков с сильными линзами берете, он совершенно не походил на следователя, которого обычно видят в служебном кабинете.

– Как ваше хозяйство? – поинтересовался Измайлов.

– Придется обработать ядохимикатами, – серьезно сказал Глаголев. – Долгоносик появился…

Они обсудили, что лучше применить в данном случае, новейшие препараты – тиофос, хлорофос – или же воспользоваться старым средством купоросом. После этого Захар Петрович зашел в здание.

Вероника Савельевна, секретарь прокуратуры, благоухая скромными духами, деловито суетилась в приемной. После приветствия она коротко доложила:

– Звонил Май. Задержится. Полетел… – Она заглянула в бумажку: – Компрессор. Как только починит, приедет.

– Хорошо, – кивнул прокурор, проходя в свой кабинет.

Обстановка здесь осталась такой же, какой была при предшественнике Захара Петровича. Не модная. Современные столы и стулья совершенно не гармонировали бы с комнатой, которая была в этом старинном особняке, скорее всего, гостиной. Большие венские окна, изразцовая печь, оставленная, видимо, из-за красоты плиток, на которых пламенели фантастические кони. Печь бездействовала: здание давно обогревалось батареями центрального отопления.

Глаголев долго ломал голову над тем, как бы улучшить интерьер прокурорского кабинета, но так ничего пока и не придумал: тут был свой стиль. И даже чернильница, мраморная, с медными украшениями, находилась на своем месте.

Первым делом Измайлов просмотрел почту – привычка, выработанная за годы службы. Отложив письма, на которые решил ответить сам, остальные с резолюциями сложил в папку для своего помощника, Ольги Павловны Ракитовой.

Затем Захар Петрович посмотрел записи в перекидном календаре. Одна из них гласила: «Нач. ГОВДа. Объяснение».

Начальник горотдела внутренних дел Никулин был приглашен, чтобы доложить, какие меры приняты по жалобе, направленной ему Измайловым.

«Кстати, поговорю и о спекулянтах», – вспомнил Захар Петрович свой поход на рынок.

Майор Никулин явился в точно указанное время.

– Ну, что решили? – спросил Измайлов, имея в виду жалобу, ради которой он пригласил майора.

Никулин вынул из кожаной папки объяснительную записку и протянул прокурору.

– Попляшет он теперь, – сурово произнес Егор Данилович.

Речь шла о курсанте Высшей школы милиции, который проходил практику в ГАИ Зорянска. На него жаловался шофер-любитель, остановленный якобы за нарушение правил дорожного движения. Водителем оказался рабочий местного машиностроительного завода, передовик производства. Он возмущенно писал, как грубо вел себя тот самый практикант.

– В его комсомольскую организацию написали, – продолжал Никулин. – Пусть разберут на собрании. Поступок курсанта обсужден и на совещании в отделе милиции.

– Ну, он-то пока только практикант, – заметил Измайлов. – Вся беда, Егор Данилович, что и кое-кто из ваших старых работников хамит водителям. – Увидя протестующий жест Никулина, Захар Петрович жестко сказал: – Есть такие сведения. Вот не у них ли научился этот курсант?

Никулин помрачнел.

Измайлов решил больше к этой теме не возвращаться. Он отлично узнал майора за те пять лет, которые тот возглавлял городскую милицию. Такому не надо повторять два раза.

Перешли к вопросу о том, что делается в отношении спекулянтов, которых в последнее время все чаще можно увидеть на улицах Зорянска.

– Это гастролеры в основном нам показатели портят, – сказал Никулин. – Я как раз вчера проводил у себя совещание. Чистим город. Привлекаем дружинников. Постараемся, Захар Петрович…

– Давно пора, – кивнул прокурор, как бы давая понять, что все нужные вопросы они обговорили.

Майор ушел. Захару Петровичу было видно в окно, как он сел в поджидавший его милицейский газик. Как только машина тронулась, к прокуратуре подъехали красного цвета «жигули». Измайлов обратил внимание, номерной знак другой области, да и цифры запоминающиеся – четыре семерки.

Из автомобиля поспешно вылез Май, и скоро его шаги раздались в коридоре.

Еще раз глянув в окно, Захар Петрович подумал, что эту машину и водителя он уже где-то видел. Мужчине лет сорок, баки почти до подбородка, монгольские скулы и глаза…

– Разрешите? – заглянул в комнату Май.

– Заходи, – кивнул Измайлов. – Здравствуй.

– Здравствуйте.

Шофер был чем-то огорчен, это прокурор понял с первого взгляда.

– Ну, как компрессор?

– Менять надо, Захар Петрович… А лучше бы… – Он вздохнул. – Всю машину…

Май, пожалуй, впервые прямо говорил об этом Измайлову. Раньше только намекал. Действительно, прокурорский «москвич» давно пора списывать. В последнее время шофер не вылезал из-под него.

Не успел Май закрыть за собой дверь, как раздался телефонный звонок. Звонил Павел Иванович Ляпунов, начальник отдела общего надзора областной прокуратуры.

– Готовишься к конференции? – спросил он Измайлова после обмена приветствиями.

– А что готовиться, я, как пионер, всегда готов…

В Рдянске, их областном центре, должна была проходить зональная конференция работников прокуратуры. Захар Петрович уже имел официальное приглашение.

– Это хорошо, – сказал Ляпунов. – Вот что, товарищ пионер… у меня, значит, такое поручение от руководства… Будешь делать доклад на конференции.

– Как? – невольно вырвалось у Измайлова. Он прикинул: осталось десять дней. Успеет ли подготовиться?

– Минут на пятнадцать. Деловито, так сказать, и конкретно. Указание Степана Герасимовича – говорить без всяких шпаргалок.

Прокурор области Степан Герасимович Зарубин не любил, когда выступающие шпарили по написанному. Но в устах Ляпунова подобное звучало довольно забавно: сам-то он без бумажки чувствовал себя очень неуверенно.

– Без шпаргалок даже лучше, – сказал Захар Петрович.

– Но текст выступления отпечатай, – продолжал Ляпунов. – Было бы неплохо получить его нам заранее…

– Зачем? – спросил Измайлов.

– Как зачем? – удивился Павел Иванович. – Я проверю, чтобы ты лишнего не наговорил. Ведь прокурор республики обещал присутствовать на конференции…

После этого разговора в душе остался нехороший осадок. Захара Петровича больно кольнуло это недоверие. Оно обижало. И еще. От всего этого пахло показухой. С одной стороны, ты выступаешь вроде бы открыто, свободно, выкладываешь, как говорится, все, что на сердце наболело, а с другой стороны – он проверит! Чтобы, не дай бог, не сказал такого, что в глазах высокого начальства представило бы дела в области в невыгодном свете.

Измайлов нажал кнопку звонка и держал на ней палец дольше обычного. Вошла Вероника Савельевна, секретарь.

– Ракитову, – коротко попросил Измайлов.

– Она же на мелькомбинате, с проверкой, – удивилась та.

– Да-да, – спохватился Захар Петрович, вспомнив, что сам вчера дал своему помощнику задание по проверке на мелькомбинате, где, по сообщению одного из рабочих, транспорт систематически используется не по назначению. – Когда вернется, пусть зайдет.

Вероника Савельевна вышла, но тут же возвратилась:

– Захар Петрович, к вам тут на прием…

– Кто?

– Говорят, народные контролеры… Вот с таким чемоданом! – Она широко расставила руки.

– С чемоданом? – удивился прокурор. – Что же, пригласите их.

Через минуту в кабинет уже входила целая процессия: пожилой мужчина в шляпе, которую тут же поспешно снял, парень лет двадцати пяти и совсем молоденькая девушка в легком крепдешиновом платье.

– Вот, товарищ прокурор, – сказал парень, ставя огромнейший чемодан на стол и открывая крышку. – Явная спекуляция…

В глазах Измайлова зарябило от цветных узоров на целлофановых сумках, лежащих в чемодане.

– Прошу, садитесь, – сказал Захар Петрович. – Разберемся по порядку… Во-первых, давайте познакомимся…

– Сидоров, – чуть приподнялся самый старший, держа на коленях шляпу. – Николай Ефимович.

– Рита Волошина, – представилась девушка.

– Григорий Бровман, – назвал себя парень.

– Где вы работаете?

– В типографии… Являемся народными контролерами. Сегодня у нас рейд по плану, – сказал Сидоров. – Проверяли учреждения бытового обслуживания…

– Как оформляются заказы, нет ли претензий у заказчиков, – пояснила Волошина. – Понимаете, на этом фронте у нас в городе много узких мест. Помните, даже в газете «Знамя Зорянска» недавно писали…

– А чемодан откуда? – спросил Измайлов.

– Ой, товарищ прокурор! – воскликнула девушка. – Когда я увидела, что лежит в чемодане, то сразу поняла: дело нечисто! Откуда столько джинсов? Это только спекулянты! Мой брат говорит, у них в техникуме прямо на переменах предлагали во дворе. За двести рублей!..

Сидоров почувствовал, что девушку может занести от главного, и перебил ее:

– Постой, Маргарита… Значит так. Зашли мы в мастерскую, где работает Боярский…

– Какой Боярский? – засмеялся Бровман. – Зубцов его фамилия.

– Точно, Зубцов, – согласился Сидоров и пояснил, что Боярский – это прозвище радиомастера, которое дали ему потому, что внешне он действительно чем-то напоминал известного актера и вообще питал особое пристрастие к его таланту. В мастерской Зубцова то и дело слышалась бодрая песенка д'Артаньяна, исполняемая Михаилом Боярским. – Что касается претензий к мастерской, то их нет, – продолжал Сидоров. – Все в ажуре. Журнал учета заказов – как в аптеке. Мы опросили заказчиков, бывших в мастерской, они довольны…

– В Книге жалоб и предложений – только благодарности, – вставила Волошина. – И вообще, этот Боярский, простите, Зубцов очень культурный и вежливый. Там даже вымпел висит – «Предприятие образцового обслуживания»… – Она замолчала.

– Осмотрели мы и подсобку, – снова заговорил Сидоров. – Там у него детали разные, корпуса для магнитофонов, приемников. Короче, запчасти… Глядим, мешок с редиской и вот этот чемодан, – показал он на стол.

– Мне они сразу бросились в глаза, честное слово! – не удержалась девушка.

– Спрашиваем, – невозмутимо продолжал рассказ Сидоров, – чьи это вещи? Зубцов говорит: приезжие оставили. Ну, кто на рынок приехал торговать… Знакомые, что ли? Нет, говорит, просто попросили, пусть постоят вещи…

– Мешок и чемодан принадлежат одному человеку? – уточнил Измайлов.

– Разным, – ответил Сидоров. – Редиску женщина оставила, а чемодан какой-то мужчина.

– За мешком эта женщина при нас пришла, – опять вставила Волошина. – Забрала и стала торговать на рынке…

– А за чемоданом никто не пришел, – сказал Сидоров. – Мы целый час ждали… Попросили Зубцова открыть…

– Я как чувствовала! – взволнованно воскликнула девушка. – Открываем, а там!.. Нет, вы только посмотрите, товарищ прокурор!

Она вскочила, сгребла целлофановые сумки, которые пользуются у женщин таким успехом (удобно, конечно, в сложенном виде занимают мало места, и вид у них приятный), отложила в сторону. Под сумками аккуратной стопкой лежали новенькие джинсы.

– Импорт, – комментировал Сидоров.

– Самые модные! Вы только посмотрите, какие фирмы! – показывала этикетки Волошина. – «Супер Райфл», «Вранглер», «Ли», «Монтана»… Целых пятьдесят штук! Если даже по сто пятьдесят – семь с половиной тысяч рублей!

– Но это не все, – сказал Сидоров, помогая девушке выложить джинсы на стол.

Под ними были еще майки. Белые, с короткими рукавами. По таким буквально сходили с ума мальчишки и девчонки: на груди красовалось каре из четырех голов (две женские и две мужские). Поверх рисунка алели буквы АББА.

– Маек – ровно сто штук, как одна. – Волошина посмотрела на прокурора, ожидая слов одобрения.

– Вот акт! – поспешно протянул ему бумагу Сидоров.

Захар Петрович прочел акт. Там говорилось, что настоящий документ составлен «по факту обнаружения чемодана, содержащего сто целлофановых сумок, пятьдесят новых джинсов иностранного производства и сто маек с рисунком, принадлежащих неизвестному лицу…».

Акт был подписан тремя народными контролерами, а также Зубцовым.

– Знаете, товарищ прокурор, – еще больше волнуясь, начала Волошина, – этот Зубцов никак не хотел подписывать акт, мол: «Я тут при чем?» Тогда предложили ему вместе с нами пойти в милицию… А он, услышав про милицию, распсиховался, стал кричать: «Вы хотите меня, честного человека, опозорить на весь город, ни в какую милицию не пойду. И все. Хоть убейте». А потом, потом стал угрожать даже…

– Угрожать? Кому и за что? – решил уточнить Измайлов.

Но Волошина не спешила с ответом. Она стала крутить головой то направо – в сторону Сидорова, то налево, где находился Бровман, желая, но не решаясь что-то спросить у них.

– Говори все, как было, – рубанул рукой по воздуху Сидоров.

И Волошина, облегченно выдохнув, начала:

– Понимаете, товарищ Измайлов, этот самый Зубцов сказал, что он дружит с вашим сыном и вас лично хорошо знает, поэтому…

– Что? – не удержался Измайлов, но тут же, погасив свою эмоциональную вспышку, попросил рассказывать дальше.

– Так вот, этот Зубцов заявил, что если мы потянем его в милицию за этот чемодан, то он найдет на нас управу у прокурора и мы еще пожалеем… Вот мы и решили сами прийти к вам, показать чемодан и этот акт, все выяснить, а не ждать, когда он на нас наклепает бог знает что.

– Значит, испугались? – едва улыбнувшись, сказал прокурор. – А еще народные контролеры…

Маргарита Волошина, почувствовав поддержку Измайлова, набросилась на Бровмана:

– Я же говорила, что нечего с ним цацкаться, надо было его за шкирку и в милицию, мало ли чего он не хочет… Правильно я думаю, Захар Петрович?

– К сожалению, не совсем. Если Зубцов не хотел с вами идти в горотдел для выяснения всех обстоятельств, то насильно «тащить» его, тем более «за шкирку», как вы тут выражались, нельзя. Не имеете права.

Народные контролеры многозначительно переглянулись. Заметив это, Измайлов продолжил:

– Да, не имеете права, независимо от того, в каких отношениях он с прокурором, его женой или сыном…

– Про жену Зубцов не говорил, – уточнила Волошина.

– И на том спасибо, – усмехнулся Измайлов. – А если говорить всерьез, то про Боярского я действительно от сына, Володьки, что-то слышал – он раза два магнитофон свой чинить в мастерскую носил, а вот, как говорят, в списках моих знакомых не значатся ни Боярский, ни Зубцов. Да и какое это имеет значение? – Прокурор пристально посмотрел на Волошину и на других контролеров, а затем, встав из-за стола, открыл настежь окно и продолжил: – Не кажется ли вам, дорогие товарищи, что часто, слишком часто мы принимаем те или иные решения в зависимости от того, кто он, что он, чей сын, брат или сват?..

Не ожидая ответа, Захар Петрович сел на свое место, набрал номер телефона начальника горотдела внутренних дел. Никулин был у себя.

– Слушай, Егор Данилович, – сказал Измайлов, – срочно пришли ко мне кого-нибудь из ОБХСС…

Буквально через пятнадцать минут в прокуратуру приехал старший инспектор ОБХСС Юрий Александрович Коршунов. Измайлов передал ему, как говорится, с рук на руки народных контролеров. Были предприняты все необходимые меры к поиску и задержанию владельца чемодана.

В конце рабочего дня старший лейтенант Коршунов снова приехал к Захару Петровичу. Был он раздраженный, взвинченный.

– Недаром говорят: если баба встрянет – пиши пропало! – сокрушенно произнес он. – Ну и дошлая же эта девица!

– Контролерша, что ли? – спросил Измайлов.

– Ну да! Риточка-Маргариточка! У парней-то мозги сразу заработали. Хотели из мастерской позвонить нам. А там, как назло, телефон испортился. Этот паренек, Бровман, побежал к автомату. Автомат тоже не работал. Девчонка и уговорила забрать чемодан… Надо же было сморозить такую глупость! – кипел старший лейтенант. – Ведь вот, казалось бы, доброе дело сделали эти контролеры. Хорошо, засекли! И дали бы знать нам, не поднимая шума! Мы того голубчика постарались бы тепленьким взять.

– А что говорит Зубцов?

– Что говорит? Мол, какой-то человек попросил, чтобы чемодан постоял у него с полчаса. Приезжий, говорит. Дескать, куплю кое-что на рынке и заберу чемодан…

– Зубцов описал его внешность?

– В коричневом костюме. Высокий. Глаза серые… Никаких особых примет. В общем, мы составили подробное описание.

– Кто-нибудь еще видел этого человека?

– Других свидетелей не нашли.

– А та женщина, что мешок с редиской оставляла?

– Тоже не видела. По словам Зубцова, мужчина, оставивший чемодан, заходил позже ее.

– Кто эта женщина?

– Пенсионерка. Бывшая колхозница. Из деревни Желудево.

– Понятно… И что вы думаете обо всей этой истории? – спросил Захар Петрович.

Коршунов помолчал, подумал.

– Если все так, как рассказывает этот радиомастер…

– Других-то свидетелей вы не нашли, так?

– Так, Захар Петрович, – вздохнул Коршунов. – Я думаю, скорее всего, можно предположить, что владельца чемодана спугнули контролеры. В таком случае – положение швах! Ищи-свищи…

– А джинсы, майки, сумочки? Тут пахнет большими деньгами…

– Так ведь своя шкура дороже… Судя по количеству товара, спекулянт с размахом. Мелочиться не будет…

– Как по-вашему, Зубцов действительно непричастен?

– Не знаю, Захар Петрович. Поработаем – увидим…

– А контролерам он действительно угрожал? – спросил Измайлов.

– Судя по всему, было дело. Скорее всего, от испуга. За всю жизнь ни разу в милиции не был даже в качестве свидетеля, а тут вдруг такое… Кстати, Захар Петрович, кто будет вести следствие? Мы? Или у себя материалы оставите?

– Обсудим с Егором Даниловичем, – подумав, ответил Измайлов.

На следующий день он позвонил майору Никулину. Тот взмолился и попросил поручить расследование кому-нибудь из следователей прокуратуры. В милиции была запарка: один из следователей вышел на пенсию, другой был в отпуске…

По факту обнаружения чемодана было возбуждено уголовное дело. Измайлов поручил его Глаголеву.

Евгений Родионович Глаголев стал следователем зорянской прокуратуры при обстоятельствах, не совсем обычных. А вернее, совсем необычных.

Когда он появился первый раз, Гранская, проработавшая следователем вот уже больше десяти лет, в шутку назвала Глаголева Бертильоном, о котором только что прочитала интерес-

ную статью в журнале. В ответ на это он загадочно усмехнулся. О шутке Гранской вспомнили довольно скоро. И вот почему.

Как известно тем, кто увлекается криминалистикой, история Альфонса Бертильона – одна из самых ярких в анналах науки о преступлениях. Весной 1879 года в полицейской префектуре Парижа, известной под названием Сюрте, появился болезненный молодой человек, замкнутый и недоверчивый. До этого он пробовал себя в разных жизненных предприятиях, но безуспешно. Место писаря в Сюрте могло устроить разве что отчаявшегося неудачника. Тем более отец Бертильона был уважаемым врачом, вице-президентом Антропологического общества Парижа.

Короче, Альфонс Бертильон прозябал в углу одного из больших залов префектуры, внося в карточки описание личностей преступников. В то время еще не существовало такого универсального метода идентификации, каким стала позднее дактилоскопия. В картотеку заносились словесные приметы наподобие: «высокий», «низкий», «среднего роста», «особых примет нет», прилагались фотографии. Но это все мало облегчало работу полиции по установлению личности преступников.

Спустя четыре месяца после прихода Бертильона в Сюрте он сделал открытие, обессмертившее его имя. Духота, приступы мигрени и носовые кровотечения, мучившие Бертильона, не мешали ему, однако, находиться «во власти идеи». Он сравнивал фотографии арестантов, форму и размер носов, ушей. И, к общему смеху работников полиции, вдруг попросил разрешения обмеривать регистрируемых заключенных. Ему разрешили. До начала работы он стал посещать тюрьму, где производил свои измерения.

Не обращая внимания на недоверие и насмешки окружающих, Бертильон продолжал свое дело. Открытие его состояло вот в чем.

Если сделать 16 измерений, например, роста, объема головы, ушной раковины, длины ступни, тела до пояса и так далее и зафиксировать их в карточке уголовника, то подобрать другого такого с такими же данными было практически невозможно. И, когда идентифицировали по этому методу первого преступника, пришел день триумфа невзрачного писаря. Имя Бертильона прогремело. Бертильонаж – так назвали этот метод – победно зашагал по Европе. Правда, вскоре его повсеместно заменила дактилоскопия, но факт остается фактом…

Глаголев в какой-то степени стал следователем тоже по воле случая. Скорее, по несчастью.

С детства он увлекался рисованием. Рисование и помогло ему раскрыть преступление, из-за чего он получил от Инги Казимировны прозвище Бертильон.

После школы Женя Глаголев поступил в художественное училище, которое готовило ювелиров. Все шло хорошо, пока однажды…

Вытачивал как-то Глаголев дома деталь на маленьком станке и не уберегся – забыл или не захотел надеть предохранительные очки, и стружка попала ему в правый глаз. В больнице, куда он обратился лишь на следующий день, стружку извлекли, но с этого момента глаз стал видеть хуже и хуже. Врачи сделали все, что было в их силах, однако зрение у Глаголева скоро испортилось настолько, что он вынужден был теперь пользоваться очками с сильными линзами. О работе ювелира пришлось забыть. Потеря зрения в любом случае – горе, но, когда по болезни приходится расставаться с любимым делом, – горе вдвойне.

Правда, способности и художественная жилка в Евгении Родионовиче оставались прежними. Некоторое время он работал на ВДНХ, занимался оформлением павильонов и территории выставки. А получить высшее образование подтолкнула его жена. Рената сама была из Зорянска, училась в Высшем техническом училище имени Баумана. Из всех вузов Глаголев выбрал Всесоюзный юридический заочный институт. С Ренатой они поженились, когда она перешла на последний курс. После окончания МВТУ Ренату с распростертыми объятиями встретили на машиностроительном заводе в конструкторском бюро. Евгений Родионович неко-

торое время болтался без дела, не зная, где себя применить, пока однажды директор завода Самсонов не разговорился с новой сотрудницей о муже. И Самсонов предложил Глаголеву заняться благоустройством заводской территории. Предприятие расширялось, часто наезжало руководство из Москвы. Директору хотелось показывать товар лицом.

Глаголев был оформлен на какую-то должность в цех, а по существу являлся садовником. Он заложил на территории завода парк с отличной планировкой. Когда вопрос касался престижа, Самсонов не скупился.

Но тут подошло время производственной практики. По просьбе Глаголева ему в институте дали направление в прокуратуру Зорянска. Он хотел по завершении института стать следователем (кто не мечтает прославиться наподобие комиссара Мегрэ или Эркюля Пуаро!), и Измайлов предложил Глаголеву стажироваться у Гранской.

В это время у Инги Казимировны в производстве находилось несколько заурядных дел. Автодорожное происшествие, квартирная кража, обвес покупателей.

Евгений Родионович жаждал познакомиться с делами интересными. Прокурор посоветовал посмотреть некоторые дела, которые уже прошли через суд. Может быть, потому, что они уже относились к прошлому, Глаголев не нашел в них ничего загадочного. Но зато его заинтересовало дело об ограблении, случившееся года два назад и оставшееся нераскрытым. Вел это дело старый, опытный следователь прокуратуры, ушедший месяц назад на пенсию.

Ограбление жительницы Зорянска произошло неподалеку от города, возле деревни Желудево, где съемочная группа столичной киностудии снимала эпизоды фильма из зарубежной жизни.

Юная часть жителей Зорянска находилась в сильном возбуждении. Еще бы, на улицах можно было встретить «живых» кумиров, кинозвезд. По Зорянску разъезжали заграничные автомобили разных марок. В ресторан на первом этаже гостиницы «Заря», раньше всегда полупустой, нельзя было попасть. Туда ломились не столько за тем, чтобы отведать фирменный бифштекс с грибным соусом, сколько поглазеть на знаменитостей.

Ассистент режиссера и ассистент оператора, разъезжая по городу на роскошном Крайслере, как-то познакомились с одной девушкой, будущей потерпевшей. «Крайслер», джинсы (правда, донельзя потертые, но зато с ярлыком известной фирмы), а главное, волшебное слово «кино» вскружили этой девушке голову. Ассистенты, выдав себя за оператора и режиссера, то есть основных создателей картины, пригласили ее сниматься в фильме.

Надев самое лучшее платье, золотые сережки и кулон, будущая звезда явилась в Желудево. В этот день группа из-за плохой погоды была свободна от работы, и два ассистента инсценировали съемку, «снимая» девушку аппаратом без пленки. Затем в лесу обмыли рождение новой «кинозвезды». Пикник затянулся на всю ночь. Под утро ассистенты уехали в город, бросив девушку одну. Она же, находясь под сильным действием винных паров, каким-то образом добралась до шоссе, остановила проходившую грузовую машину и попросила довезти ее до Зорянска. Когда водитель выяснил, что у нее нет денег, он ссадил ее, снял золотые вещи и наградил двумя синяками. Ни номера, ни марки машины пострадавшая не запомнила.

Девушку особенно взволновала пропажа обручального кольца, которое надел ей на руку жених, моряк торгового флота, ушедший в плавание и намеревавшийся по возвращении пойти с обрученной в ЗАГС. Моряк вернулся, а кольца нет. Несостоявшаяся кинозвезда рассказала ему об ограблении, опустив, разумеется, предшествующие эпизоды. Моряк не поверил ей. Тогда она заявила о случившемся. Было возбуждено уголовное дело. Жених несколько раз приезжал к следователю. Вопрос женитьбы, таким образом, ставился в зависимость от результатов расследования: если будет найден преступник, значит, кольцо действительно похищено и невеста не лжет.

Когда это так и не раскрытое дело попало в руки Глаголеву, со дня происшествия минуло два года, преступник разгуливал на свободе, а моряк все еще не решался соединиться со своей

избранницей узами законного брака. И никто не мог предположить, что эту историю раскроет молодой практикант Евгений Глаголев по прозвищу Бертильон.

Поначалу у него ничего не получалось: времени прошло порядочно да и улик, прямо скажем, никаких. Как и свидетелей. Он попытался нащупать следы через драгоценности, которые грабитель снял с девушки. Для этого Глаголев точно нарисовал их по описанию потерпевшей. В ювелирные мастерские (а их в городе и области было наперечет) по поводу ремонта таких украшений не обращались. Проверка этих вещей у задержанных воров и перекупщиков краденого тоже ничего не дала.

Тогда Евгений Родионович решил подойти с другого бока – попытался воссоздать внешний облик шофера-грабителя. Это тоже было не так-то просто, но помогли способности следователя к рисованию. Намаявшись сам и измучив потерпевшую, он постарался представить кое-какие отдельные черты и приметы преступника, сделал массу зарисовок, которые обсуждал с девушкой. И когда, по ее мнению, портрет стал походить на оригинал, следователь привлек к работе сотрудников уголовного розыска.

В удивительно короткий срок они вышли на преступника. Им оказался шофер леспромхоза, находившегося неподалеку от Зорянска.

Вот когда вспомнили шутку Гранской насчет Бертильона.

Состоялся суд. Потерпевшая очень не хотела, чтобы ее жених присутствовал на нем. Ей повезло: процесс состоялся в то время, когда моряк находился в очередном плавании.

После суда невеста потребовала копию приговора. И обязательно с круглой гербовой печатью. Она вышла замуж за моряка и тут же переехала жить в его город (сам он был из Чернигова).

А в судьбе Глаголева произошел поворот. Все началось с того, что он был отмечен в приказе прокурора республики. Потом появилась заметка в журнале «Социалистическая законность». Глаголева взяли в штат.

Правда, после этого дела Евгений Родионович на следовательском поприще особенно ничем себя не проявил.

Вот кому поручил Измайлов расследовать дело о чемодане, набитом дефицитными товарами и найденном в радиомастерской на рынке.

Получив задание от прокурора и вернувшись в свой кабинет, Евгений Родионович Глаголев достал из шкафчика новенькую папку для дел, надписал, вложил туда акт об изъятии чемодана, составленный народными контролерами. Вторым документом было постановление о возбуждении дела и принятии его к своему производству. Ставя число, Евгений Родионович посмотрел на перекидной календарь.

Восемнадцатое июня, вторник.

Затем Глаголев решил составить план следственно-оперативных мероприятий. «Правильно и полно составленный план – полдела в нашей работе», – учила его первая наставница, следователь Инга Казимировна Гранская.

Евгений Родионович вынул из ящика стола чистый блокнот и записал на первой странице:

«1. Поговорить со старшим лейтенантом Коршуновым.

2. Допросить Зубцова.

3. Допросить контролеров.

4. Проверить личность Зубцова.

5. Сделать запрос на базу горпромторга, поступали туда джинсы, майки и сумочки, подобные обнаруженным в чемодане, или нет».

Глаголев поставил цифру 6, но что делать по этому пункту, так пока и не придумал.

«Там увидим», – решил следователь, набирая номер телефона старшего инспектора ОБХСС. По согласованию Измайлова с начальником горотдела милиции Коршунов был прикреплен к делу о таинственном чемодане.

Они договорились тут же встретиться. Старший лейтенант рассказал следователю о том, как вчера развивались события. Поделился своими впечатлениями о Зубцове. По линии угрозыска продолжались поиски владельца чемодана по словесному портрету неизвестного, составленному со слов радиомастера. На этом и расстались, наметив необходимые мероприятия.

Глаголев решил встретиться с Зубцовым. Но прежде зашел в городское управление бытового обслуживания, чтобы ознакомиться с его личным делом, поговорить с кадровиком.

На рынок он добрался за час до обеденного перерыва.

В помещении мастерской было несколько любопытных мальчишек. Они во все глаза смотрели, как Зубцов, в безукоризненно белом халате и при галстуке, колдовал с миниатюрным паяльником над микросхемой.

Увидев посетителя, мастер положил паяльник на подставку.

– У вас что? – спросил он. – Сдавали в ремонт?

– Ничего не сдавал, – ответил Глаголев, бросив взгляд на мальчишек. Я бы хотел побеседовать с вами…

Зубцов поднялся. Ростом он и впрямь был под стать Михаилу Боярскому и, наверное, подражал внешне – длинные прямые волосы, усы…

– А ну, орлы, прошу освободить помещение, – обратился он с улыбкой к любопытной детворе.

Те стайкой выпорхнули из мастерской. Зубцов закрыл дверь и перевернул табличку надписью «Обед» наружу.

– Следователь прокуратуры Глаголев, – показал свое удостоверение Евгений Родионович.

– Я так и понял, – сказал мастер, нажимая клавишу на магнитофоне. Стало непривычно тихо. – Поговорим здесь или?.. – Он показал на дверцу в стене.

– Лучше там, – ответил Глаголев.

Зубцов провел его в подсобное помещение. Оно было без окон. На стеллажах лежали конденсаторы, сопротивления, мотки разноцветных проводов, радиолампы, корпуса от транзисторных приемников и магнитофонов.

– Вас устроит? – показал Зубцов на низенькую табуретку возле небольшого стола.

– Вполне.

Глаголев сел. Мастер примостился на корпус от старого приемника. Он был спокоен все время, пока следователь заполнял бланк протокола допроса, лишь изредка проводил пальцем по кончикам усов.

– Пожалуйста, расскажите, каким образом вчера в помещении оказался чемодан с джинсами, майками и сумками? – попросил Глаголев.

Зубцов обстоятельно, однако без особых подробностей, изложил то, что было уже известно следователю.

– Значит, вы утверждаете, что впервые видели человека, оставившего у вас чемодан? – спросил Глаголев.

– Ну, этого я не могу утверждать, – возразил мастер. – По-моему, он заходил как-то… У меня столько бывает народу…

– Ага, все-таки заходил, – ухватился за это признание Евгений Родионович. – Зачем он заходил? Может, сдавал что-то в починку?

– Возможно. – Зубцов вдруг грустно улыбнулся: – Евгений… Кажется, Родионович?

– Да.

– Евгений Родионович, прошу вас, не надо ловить меня. Поверьте, я искренне хочу помочь вам… Сегодня всю ночь не спал, вспоминал того мужчину. Ведь со мной вчера беседовал ваш товарищ… Но, увы! – Он развел руками.

– Значит, больше ничего не можете вспомнить?

– Как только что-нибудь припомню, тут же вам сообщу. – Мастер откинул со лба свисающие волосы.

Глаголев испытующе посмотрел на собеседника, подумал: скорее всего, Зубцов говорит искренне.

А мастер продолжал:

– Вы знаете, я даже специально просмотрел сегодня книгу заказов, квитанции, надеялся: может быть, вспомню… Профессиональная привычка. Встретишь в городе человека – и сразу в уме: «Спидола-240», ферритовая антенна треснула. Или – «Соната», испортился переключатель громкости… Вы понимаете, о чем я говорю?

– Вполне, – кивнул Глаголев.

– Так вот, даже профессиональная память не помогла. Не помню – и все тут.

– Хорошо… А вашу мастерскую часто используют, как… – Евгений Родионович некоторое время подыскивал нужное выражение. – Ну, как камеру хранения?

– Бывает. И знаете почему?

Не дожидаясь ответа, Зубцов поднялся и поманил за собой следователя.

Они вышли.

– Видите? – указал мастер в окно.

Напротив на двери с надписью «Камера хранения» висел огромный замок.

– Третий день гуляет Гаврилыч, – пояснил Зубцов. – Приемщик. Неплохой мужик, ей-богу, но раз в месяц обязательно запивает… Придите завтра – будет на месте. У него четко – три дня, не больше… А куда людям деваться? Приедет какая-нибудь старушка из района. У нее покупки или еще что. Меня знают. Как-никак десять лет в этой мастерской… Вот и идут.

Они вернулись в подсобку.

– И все-таки, – сказал Глаголев, – одно дело доверить вам мешок редиски, а другое – чемодан с добром на внушительную сумму… – Он покачал головой.

– Еще не такое бывает, – усмехнулся мастер, ущипнув ус. – В прошлом году история была… Заваливается утром один тип. Знаю его, отличные груши выращивает, как мед, так и тают во рту. Дерет, правда, безбожно, но не об этом речь… Заваливается, значит, изрядно пьяный. Говорит: можно чемоданчик оставить? А почему бы нет? Ставь, отвечаю… Ушел. Так до вечера и не забрал… На следующий день является. Физиономия сизая, весь трусится. С похмелья. И вдруг, представляете, расплакался, как баба. Мужичище – во! – Зубцов развел руки у плечей. – А слезы ручьем. Спрашиваю: «В чем дело?» Он мне: «Понимаешь, браток, деньги вчера потерял». «И много?» – спрашиваю. «Жена, – говорит, – послала в город мебель купить, а я не удержался, купил бутылку, другую. Видно, перебрал, вот кто-то воспользовался и украл деньги, а может, сам потерял…» Посочувствовал я ему, конечно, а потом выношу чемоданчик-то, дескать, забери… Он, как увидел свой чемодан, чуть не задушил меня в своих объятиях. Деньги-то, пять тысяч, в чемодане были!

А он по пьянке и запамятовал, где оставил…

Зубцов замолчал.

– Что ж, бывает, – сказал следователь.

Уловив в этих словах недоверчивые нотки, мастер обиженно произнес:

– Можете проверить. В Капустино живет. Фамилия Небаба. Запомнил, потому что смешная… Этот Небаба привез мне живого гуся и ящик груш. Все в гости зовет… – Зубцов пожал плечами: – Не понимаю, неужели честность и порядочность теперь такая редкость?

То, что радиомастер действительно честный и душевный человек, говорили следователю и начальник отдела кадров их управления, и директор рынка. Подтвердил он и насчет Гаврилыча, приемщика камеры хранения: есть у него слабость – любит выпить. Давно директор собирается уволить его, да работник он честный…

Когда Глаголев выходил из ворот рынка, Зубцов садился в «жигули».

– Может, подвезти вас? – спросил он следователя.

– Спасибо, я пройдусь, – вежливо отказался Евгений Родионович.

Он долго смотрел вслед отъехавшей машине. Она была приметная, двухцветная – голубой низ и слоновой кости верх. На границе цветов была прилажена никелированная полоса. Более того, на радиаторе владелец прикрепил украшение от «Чайки», а на колпаки колес – хромированные накладки в виде спиц.

«Ну и наворотил мишуры!» – подумал Евгений Родионович.

До конца рабочего дня следователь успел допросить народных контролеров, обнаруживших чемодан, побывать на базе горпромторга и встретиться еще раз со старшим лейтенантом Коршуновым.

Придя домой, Захар Петрович удивился – жены еще не было.

– Где мама? – спросил Измайлов у сына, переодеваясь в домашнее.

– Кажется, в гороно вызвали, – ответил сын, не отрываясь от экрана.

Захар Петрович глянул на часы: все учреждения уже закончили работу. Он прошел на кухню. Над неприбранной использованной посудой – Володина привычка, с которой оба родителя боролись безуспешно, – роились мухи.

Измайлов поставил разогревать обед, размышляя о том, как завтра с утра засядет за доклад для предстоящей конференции. Хорошо, что в его распоряжении еще два выходных дня.

А план поехать в воскресенье в Матрешки безнадежно рухнул. Придется послать на участок Галину и Володю. Надо непременно окучить молодые саженцы. И полить – погода стоит сухая, жаркая, не погубить бы молодые, неокрепшие деревца.

Не успел он приступить к еде, хлопнула дверь. Жена.

– Извини, Захар, – зашла она на кухню, даже не переодевшись в халат. – Так перепсиховала, что забыла обо всем на свете…

– Что случилось? – тревожно посмотрел он на нее. – Да, есть будешь?

– Неохота. – Галина Еремеевна опустилась на стул. – Я просто посижу. – Она сцепила руки и положила на скрещенные пальцы голову. – В общем, ничего страшного. А ты ешь…

Захар Петрович с нежностью посмотрел на жену и подумал: «Какая она у меня все-таки красивая!»

В свои тридцать восемь лет Галина Еремеевна и впрямь еще сохранила стать и свежесть молодости. Черные, как вороново крыло, волосы чуть вились, большие бархатно-карие глаза лучились. Кожа у нее была белая, и это создавало удивительный контраст. Галина зачем-то всегда стремилась летом загореть и тогда походила на какую-то туземку из южных стран, хотя Захару Петровичу нравилась белизна ее кожи. Такую он ее встретил под северным небом Сыктывкара, где служил в военной прокуратуре. Студентку педагогического института.

Познакомились они случайно. Приятель, следователь военной прокуратуры, уговорил Захара Петровича поехать за город на Вычегду, попытать рыбацкого счастья. Следователь знал отличное место, где брали сиги и судаки.

Но удача обошла их стороной – поймали несколько окуней, да и то маломерок, разве что для кошки. А рядом, метрах в пятидесяти, какая-то девушка таскала одну за другой крупные сверкающие рыбины. Преодолев мужскую гордость, незадачливые рыбаки подошли к рыбачке. И оба были очарованы ее глазами – две яркие звезды в белую ночь.

Стоял июль, время студенческого отпуска. Но Галина не поехала в свой родной Хановей – городишко неподалеку от Воркуты. Там жила ее семья: отец-рыбак, мать и еще семеро сестренок и братишек. Галина подрабатывала летом (в детском саду, в пионерском лагере), чтобы учиться зимой.

Военные юристы пригласили девушку на вечер в Дом офицеров. Началось соперничество. Галина предпочла Захара Петровича.

Под Новый год сыграли свадьбу в Хановее. Измайлов в первый раз попробовал строганину – свежезамороженный таймень, нарезанный тончайшими пластами и посыпанный солью.

А специальность жена Захара Петровича выбрала под стать своим увлечениям – зоологию, потому что была отличным рыболовом, приходилось ей и бить зверя в тундре. Правда, теперь она с неохотой вспоминает, как ходила с ружьем на песца. Галина стала яростным защитником природы. В школе уже несколько лет действовал кружок «Белый Бим», созданный по ее инициативе и держащийся на ее энтузиазме.

В прошлом году она выдержала настоящий бой с такой солидной организацией, как Главное управление охотничьего хозяйства и заповедников при Совете Министров РСФСР. Конечно, не одна. Но душой и главным воителем была она.

А дело заключалось в том, что в зоомагазине в Зорянске появились в продаже певчие птицы: щеглы, коноплянки, чижи. По соседству с канарейками – искони домашними певуньями – эти пугливые дети лесов и полей выглядели жалко и нелепо. Как Главохота согласилась выдать разрешение на отлов птиц в лесах вокруг Зорянска, местные любители природы понять не могли.

Галина Еремеевна подняла сначала школьников – участников кружка «Белый Бим». Те ходили по домам, в которые попали дикие птицы из зоомагазина. Картина выглядела прямотаки трагической – около девяноста процентов птиц погибло. И тогда в Москву полетели телеграммы с требованием остановить заведомое уничтожение щеглов, коноплянок, чижей. Было составлено резкое письмо, где говорилось, что это наносит непоправимый урон фауне. Тем более что вокруг была зона интенсивного земледелия, а значит, усиленно применялись ядохимикаты, вредно действующие на все живое. Да еще этот отлов для продажи. И не только в Зорянске…

В столице не сразу обратили внимание на протесты местных природолюбов. И тогда Галина сама поехала в Москву, где обратилась за поддержкой к крупным ученым-орнитологам. Она даже побывала на телевидении у ведущего передачи «В мире животных».

В результате всех этих усилий отлов был запрещен.

– Ну, рассказывай, – попросил жену Захар Петрович. – Опять воевала?

– Воевала, – кивнула Галина.

– С кем, если не секрет?

– С Бердяниным.

Это был директор их школы.

– По какому поводу?

В Галине Еремеевне, по-видимому, опять вспыхнуло пламя прошедшего конфликта.

– Сам посуди, Захар, какое семя мы взращиваем в ребенке, заставляя его накалывать на булавку бабочку или жука? С детства разрешать губить жизни живых существ! Разве это гуманно?

– Нет, не гуманно, – согласился Измайлов.

– И ради чего? Чтобы в кабинете директора висел еще один диплом…

– Какой диплом? – не понял Захар Петрович.

– За участие в выставке внеклассных работ. – Галина Еремеевна встала, подошла к окну. – Начнем с того, что в какую-то светлую в кавычках голову пришла мысль наградить на прошлогоднем городском смотре нашу школу за лучшую коллекцию насекомых. Бердянину понрави-

лось. Собрал нас сегодня и дал задание на лето – каждому классу в начале следующего учебного года в обязательном порядке представить коллекцию… Все приняли это как должное. Еще, говорят, надо соревнование устроить! Кто больше! Я даже опешила. От жары, что ли, думаю, отупели? Встала и заявила, что категорически против. Бердянин аж позеленел. Раскричался, что я-де всегда против течения… Я объясняю: непедагогично приучать детей к умерщвлению живых существ… Уж больно ему это слово не понравилось – умерщвление. Я, заявляет, в педагогике тоже не новичок, и мы должны готовить учеников к научной деятельности… А какая наука без опытов над животными? Вон, Павлов над собаками экспериментировал… Нашел пример. То Павлов, а это – дети… Да и бессмысленно все это – насекомые на булавках. Пользы для науки никакой… Я это все высказываю, а он мне знаешь что в ответ? «Если ловить бабочек сачками негуманно, непедагогично, ненаучно, то почему в детских магазинах продают эти самые сачки?»

– Вот это довод… – улыбнулся Захар Петрович. – И он тебя не убедил?

– А тебя? – бросила жена.

– Я как-то не задумывался над проблемой продажи сачков.

– Я ему говорю: ловить – еще не значит убивать. И все же, мне кажется, что многие не задумываются, когда предлагают детям орудия для мучения живых существ. Доходы считают, а убытки нравственного порядка их не волнуют. А жаль! Очень жаль…

Галина Еремеевна замолчала.

– Так тебя никто и не поддержал? – уже серьезно спросил Захар Петрович.

– Кое-кто пытался. Массальская, наша химичка, старик Гринберг… Ты бы видел его, – улыбнулась вдруг жена. – Я, говорит, хоть и сухарь-химик, но бабочек люблю живых. В детстве ловил их сачком, но никогда не убивал, а отпускал… Представляешь, седой Гринберг с сачком?

– А при чем здесь гороно?

– Директор пожаловался… Позвонила Доброва, замзавгороно, попросила зайти. Зачем вы подрываете авторитет директора? Ну, я опять не выдержала… Да, на мое счастье, зашла Самсонова.

– Это не жена Глеба Артемьевича, директора машиностроительного завода?

– Да, она. Вера Георгиевна сейчас работает старшим инспектором гороно… Послушала наш разговор и, представь себе, поддержала меня… Доброва смягчилась, говорит: ладно, разберемся.

– И вы до сих пор сражались с Добровой? – посмотрел на часы Захар Петрович.

– Сражение давно закончилось… Потом мы с Верой Георгиевной разговорились. Ты знаешь, в ней что-то есть…

– Вот не подумал бы, – удивился Захар Петрович. – Видел ее раза два. Странное впечатление. Какая-то вялая, бесцветная…

– Я тоже считала ее сухарем. Придет на урок, посидит молча, вопроса не задаст и уйдет, слова не скажет.

– Полная противоположность мужу. Глеб Артемьевич – человек общительный, вокруг него все бурлит и клокочет. Остроумный и веселый…

Их беседу прервал Володя.

– Мама, там пацаны журавля принесли, – заглянул в комнату сын.

Галина Еремеевна поспешила в коридор. Вышел и Захар Петрович.

Трое мальчишек лет восьми – десяти стояли, переминаясь с ноги на ногу, а на полу, печально распластав крылья, лежала большая серо-пепельная птица.

– Боже мой! – воскликнула Галина Еремеевна, наклоняясь над ней и осторожно беря в руки поникшего журавля. – Где вы его взяли? Что с ним?

Мальчик постарше взволнованно стал объяснять:

– Мы купались на Голубом озере, вдруг девчонка подбегает. Мальчики, говорит, там птица лежит. Мы побежали. Смотрим, в кустах журавль. И так смотрит, ну, вот-вот помрет. Жалко ведь. Вот мы и взяли его… Вы его вылечите? – с надеждой посмотрел он на Галину Еремеевну.

– Конечно, вылечим! – заверила она, поглаживая птицу.

– У него лапа больная, – сказал другой мальчик.

– Володя, помоги, – попросила Галина Еремеевна сына.

Вместе они осторожно перевернули журавля. Одна нога у него была неестественно подвернута.

– Да, дело серьезное, – констатировала Измайлова.

Вскоре мальчишки, попросив разрешения зайти завтра проведать птицу, ушли.

В том, что незнакомые дети принесли Измайловым больную птицу, не было ничего удивительного.

После того как Галина Еремеевна организовала кружок «Белый Бим», детвора со всего города обращалась к ней за помощью. Сколько несчастных зверушек и птиц, больных и раненых, осталось в живых благодаря стараниям Измайловой и кружковцев. Иногда приносили животных к ней и на дом. В иных случаях приходилось звать ветеринара, но чаще Галина Еремеевна справлялась сама (она имела для этого аптечку и набор нужных инструментов), и тогда в доме поселялся на какое-то время очередной беспокойный жилец…

Прошлую зиму у них прожил еж. Его принесли, когда землю уже прихватили первые заморозки. Бедняга не успел нагулять жиру для зимней спячки и был обречен, не попади к Измайловым. И все из-за того, что это смешное создание с длинным носом болело какой-то странной болезнью – выпадали иглы. Галина Еремеевна испробовала разные мази, лекарства, отвары из растений и трав, пока не напала на нужное средство. Лесной житель выздоровел и все чаще и чаще подавал о себе знать. Когда ночью все спали, в квартире раздавалось то чавканье, то похрюкивание, то едва слышный топот. Особенно любил ежик шуршать бумагами, которые усердно складывал под тахтой.

В начале лета его выпустили. И в квартире по ночам воцарилась тишина. Но всем стало чего-то не хватать. Захар Петрович частенько засиживался за полночь, готовясь к очередному процессу или же занимаясь изготовлением лесных скульптур – занятие, которое по-настоящему давало отдых и полное отключение от дел и забот. За зиму он привык, что вместе с ним бодрствует еще одно живое существо. Ежик мог объявиться в комнате, где он сидел, или же на кухне и, обследовав все углы, принимался чесать задней лапкой за ухом, точь-в-точь как собачонка. Это было до того уморительно, что Захар Петрович каждый раз не мог удержаться от смеха.

К слову – об этих лесных скульптурах. Постепенно ими была заставлена почти вся квартира. Каждый раз, когда Захар Петрович попадал в лес, он приносил оттуда какой-нибудь сучок, или корневище, или просто нарост на дереве… Возьмет это с собой, а дома что-то срежет, где-то подпилит, подклеит, и получится изящная балерина, смешной леший, медвежья морда или грациозный олень.

Но лучше всего, по мнению Захара Петровича, ему удались ежи, которых он творил по образу своего ночного «приятеля».

А как-то жила у них ворона. По кличке Калиостро. Назвали ее так за изящное оперение. Как одежда таинственного мага. После выздоровления она еще долго не хотела улетать, хотя ей была предоставлена полная свобода.

Однажды, когда Галина Еремеевна и Захар Петрович сидели на кухне, Володя торжественно вошел с Калиостро на плече. И птица, раскрыв свой крепкий клюв, вдруг раскатисто произнесла: «Захар-р-р… Захар-р».

Научить ворону произносить отчество отца Володя не успел. Калиостро, которого, видимо, сманили сородичи, исчез.

Потом ученики Галины Еремеевны уверяли, что видели как-то в осеннем городском парке стаю ворон, одна из которых кричала: «Захар-р-р».

Зверушек и птиц, выздоровевших полностью, выпускали на волю: Галина Еремеевна считала, что держать в неволе животных не следует. А если бывшие их пациенты оставались калеками и не могли самостоятельно жить на свободе, их оставляли в клетках, которые сооружали члены кружка «Белый Бим».

И вот теперь принесли журавля…

– Нужна срочная операция, – сказала Галина Еремеевна после тщательного осмотра птицы.

Она позвонила ветеринару, который всегда выручал в подобных случаях. Но его не оказалось в городе.

– Ну что ж, придется самим, – решила Измайлова. – Володя, сбегай к Межерицким. Если Борис Матвеевич дома, попроси зайти.

Когда пришел Межерицкий, был устроен «консилиум».

– Открытый перелом. Гангрена, – сказала Галина Еремеевна.

– Похоже на то, – согласился Борис Матвеевич. – Уж не хочешь ли ты… – начал было он.

– Хочу, – решительно перебила его Измайлова. – Если мы сейчас же не ампутируем ногу, птица умрет.

– Но ведь я не хирург, а психиатр, – взмолился Межерицкий. – И не птичий, а человечий…

– Все равно не отвертишься, – усмехнулся Захар Петрович. – Соглашайся… А я буду ассистировать.

– Ну и ну, – покачал головой сосед. – Расскажу в больнице – засмеют. Главный врач психоневрологического диспансера оперировал цаплю…

– Журавля, – поправил Володя. – Дядя Боря, если что нужно принести от вас, я сбегаю, – предложил он.

– Да, с вашей семейкой не сладишь, – со вздохом произнес Межерицкий. – Один – за всех, и все – за одного…

Ладно, будем резать. Стерилизатор есть? – спросил он у Измайловой.

– Есть, конечно. И скальпель.

– Хорошо. А какую анестезию?

Галина Еремеевна развела руками.

– У меня дома только новокаин, – серьезно сказал Межерицкий. – Что ж, обойдемся им. И бог, как говорится, в помощь…

«Операционную» устроили на кухне. В спасении птицы приняли участие все. Межерицкий оперировал, Галина Еремеевна подавала инструмент и салфетки, сделанные из бинта. Володя и Захар Петрович держали журавля.

Когда на месте лапы у птицы осталась культя, тщательно обработанная и забинтованная, Борис Матвеевич вытер вспотевший лоб.

– Как же он, сердечный, будет теперь ходить, стоять? – спросил он.

– Что-нибудь придумаем, – откликнулся Володя. – Сделаем протез, верно, папа?

– Сначала пусть заживет, – сказала Галина Еремеевна. – А насчет протеза – идея.

Володя устроил в своей комнате из старой одежды удобное гнездо, где птица тут же и уснула.

В среду, промучившись весь день, следователь Глаголев все-таки решился зайти к Измайлову, чтобы поговорить о деле с этим злополучным чемоданом. Повод был. Евгений Родионо-

вич закончил производством одно дело – о хищении в гастрономе. Надо было утвердить обвинительное заключение.

С этого дела Глаголев и начал.

Измайлов углубился в чтение обвинительного заключения. И, по мере того как знакомился, все больше хмурился.

– Я думаю, все ясно, – бодрым голосом сказал следователь.

Прокурор отложил бумагу и попросил само дело. Глаголев подал ему папку, присовокупив:

– Обвиняемый сознался… Все подтверждено материалами следствия.

Измайлов, внимательно ознакомившись с показаниями обвиняемого, вздохнул:

– Евгений Родионович, неужели вы сами не были в таком возрасте?

– Но ведь это чистое хищение?

– Хищение хищению рознь… Ну что этот парнишка стащил?

– Полтора килограмма конфет «Каракум» и шоколадный набор «Весна» с витрины. Правда, коробка оказалась с муляжом. Ошибка, так сказать, в объекте…

– Ну да, вместо шоколада в золотых бумажках, наверное, деревяшки завернуты?

– Кусочки поролона, – буркнул Глаголев.

Измайлов закрыл папку, положил сверху обвинительное заключение и отдал следователю.

– Вот что, Евгений Родионович, я считаю, что дело надо прекратить, а материалы передать в комиссию по делам несовершеннолетних.

– Но как же так? Проникнуть в магазин… Все заранее обдумано… А если бы он в ювелирный так?

– Тогда бы и разговор был другой. – Прокурор улыбнулся и, видя недовольное лицо следователя, добавил: – Я не говорю, что за это надо гладить по голове. Но… Искалечить жизнь легко, а вот исправить – ох как трудно… Что у них в семье?

– Неважно… Мать пьет…

– Вот видите, парню и так несладко живется, да еще мы его подтолкнем… Я вижу, вы со мной не согласны?

– А как же борьба с детской преступностью? А приказ прокурора области на этот счет?

– Приказы, Евгений Родионович, тоже надо уметь читать…

– Хорошо. Я завтра же передам материалы в комиссию по делам несовершеннолетних.

– Вы никогда в детстве не лазили в чужой сад?

– Я коренной москвич, Захар Петрович. Родился на Маросейке. Улица Богдана Хмельницкого теперь. Какие там сады…

– А я лазил. Попади я тогда в руки к человеку с вашими убеждениями, не знаю, как сложилась бы моя дальнейшая судьба, – с улыбкой закончил Измайлов. – У вас еще что-то?

– Да. – Глаголев взял другую папку. – Не поспешили мы, возбудив дело по факту обнаружения чемодана в радиомастерской?

– Почему вы так считаете? – спросил Измайлов.

– Тухлое это дело, Захар Петрович. Не найти нам владельца чемодана, это как пить дать. И тогда еще одно нераскрытое преступление, еще одна «висячка».

– А какие меры приняты?

– Да уж и не знаю, что еще придумать. Третий день милиция работает. Всем участковым инспекторам, милицейским постам раздали приметы неизвестного. Даже ГАИ подключили.

– Еще что?

– Предъявили Зубцову фотографии лиц, привлекавшихся ранее к ответственности за спекуляцию, и тех, кто состоит на учете в милиции.

– Не опознал, значит?

– Нет. Так что, скорее всего, хозяин чемодана не зорянский. И видимо, смотался из города. Не объявлять же нам всесоюзный розыск. Да и кого искать? Ведь, кроме портрета со слов Зубцова, мы ничем не располагаем!

– Как это ничем? – удивился прокурор. – А изъятые вещи?

– На базу зорянского горпромторга все эти товары не поступали. Я самолично ездил, показывал образцы.

– Допустим, у нас в продаже их не было. Но ведь не с неба же они свалились? Их где-то взяли, может быть, со склада базы или с черного хода магазина. Украли, наконец! Вы задумывались над этим?

Измайлов почувствовал, что говорит излишне резко. Однако настроение следователя ему не нравилось, и скрывать свое отношение прокурор не собирался.

– Конечно, думал, – обиженно произнес Глаголев. – Но посудите сами: и джинсы, и майки, и сумки, что были в чемодане, – все заграничное. Как они попали к нам в Зорянск, одному богу, а вернее – черту, известно. Что же касается человека, оставившего чемодан у Зубцова, – тоже загадка… Как же мне решать задачу, где сплошь неизвестные? За что ухватиться?

– А Зубцов? – спросил прокурор. – Вы уверены, что он ко всей этой истории не имеет никакого отношения?

– Да как не верить, Захар Петрович? Все, ну, буквально все, с кем я беседовал, характеризуют радиомастера только с положительной стороны. И в управлении бытового обслуживания, и сотрудники рынка… Старший лейтенант Коршунов с соседями Зубцова говорил. Не пьет. Даже не курит… Потом, зачем ему связываться со спекулянтами? Мастер он отличный, зарабатывает двести – двести пятьдесят рублей в месяц. Жены нет. Живет у матери. У них свой дом, корова… Нет, не вижу я смысла для него лезть в сомнительные авантюры.

– И что вы предлагаете, Евгений Родионович?

– Прекратить дело.

– На каком основании?

Следователь задумался.

– Нет у нас такого основания, – сказал Измайлов, не дождавшись ответа.

– Тогда что делать дальше? – в свою очередь, спросил следователь.

– Искать преступника. Подумайте, речь идет о товарах на такую сумму. Больше десяти тысяч! Не мелкий спекулянтишка! Размах! Чувствуется серьезная утечка где-то. А возможно, тут и не спекуляция. Хищение или контрабанда.

– Хорошо, а если приостановить? – не сдавался Глаголев. – На основании статьи сто девяносто пятой, пункт три Уголовно-процессуального кодекса… «В случае неустановления лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности…» Пусть милиция, оперативники скажут свое слово. Им, как говорится, и карты в руки.

– Значит, хотите переложить груз на чужую спину? Найдете – хорошо, а не найдете… – Прокурор недовольно покачал головой. – Так не пойдет, Евгений Родионович. Поймите, оперативная служба милиции – это глаза, уши, нюх нашего брата следователя. А вы – мозговой центр! И призваны, обязаны направлять их поиск. К вам подключен отличный работник, Коршунов. Недостаточно – попросим еще.

– Не знаю, зачем нам обрекать себя на заведомо бесперспективное дело? – вздохнул следователь. – Потом придется продлевать срок расследования, объясняться… Или вообще ляжет грузом, как нераскрытое. А отчетность… – Он не договорил, поднялся.

– Странно, Евгений Родионович, что вы не рветесь в бой. Молодой, только начинаете как следователь. А ждете, когда факты и улики сами свалятся с неба. Не ждать их надо, а искать… Другого пути нет. Ясно?

– Попробую, – с кислой миной ответил Глаголев.

Когда дверь за ним закрылась, Измайлов подумал, что, с одной стороны, доводы Евгения Родионовича были довольно серьезными – случай с чемоданом мог оказаться неразрешимой проблемой, с которой, увы, сталкиваются порой следственные органы. Продление срока предварительного следствия, нераскрытые дела… Для отчетности – вещь неприятная.

«Ох уж эта статистика! – невесело размышлял Захар Петрович. – Разве можно за цифрами увидеть настоящую картину? Особенно в работе следователя. Сколько сил, сколько бессонных ночей и напряженных дней требуется иной раз для разоблачения и поимки преступника! И кто потом помнит само дело, его конкретные обстоятельства? Только следователь. В отчетах же лишь цифры, безликие и бесстрастные… К сожалению, именно по ним часто судят о работе и следователей, и прокуроров. Правда, на последнем Всесоюзном совещании лучших следователей Генеральный прокурор Союза ССР заявил, что о следователях будут судить не по статотчетам, а по конкретным делам…»

Измайлов посмотрел на часы. Рабочий день давно кончился.

Когда он вышел из дверей прокуратуры, Май, стоя возле автомашины, сиял от удовольствия. Захар Петрович открыл дверцу рядом с водителем.

– Неужели не заметили? – огорченно произнес шофер, направляясь к своей дверце.

– А что? – удивился прокурор.

Май указал на бампер.

Измайлов оглядел машину и улыбнулся: над бампером красовались еще две фары. С желтыми стеклами.

– Каково, а? – торжествовал Май, когда они снова уселись в машину.

– По-моему, излишество, – осторожно заметил Захар Петрович.

– Как? Противотуманные фары – излишество? Вдруг придется выезжать рано утром на место происшествия?

– А-а, – протянул Измайлов, как бы соглашаясь с доводами шофера, а потом добавил: – Мне кажется, туманов в ближайшее время не ожидается.

– Готовь телегу зимой, а сани… – откликнулся Май, трогая с места. – Такие фары только на газике Никулина да у вас, – гордо произнес он.

– У нас, – поправил Захар Петрович. – Где разжился?

– Натуральный обмен, – уклончиво ответил шофер.

– Красные «жигули»? – вспомнил прокурор владельца машины, на которой на днях Май прикатил в прокуратуру.

– Да, – кивнул шофер.

– И компрессор он?..

– Любую запчасть достанет. Мировой парень.

По-видимому, эти расспросы смущали Мая, и он сменил тему.

– Телевизор вчера смотрели?

– А что?

– «Гусарская баллада» шла…

– Не дали досмотреть, – сказал Захар Петрович. – А фильм хороший. Что актеры, что сюжет, что музыка…

– А вы знаете, что в жизни такое было на самом деле? Переодетая в гусара девчонка воевала?

– Знаю, – кивнул Измайлов.

Май частенько задавал такие вопросы, на которые редко кто мог и ответить. Например: где живет самый старый житель на нашей планете? Или: в каком городе была сделана самая большая яичница?

Первое время Измайлов поражался такой широте интересов. Но постепенно «феномен» Мая был раскрыт: у него была страсть вырезать и коллекционировать сообщения из газет и

журналов, которые печатались в таких рубриках, как «Понемногу обо всем», «Неизвестное об известном», «Разные новости», «Копилка курьезов». А память у водителя, к слову сказать, была прекрасная.

Как правило, Захар Петрович ответить на заданный вопрос не мог: нельзя же объять необъятное, как говорил Козьма Прутков. Но все-таки прокурор старался не упустить случая сквитаться с шофером.

– Знаю, – повторил Захар Петрович, заметив лукавый взгляд Мая. – В основе водевиля «Давным-давно», а это по нему сделали фильм «Гусарская баллада», лежит история Надежды Андреевны Дуровой.

Измайлову как раз недавно попала в руки книга «Записки кавалерист-девицы», написанная самой героиней Отечественной войны 1812 года.

– Верно, – кивнул Май, а в глазах – озорной огонек: рано, мол, торжествовать. – А ведь была еще одна отчаянная девица. Раньше Дуровой военной стала… Знаете?

Измайлов засмеялся: да, недооценил он Мая. И развел руками: сдаюсь, мол.

– Ту, другую, звали Тихомировой Александрой Матвеевной. А служила она капитаном в мушкетерском Белозерском полку, – начал рассказывать Май. – Отчаянной храбрости была! Настоящий герой! Солдаты дивились, не зная, что она женщина. У-у! – протянул он восхищенно. – Вот о ком надо кино делать! И душевная была. Почти все свои деньги эта Тихомирова завещала солдатам своей роты…

– А как она умерла?

– Погибла… А сражение в том бою наши выиграли.

– Почему пошла в армию, не знаешь? – заинтересованно спросил Измайлов.

– Как не знаю. Тоже интересно, – с удовольствием «образовывал» своего шефа шофер. – Понимаете, был у Тихомировой родной брат. Как две капли воды на нее похожий. Служил он в том самом Белозерском полку. Однажды его вызвали в Петербург для сдачи экзаменов на офицерский чин… Куда ты, дура! – крикнул вдруг Май, резко тормозя.

Перед самым носом машины проскочила через дорогу собачонка. Шофер снова набрал скорость.

– Вот несмышленая, – продолжал ворчать он. – На чем я, Захар Петрович, остановился?

– Брат Тихомировой поехал в Петербург.

– Ага… Получил он, значит, чин поручика. Когда возвращался в полк, заехал по дороге домой. А дома беда. Семья разорилась, отец помер. Тоже был военный, майор. В отставке. А матери у них давно не было, сиротами росли… Ну, брат от сильного переживания тут же преставился. И осталась Александра Матвеевна одна. Совсем без денег. Жить не на что. Посоветовалась она с няней. И решила, что наденет мундир брата и поедет вместо него служить. Тем более науку военную она знала, сызмальства увлекалась… Поехала. И скоро дослужилась до капитана. В этом чине и воевала. Стало быть, она и есть первая в русской армии женщина-офицер…

Май свернул к дому Измайлова.

– Ну, спасибо за интересную историческую справку, – улыбнулся Захар Петрович и попросил шофера завтра утром заехать к нему на час раньше обычного.

* * *

Евгений Родионович Глаголев пришел домой не в духе. Допрос Зубцова снова ничего не дал. Следователь заглянул к нему в мастерскую на рынке перед самым закрытием, и они просидели в подсобке часа два.

Снова, как в первый раз, Глаголев расспрашивал Бо ярского в подробностях об истории со злополучным че моданом. У Евгения Родионовича было ощущение, что они играют в какую-

то детскую игру – вопросы и ответы знал и допрашивающий, и допрашиваемый. «В котором часу зашел?», «Когда вышел?», «Раньше его видели?», «Не говорил ли он, зачем пришел на рынок?», «Здешний ли?»…

И теперь, дома, Глаголев швырнул кожаную папку на журнальный столик, переоделся и плюхнулся в кресло. Рената, жена Евгения Родионовича, занималась на кухне маникюром: Глаголев не терпел запаха ацетона, которым снимался лак с ногтей.

Так он и сидел, смотря в одну точку на стене, ожидая, когда позовут обедать.

– И какой только идиот мог придумать такой рисунок?! – вслух выругался он, глядя на обои.

Говорят: сапожник без сапог… Так и у Глаголевых. Въехали в квартиру почти три года назад, а у Евгения Родионовича все не доходили руки до нее. На машиностроительном заводе отгрохал парк – загляденье! Здание и дворик прокуратуры под его руководством превратили в конфетку. А у себя – все те же лишенные цвета обои, какая-то невообразимо-казенная краска на дверях и в кухне…

– Рената! – не выдержал Глаголев.

Она вошла в комнату в брючном домашнем костюме из яркого ситца с легкомысленным рисунком – игрушки, зверята, мячи.

– Проветриваю кухню, скоро будем есть, – сказала жена, помахивая в воздухе растопыренными пальцами с ярко-красным лаком на ногтях.

– Ну я же просил… – морщась, протянул Евгений Родионович.

– Что? – Рената испуганно оглянулась.

– Не надевай эти дур-рацкие тряпки! – кивнул он на костюм. – Как в цирке, ей-богу!

– Жарко… – оправдывалась жена. – Понимаешь, это у меня самый легкий…

– Неужели у тебя нет вкуса?

Евгений Родионович пошел на кухню. Рената двинулась за ним. И хотя окна были открыты настежь, чувствовался запах ацетона.

– Черт с ним, – сказал Глаголев, втянув носом воздух. – Что там у тебя, давай…

Пока жена спешно накрывала на стол, Евгений Родионович с грустью думал, что злится он зря. И причиной тому не только разговор с Измайловым. Рената опять красила ногти. Почему-то всегда, когда он заставал ее за этим занятием, в нем поднималось чувство, которое он скрывал не только от других, но и от себя. Чувство это – ревность.

Да, Евгений Родионович ревновал. Рената была очень красивая.

Однажды на уроке эстетики еще тогда, в училище, преподаватель затеял нечто вроде диспута – как кто понимает смысл прекрасного. Было много ответов. Но один из них – высказал его самый высокий и красивый из учеников – запал в душу Евгения Родионовича навсегда: «Красота – это то, чем хочется обладать…»

Глаголев любил бывать в компаниях, но при этом всегда переживал: Рената неизменно оказывалась в центре внимания мужчин. Ее засыпали комплиментами, чаще других приглашали танцевать.

На улице он замечал, что редко кто из представителей сильного пола не обращал внимания на Ренату. С одной стороны, его переполняло чувство гордости, что у него такая жена, а с другой – тревожило, не вскружит ли это ей голову, и тогда…

Евгений Родионович понимал: ревность – дурные эмоции, унижающие прежде всего его самого. Но ничего с собой поделать не мог. Хотя поводов для ревности со стороны Ренаты никогда не было.

Но в том-то и дело, Глаголев это тоже отлично знал: для ревности даже не надо причин. Она существует, владеет тобой – и все тут…

Ну, взять хотя бы маникюр. Приятно видеть красивые женские руки. Однако у него почему-то возникали эгоистические доводы: ему жена нравится и без всякой косметики. Тогда зачем? Для других? Чтобы нравиться другим?

«Глупо, конечно, глупо», – печально думал Евгений Родионович, совершенно без аппетита съев жаркое, отлично приготовленное Ренатой.

Поели молча. Евгений Родионович, бросив скупое «Спасибо», пошел в комнату. Рената стала мыть посуду.

Глаголев открыл кожаную папку. Взял последний протокол допроса Зубцова (после мастерской он сразу пошел домой), попытался читать, но отложил – появилась резь в глазах. Евгений Родионович решил дать им отдых. В последнее время он стал замечать, что зрение сдает все больше. Поход к окулисту был неутешителен – тот повздыхал, посоветовал серьезно лечиться, не нервничать и выписал еще более сильные очки.

Глаголев старался отогнать от себя печальные мысли, посещавшие его все чаще и чаще: он, кажется, медленно, но неуклонно слепнет. Порой Евгений Родионович и вовсе приходил в отчаяние: что же будет дальше? Работа следователя требовала много писанины, да и читать приходилось массу книг, следить за специальными журналами. Нельзя же отставать от времени. Что же касается нервов…

– Работаешь? – спросила Рената, которая закончила свои дела на кухне и вошла в комнату.

– Немного, – откинулся на спинку кресла Евгений Родионович. Он боялся говорить жене, что творится с его глазами.

– Я посижу? Тихо?..

– Да-да, – кивнул он, делая вид, что знакомится с протоколом.

Жена достала пяльцы с натянутой на них голубой шелковой материей и неслышно примостилась на другом кресле возле журнального столика.

Проворно сновали ее длинные, тонкие пальцы, нанося на ткань затейливый узор. Ветер легонько шевелил занавес на окне. И от этого спокойствия и уюта у Глаголева постепенно стало оттаивать на душе.

Евгений Родионович захлопнул папку. Рената словно ждала этого момента.

– Устал? – спросила она участливо.

– Просто был злой, – с деланой веселостью ответил он. – Действительно, к лешему все! Работу, допросы, вопросы…

Но на самом деле он хотел говорить о том, что его угнетало на работе. Идеальнее слушателя, чем Рената, для этого не найти.

– Странный человек все-таки Измайлов, – продолжил Евгений Родионович. – Приношу ему сегодня дело, без сучка без задоринки, готовенькое, можно прямо в суд. Преступник сознался, улики, факты – комар носа не подточит…

– О парнишке? – несмело спросила Рената. – Который украл конфеты в гастрономе?

Она всегда была в курсе мужниных дел (в пределах, как говаривал сам Евгений Родионович, допустимого). И все же спрашивала всегда осторожно.

– О нем, – кивнул Глаголев. – И что же ты думаешь? Измайлов предложил прекратить!

– Да ну? – округлила глаза жена.

– Вот именно! А другое дело, ну, с этим чемоданом…

– На рынке?

– Да. Требует продолжать, а что продолжать-то! Безнадега полная.

– Как же так, Женечка? – искренне сопереживала жена. – И ты не мог доказать Захару Петровичу?

– По-своему он, конечно, прав, – сказал Глаголев, вспоминая разговор с прокурором. Слова Измайлова о его, Глаголева, небоевитости задели, что ли, Евгения Родионовича. – Однако…

Договорить он не успел, в дверь позвонили.

Рената пошла открывать. Из коридора донесся высокий женский голос с удивленной интонацией. Глаголев сразу же узнал его: это была Светочка Щукина, единственная по-настоящему близкая подруга Ренаты. Светочка работала чертежницей в КБ машиностроительного завода, где служила и Рената. Отец Светы был начальником сборочного цеха на том же заводе.

– Добрый вечер, Женя! – поздоровалась Светочка, легко впархивая в комнату. – Сумерничаете?

– Здравствуй, – приветливо кивнул Евгений Родионович.

Светочка села в кресло, грациозными движениями расправив юбку. Увидев пяльцы на журнальном столике, сказала:

– Семейная идиллия, да? Муж отдыхает, жена вышивает?

– А что, не в духе времени? – ответил Глаголев. Сколько он знал Светочку, все никак не мог понять: задает ли она очередной вопрос или это просто ее манера разговаривать.

– Женатикам это как раз и требуется, – сказала Щукина. – Для снятия всяких стрессов.

Светочка была бесхитростной девушкой – что на уме, то, как говорится, и на языке. Евгений Родионович считал ее легкомысленной, а Рената уверяла, что Светочка не так проста, как кажется: читает серьезные книги, думает поступать в заочный институт. Разговоры насчет института шли каждый год, но, вместо того чтобы ехать сдавать вступительные экзамены, Светочка каждой осенью отправлялась в Крым, Ялту, где отдыхала «дикарем», после чего привозила массу впечатлений, делиться которыми ей хватало до следующей поездки.

У Светочки было миловидное лицо, неплохая фигурка. До того как она подружилась с Ренатой, одевалась ярко и безвкусно. Теперь же на ее наряды было приятно смотреть – модно и скромно, в чем была немалая заслуга Ренаты.

– В воскресенье небось будете торчать у семейного очага? – спросила Светочка.

– А куда денешься? – ответила Рената. – Уборку надо сделать, постирать…

– Господи, разве это жизнь? – вырвалось у Светочки. – На природу надо! Погода – самый раз… Может, решитесь, женатики? Завалимся в лес, палатку возьмем… Шашлычки…

– В туризм ударилась? – усмехнулся Евгений Родионович. – Рюкзачки, палаточки…

– Зачем так примитивно? – наморщила носик Светочка. – На авто. Не в каменном веке живем. А?

– «Жигули» по лотерее выиграла? – съехидничал Глаголев.

– Ну да! – серьезно воскликнула Щукина. – По лотерее я только рубли выигрываю, да и то не каждый раз… Знакомый один приглашает. Отличный парень! Соглашайтесь, а то желающих много…

– Спасибо, Светочка, – сказал Евгений Родионович. – С удовольствием бы… Но действительно дела есть.

Светочка в присутствии Глаголева настаивать не стала. Она хорошо знала, что его очень трудно вытащить даже просто в компанию. А тут пикник. Светочка подозревала, что Евгений Родионович ревнует жену, но она даже не могла предположить, что причина сегодняшнего отказа заключалась не только в этом.

– Пойду полью цветы на кухне, – сказал Глаголев, поднимаясь с кресла.

Он понимал, что женщинам хочется поболтать о своих секретах, и решил не мешать.

Знакомясь на следующий день с материалами дела о найденном в радиомастерской чемодане, Глаголев обратил внимание, что последние показания Зубцова, полученные на вчерашнем допросе, в отдельных деталях расходятся с прежними.

Так, на первом допросе мастер сказал, что неизвестный был в коричневом костюме, у него были серые глаза. А в среду показал: костюм коричневый, в полоску, а глаза, кажется, голубые. Сначала Зубцов ничего не говорил об особенностях речи незнакомца, а в последний раз вдруг вспомнил, что тот немного картавил.

Евгений Родионович решил допросить Зубцова еще раз.

– Что вы хотите, товарищ следователь, – оправдывался мастер. – Я того мужчину видел максимум, ну, пять минут… И вот теперь даже засомневался, какие у него действительно глаза и что на голове у него было… А вот насчет того, что картавил, утверждаю категорически…

– Почему же вы не указали сразу на такую важную деталь? – допытывался Глаголев.

– Бог его знает! – в простоте душевной ответил Зубцов. – Память дьявольская штука. Не поверите, но я только сейчас вспомнил, что у того мужика на правой руке был перстень. Печатка. И знаете, почему припомнил? Увидел на вас обручальное кольцо. По ассоциации, значит…

– А на печатке монограмма была? Ну, буквы?

– Да, что-то выгравировано. Вензеля какие-то. А конкретно… – Радиомастер развел руками.

Евгений Родионович задал Зубцову еще несколько вопросов и закончил допрос. Для следователя так и осталось невыясненным, что могли означать расхождения в показаниях свидетеля. Может, это действительно было случайно, «шутки» памяти или…

Вот это «или» не давало покоя следователю. Он думал об этом постоянно. Тут могло быть два объяснения. Первое – Зубцов знал человека, оставившего чемодан, и сознательно скрывал его приметы, отчего и путался. Второе – незнакомец являлся мифом, выдуманным для милиции и него, Глаголева. И описание внешности неизвестного – плод воображения Зубцова. В таком случае он просто-напросто плохо запомнил выдуманный образ.

Евгений Родионович придумал один ход, который, возможно, помог бы разобраться с Зубцовым, – предложить ему помочь составить фоторобот неизвестного. Как это делается в лаборатории: монтируют из различных фрагментов лицо – глаза, нос, губы, волосы и так далее. Интересно, совпадет фоторобот со словесным портретом незнакомца со слов радиомастера? И как поведет себя Зубцов? Да, он обязательно сделает это в понедельник…

Засыпал Глаголев в ночь на воскресенье с легким чувством удовлетворения оттого, что какое-то решение, кажется, было найдено.

И, когда зазвонил телефон, Евгений Родионович с трудом расстался со сном. За окном было раннее утро. Он был еще во власти сновидений, услышав в трубке ровный голос:

– Товарищ следователь, беспокоит дежурный – старший лейтенант Ивасько…

– Да-да, слушаю, – прохрипел со сна Глаголев, прикрывая ладонью трубку, чтобы не беспокоить жену. Бесполезно, конечно, Рената проснулась тоже.

– Выслал за вами машину, – продолжал дежурный по милиции. – На двенадцатом километре – дорожно-транспортное происшествие… Со смертельным исходом… По рации передали, что вам следует прибыть на место…

На двенадцатом километре от Зорянска, на крутом повороте у обочины шоссе, уже стояли «скорая помощь», «Волга» и мотоцикл Госавтоинспекции.

– Внизу, – показал подъехавший инспектор ГАИ с рулеткой в руках: он сам что-то рассматривал на асфальте.

Глаголев посмотрел вниз. Там, под высоким обрывом, стояли несколько человек в милицейской форме и кто-то в белом халате. А чуть подальше, где кустарник рос гуще и курчавились три коренастых дуба, виднелся светлый кузов автомобиля.

Отыскав пологое место, Евгений Родионович с трудом спустился, едва не полетев кувырком.

– Здравия желаем, Евгений Родионович! – приветствовал его заместитель начальника зорянского ГАИ Талызин.

Откозырнули следователю старший сержант в дорожной каске и молоденький лейтенант с фотоаппаратом.

Возле машины, как-то нелепо приткнувшейся вдавленным радиатором к стволу дуба, стояла Мария Федоровна Хлюстова – судебно-медицинский эксперт.

Когда Евгений Родионович увидел автомобиль, сердце у него забилось явно учащенно: синий низ, верх цвета слоновой кости…

«Жигуленок» Зубцова. Он был какой-то осевший, со скошенной крышей. Заднее стекло затянуто паутиной трещин, а лобовое отсутствовало. Крышка багажника стояла торчком.

– Вот наша жизнь, – вздохнул замначальника ГАИ. – Вчера только разговаривал с ним… Сосед…

Глаголев, все еще ошеломленный увиденным, лишь кивал. А сам думал о том, что фоторобота, который он задумал составить с Зубцовым, уже никогда не будет. Но все заглушала главная мысль, бившаяся в голове: что это за авария – действительно несчастный случай или смерть радиомастера каким-то образом связана с делом, возбужденным в прокуратуре?

Глаголев и Талызин подошли к Хлюстовой. Судмедэксперт поздоровалась со следователем и спросила:

– Будем начинать осмотр?

– Да, – кивнул Евгений Родионович. – Конечно.

Дверца со стороны водителя была открыта и, перекореженная, болталась на одной скобе.

Зубцов лежал на сиденье, свесив голову под щиток. Одна нога безжизненно зацепилась за рычаг переключения скоростей. Левая рука неестественно завернулась за спину.

Хлюстова констатировала, что смерть наступила три-четыре часа назад. В результате множественных повреждений головы, грудной клетки и конечностей.

– Перевернулся поди раз десять, вон сколько летел, – показал рукой наверх Талызин. – Било, сердечного, как колотушку…

Евгений Родионович глянул на обрыв, по которому спустился вниз, метров пятьдесят, не меньше.

Мария Федоровна отметила также, что погибший был в состоянии алкогольного опьянения.

– И много выпил? – поинтересовался Глаголев.

– Трудно сказать, – пожала плечами Хлюстова. – Вскрытие покажет.

Автомобиль и труп были сфотографированы с разных точек. Все поднялись наверх. И там работник ГАИ, обследовавший дорогу, приблизительно обрисовал Глаголеву картину аварии.

Зубцов ехал, судя по всему, из города. Перед поворотом был спуск. То ли водитель уснул, то ли не справился с управлением – машина не вписалась в поворот и слетела в обрыв.

– И надо же было так напиться, – закончил он. – Ведь перед поворотом знак. Недавно новый поставили, со светящейся краской…

Измайлову часто приходилось выезжать по делам за пределы города. Так случилось и в этот понедельник. Не заезжая на службу, он выехал с проверкой в поселок Житный.

Проверка отняла больше времени, чем предполагал Захар Петрович. Он едва успел на заседание горисполкома. На нем присутствовал и начальник горотдела внутренних дел. После заседания Никулин подошел к Измайлову.

– Слышали? С Зубцовым?..

– Нет, – насторожился прокурор. – А что?

– Разбился сегодня ночью на своей машине. Насмерть. Говорят, был пьяный, – заключил майор.

…Как только Захар Петрович приехал на работу, к нему тут же зашел Глаголев.

– Зубцов… – начал было следователь.

– Знаю, – перебил его Измайлов. – Как вы считаете, что это?

– Трудно сказать, Захар Петрович… Похоже, что несчастный случай. Поддал прилично, а там крутой поворот…

– Но вы меня уверяли, что Зубцов не пьет? И соседи это подтвердили.

– В жизни все бывает. Как говорится, раз на раз не приходится…

– Может, у него были веские основания для того, чтобы напиться?

– Наверняка. Честно говоря, на последнем допросе мне показалось, что он нервничал.

– Из-за того, что его допрашивали?

– Допрос есть допрос. Приятного мало. Тут даже человек с абсолютно чистой совестью не всегда может вести себя спокойно… А вопросы я задавал Зубцову щекотливые…

И Глаголев рассказал прокурору, какие у него возникли мысли по поводу расхождений в показаниях радиомастера.

– Вот видите, Евгений Родионович, основания подозревать Зубцова в причастности к чемодану есть… И эта авария… Давайте подумаем: а если это не несчастный случай?

– Да, могло быть и самоубийство, – сказал следователь.

– На какой почве?

– Может, из-за чемодана… И вот еще что. Я вспомнил одну деталь. Когда старший лейтенант Коршунов спрашивал соседей, те сказали: женщины у Зубцова разные бывают. Не запутался ли он с ними? Или довела его какая-нибудь голубка. Вот он напился – и в обрыв…

Выслушав Глаголева, Измайлов спросил:

– А убийство вы исключаете?

Евгений Родионович задумался.

– В принципе – возможно и убийство, – ответил он не очень уверенно. – Если принять во внимание, что Зубцов единственный человек, который знает правду о чемодане… – Он вздохнул. – Гадать можно сколько угодно. Но нужно ли, Захар Петрович? По-моему, теперь у нас есть все основания прекратить дело.

– Значит, предлагаете ничью? – усмехнулся Измайлов.

– Кому? – удивился Глаголев.

– Тем, кто стоит за этим чемоданом… Знаете, Евгений Родионович, ничьи я признаю только в спорте… Да, Зубцов мертв. Но ведь другие живы. И вы предоставляете им возможность свободно жить и дальше творить свои делишки…

– Но концы обрублены!

– А может, теперь новые появились? Хотя бы в результате этой аварии. И вещи. Забыли? Эти самые джинсы, майки, сумки! Представляете, может быть, где-то ищут этот кончик! Пусть в другом городе, в другой республике. Ищут следственные органы, а нащупать не могут. А вы держите его в руках… Поймите, Евгений Родионович, возможно, Зубцов только вершок… А нам надо копать глубже. Да, да! Глубже! До корешка! Вы же цветовод, должны знать: не вырви сорняк с корнем, он заглушит все. Так ведь?

– Так, Захар Петрович, – согласно кивнул Глаголев.

– Я понимаю, иной раз трудно докопаться… Я недавно читал: самые короткие корни у мхов – меньше сантиметра. А самые глубокие – у одной акации в Африке, до девяноста метров! В том деле, с парнишкой, что залез в гастроном, – корни видны сразу. Неблагополучная семья, некуда себя деть в свободное время, детская, если хотите, несмышленость… А вот какая глубина у истории с этим чемоданом – пока не ясно. Знаете, молодежь хочет одеваться модно. Ну по душе ей эти разрисованные майки да джинсы. В печати по этому поводу уйма выступ-

лений, мнений и критики. А кто-то не захотел вникнуть, кто-то побоялся трудностей, кто-то неправильно спланировал, в результате – дефицит. А раз дефицит, этим пользуются нечестные люди… Каким образом? Я уже говорил вам: возможно, контрабанда или же воруют импортный товар на складе, а может, скупают в магазине, чтобы пустить налево втридорога… А может… – Захар Петрович улыбнулся. – Помните, у Ильфа и Петрова в «Золотом теленке»? Вся якобы контрабанда делается в Одессе на Малой Арнаутской… Но для этого надо где-то доставать ткань, подпольно шить… Видите, сколько проблем стоит за одним фактом – чемоданом, набитым дефицитным товаром…

Глаголев ушел, не став возражать прокурору: то ли согласился с его доводами, то ли счел это делом безнадежным. А Захар Петрович еще некоторое время размышлял о том, почему у Евгения Родионовича в последнее время такая апатия. Вероника Савельевна как-то сказала, что Глаголев был в больнице по поводу зрения и после этого вернулся сам не свой.

«Если действительно так серьезно с глазами – до работы ли ему? – подумал Захар Петрович. – Это как дамоклов меч, все время ждешь, когда опустится…»

Измайлов решил было, что надо поговорить с Глаголевым по душам, но отмел эту мысль – не обидеть бы следователя. Еще подумает, что это намек уйти со службы. А у них в прокуратуре города и без того не заполнена одна вакансия на должность следователя. С кадрами туго.

Потом Захар Петрович вспомнил, что надо позаботиться о билете на поезд: в четверг ему ехать в Рдянск на конференцию. Он вызвал шофера. Когда Май зашел, Захар Петрович, увидев его перепачканные руки, решил, что тот снова возится с машиной. И не ошибся. Но Май сказал, что во дворе стоит машина его приятеля, который помогает ему ремонтировать коробку скоростей, и что они съездят вместе на вокзал на его «жигулях».

– Каким поездом поедете? – уточнил Май.

– Нашим, – сказал прокурор.

– Будет сделано, Захар Петрович, – деловито произнес шофер, беря деньги.

А уже буквально через три-четыре минуты Измайлов увидел выезжавшие со двора прокуратуры красные «жигули», на заднем сиденье которых он узнал своего шофера.

До Рдянска можно добираться скорым поездом и местным, так называемым рабочим, который шел до областного центра в три раза дольше, кланяясь всем светофорам и останавливаясь на каждом полустанке. Скорый же проезжал Зорянск рано утром. А Захар Петрович не желал терять половину рабочего дня. Тем более четверг – приемный день. Записалось много народу. Так что местный поезд его устраивал больше – отходил в четыре дня и прибывал в Рдянск в девятом часу вечера.

Через час Май вернулся с вокзала и привез билет.

В оставшиеся до четверга дни на Измайлова навалилась масса дел. Да еще надо было закончить доклад. Как у студента перед экзаменами, ему не хватало одного дня. Последнюю ночь Захар Петрович почти не спал, все шлифовал свое выступление… Как-никак будут проверять…

Приехав на работу, он тут же начал прием посетителей.

Первой зашла к нему старушка. С жалобой на квартиранта, который выжил ее из дома, прикрываясь положением опекуна. Со слезами на глазах она рассказала, как несколько лет назад пустила жить к себе молодого здорового парня. И плату положила самую малость, пять рублей в месяц, отведя ему лучшую комнату.

– Больная я, старая, – делилась своим горем старушка. – Некому дров наколоть, печь зимой истопить. Да и боязно одной. Пусть, думаю, селится, живая душа в доме… Поначалу вежливый был, внимательный. Польстилась я на ласковые слова, прописала. Подала заявление в горисполком, что в опекуны беру… Он подружку привел, говорит, как бы жена ему. Однако в ЗАГСе не были. Ладно, думаю, дело молодое. Пусть живут у меня. И если с одной, так это

лучше, чем по разным шастать. Как-никак вместе три года прожили, бабой Клавой звал меня. Говорил: вы мне как родная… Появилась в доме его разлюбезная, и все пошло по-другому. Переменился Сергей. Под ее дуду стал выплясывать. Сначала горницу заняли, меня в закуток определили. А краля эта бесстыжая и вовсе, видать, хочет меня со свету сжить. Чуть что, попрекает. Вон, говорит, сейчас молодые косяками помирают, а вы, говорит, небо коптите. Потом знаете что удумали? Дверь из моей каморки заколотили и прорубили другой ход. Чтобы, значит, у них свой был, а у меня свой. Я стала противиться, а злыдня эта заявляет: Сережа, мол, опекун, стало быть, вроде сына, и на дом имеет право, как близкий родственник, наследник как бы… А теперь и вовсе выгнали. У дальней родственницы живу… Что же такое деется, товарищ прокурор?

Измайлов стал успокаивать старушку, разъяснив, что положение опекуна и временная прописка не дают квартиранту никаких прав на ее дом и другое имущество. Согласно закону, опекунство – дело благородное, бескорыстное, и ни о каком наследовании не может быть и речи. Прокурор заверил, что будут приняты безотлагательные меры против обнаглевшего опекуна и его подруги.

Захар Петрович решил также ходатайствовать перед горисполкомом о лишении квартиранта старушки опекунства.

Затем зашла женщина с парнишкой лет шестнадцати. Посетительница попросила Измайлова помочь устроить племянника (племянник при этом не произнес ни слова) в общежитие машиностроительного завода, на котором он теперь работает, закончив ПТУ. Парнишка был родом из деревни, а у нее маленькая комнатка, тесно.

Записав фамилию парня, Измайлов взялся помочь в этом деле.

Около часа дня зашла последняя посетительница.

Когда она появилась на пороге, Измайлов узнал ее сразу. Последний раз она была у него полгода назад. Худенькая, невысокая, с тонкими чертами лица, с печальными глазами и обреченными складками возле уголков рта. И фамилию прокурор вспомнил тотчас же, Будякова.

Муж – пьяница. Работает на машиностроительном заводе слесарем. После принудительного лечения решением народного суда его ограничили в дееспособности. Короче, теперь зарплату Будякова на заводе выдавали на руки его жене.

Если она снова решилась прийти сюда, значит, муж принялся за старое…

– Опять пьет? – спросил Измайлов.

– Об этом уж стыдно и говорить, – тяжело вздохнула Будякова. – Я по другому вопросу, товарищ прокурор.

Она развернула подрагивающими пальцами листок, вырванный из школьной тетради, и протянула Измайлову. Захар Петрович взял теплую и чуть влажную бумажку. Нетвердый, почти детский почерк. «Мама! Уезжаю далеко и буду работать. За меня не беспокойся. Жить в нашем городе больше не могу из-за отца. Мне стыдно, когда меня дразнят ребята: „Аркашка – сын алкашки“. Ты не волнуйся и не плачь. Я скоро вызову тебя к себе. *Аркадий*».

Измайлов вспомнил и сына Будяковых. Пронзительно четко. Это было возле универмага. Именно там. В плоскости зеркальной витрины отражался мокрый асфальт. Шел дождь. Вечерело. Чей-то тихий голос остановил его, задумавшегося, торопившегося домой: «Здравствуйте, товарищ прокурор». Он тогда не решился спросить у Будяковой, помогло ли мужу лечение и как дела в семье. Потому что рядом стоял подросток. С длинными мокрыми волосами. Он был выше матери, этот Аркадий. Курточка кургузо сидела на его мальчишеских плечах, рукава были выше запястья. Да, какая-то обделенность бросалась в глаза. Наверное, оттого, что за его спиной за зеркальным стеклом витрины манекены кичились новенькими костюмами и куртками…

– Я так боюсь за него, – тихо всхлипнула Будякова. – Аркашке-то нет еще и пятнадцати годков… Где-нибудь сейчас голодный… Или чего доброго со шпаной познается…

Захар Петрович слышал об этой семье и от своей жены. Галина была классным руководителем Аркадия.

«Надо бы поговорить с Галей о нем подробней», – отметил про себя Измайлов. А посетительнице сказал, припомнив вдруг ее имя и отчество:

– Да вы успокойтесь, Зинаида Афанасьевна… Куда мог пропасть ваш сын?

– Если бы я знала, товарищ прокурор. – Она так же тихо перестала плакать и старалась незаметно утереть слезы. – Как пропал в ту пятницу, так до сих пор нету… Совсем ведь малой…

– Может, к родственникам подался?

– Я уже ездила в деревню. Всех дружков поспрошала. Никто ничего не знает… Помогите отыскать Аркашу. Не дай бог, к дурной компании прилепится… Он доверчивый…

– Поможем. Конечно, поможем, – поспешил ответить Захар Петрович. Хотя в чем-то главном он вряд ли в силах был помочь. Корень зла куда более недоступен, чем поиск мальчика. Измайлов с горечью спросил: – Ну зачем же вы даете мужу на выпивку? Знаете же его…

– Что вы, товарищ прокурор, не даю! – испуганно воскликнула Будякова. – Даже на обед. Бутерброды делаю, котлетку заверну, молоко… Я ведь знаю, как ему доверять…

– Тогда на какие деньги он пьет? Вещи выносит из дому?

– Господи, что у нас продашь? Пьет на то, что на заводе получает.

– Как? Ведь зарплату выдают вам?

– Это верно, зарплату мне. Спасибо вам, хоть немного легче стало… А сверхурочные платят ему.

– Не понимаю. Все, буквально все, что он зарабатывает, должны выплачивать только вам. Ясно? По решению суда…

Будякова недоверчиво посмотрела на Измайлова.

– А Яков говорит, что заработок за субботу и воскресенье – его деньги. Отдых, говорит, и мое здоровье в те деньги вложены.

– Странно. Ему на суде все объяснили, не так ли?

– Почему же тогда по выходным дням прямо в цеху выдают?

– Это нарушение! Понимаете? Не должны!

– А все-таки выдают…

– Хорошо, мы это проверим… Скажите, часто ему приходится работать по выходным?

– Да почти каждую субботу. И по воскресеньям случается. – Будякова задумалась, молча пошевелила губами и стала загибать пальцы: – В прошлом месяце, значит, три раза было. В позапрошлом… Не помню, товарищ прокурор, сколько точно, но получается, что дети отца и не видят-то. Или на работе, или пьяный. Какое же может быть воспитание? Я ведь тоже работаю. И еще обстирываю, обшиваю семью. А магазины? Пока все очереди отстоишь… Мальчишки мои в женихи вымахали. Отцовский присмотр нужен, твердая мужская рука…

– Это верно, – кивнул Измайлов. – Может быть, муж обманывает вас, что по выходным на работе? Не таскает с завода?

– Яков? Что вы, товарищ прокурор. Пьет, это есть. Но чтобы воровать… – Она покачала головой. – И если бы только он один работал. У Лизы Петренко, соседки, муж с моим в одном цеху. Только Лизаветин-то с умом, на машину уж накопил. А Яков все несет в магазин, что возле завода… Выходит, товарищ прокурор, эти самые сверхурочные умным на пользу, а другим – на горе…

Слушая посетительницу, прокурор размышлял о странной практике на машиностроительном заводе. Будякову не имели права выдавать на руки какие бы то ни было деньги, тут нарушение явное. А вот обилие сверхурочных работ настораживало. В прошлом году прокуратура проводила проверку на заводе. И одной из серьезных претензий к руководству как раз

и являлся вопрос о сверхурочных. Самсонов обязался исправить положение. И прокурор был уверен, что тот свое слово сдержит…

– Хорошо, Зинаида Афанасьевна, – сказал Захар Петрович. – Насчет Аркаши я свяжусь с милицией. И разберемся, почему это сверхурочные выдают вашему мужу.

– Спасибо, товарищ прокурор. Вы уж не серчайте на меня, надоела небось вам. То с мужем беспокоила, теперь вот новые хлопоты. Не знаю даже, как вас и благодарить за внимание ко мне…

Будякова ушла. Захар Петрович посмотрел на часы. Пора было ехать домой, собираться в дорогу.

Он вызвал помощника прокурора Ракитову и дал задание заняться заявлением Будяковой о пропаже сына.

– И еще, Ольга Павловна, просьба… Муж этой самой Будяковой работает на машиностроительном. Решением суда он ограничен в дееспособности. Проверьте, пожалуйста, почему деньги за сверхурочные выдают ему на руки.

Ракитова записала задание в блокнот.

– И вообще, – сказал Измайлов, – посмотрите, как обстоят дела у Самсонова с выполнением трудового законодательства.

– А что? – насторожилась Ольга Павловна.

– Не слишком ли много сверхурочных работ?

– Странно, – заметила Ракитова. – Опять? Откуда такие сведения?

– Будякова говорит, муж почти каждую субботу на заводе. А частенько и воскресенье прихватывает…

– Я ведь в прошлом году проверяла. Помните, направили директору представление. Неужели снова нарушает? Может, Будякова что-то путает?

– Это вам и следует выяснить, Ольга Павловна. А Будякова – женщина бесхитростная. Я ей верю… Сходите на завод, посмотрите. Бумаги бумагами, а живые люди – с ними поговорить очень полезно…

– Сегодня пойти?

– Нет, думаю, лучше появиться там в субботу. А если будут работать и в воскресенье, тоже загляните. Воскресенье у нас, кажется, тридцатое июня?

– Да, – кивнула Ракитова. – Понимаю, конец месяца и квартала.

– В такие дни – самый аврал, – добавил Измайлов.

Они вместе вышли из кабинета.

– Ну, кому передать привет в области? – спросил Измайлов.

– Ой, Захар Петрович, некому, – улыбнулась Ракитова.

– А просьбы какие-нибудь будут?

– Никаких. Желаю вам хорошо выступить на конференции…

Простившись с помощником и секретарем, Захар Петрович поехал домой.

Зайдя в прохладу квартиры, Захар Петрович услышал звуки, напомнившие вдруг детство. Исходящие паром, недавно оттаявшие поля, запахи весны и щемящая душу песня с высокого чистого неба, где живым треугольником проплывали птицы…

– Наш-то больной повеселел, – встретила его жена.

– Слышу, – улыбнулся Измайлов. – Курлычет. У нас в Краснопрудном все – от карапузов до стариков – всегда высыпали на улицу, когда пролетали журавли…

– Постой, постой, – перебила его Галина Еремеевна. – Курлычет… Курлыка. Володя! – обрадованно крикнула она. – Отличное имя.

Галина Еремеевна и Захар Петрович вошли в комнату сына. Он лежал на коврике, что-то чертя на листе ватмана. Рядом сидел журавль на старом пальто Захара Петровича и вертел головой на длинной шее.

– Курлыка? – спросил Володя. – Подходит! В самый раз!

– А мы-то голову ломали, – сказала Галина Еремеевна. – Какие только клички ни придумывали…

Измайлов не удержался, погладил птицу по голове. Потом присел на корточки возле сына.

– Что это ты изобретаешь? – спросил он сына.

– Протез. Для Курлыки, – кивнул он на журавля. – Понимаешь, он должен быть легкий, крепкий и удобный.

– И гигиеничный, – добавила Галина Еремеевна.

– Вот эту часть, – показал Володя на чертеж, – сделаем металлической. А низ – деревянный.

– А какой именно металл? – уточнил отец.

– У меня есть алюминиевая трубка. Как раз нужного сечения. А для подпятника, что ли, простую пробку из-под шампанского.

– Скользить будет. По-моему, нужно мягкую резину, – сказал Захар Петрович.

Володя подумал и кивнул:

– Да, ты прав.

– Ладно, обсудите потом, когда отец вернется из командировки, – сказала Галина Еремеевна. – А сейчас быстренько за стол! Не то, Захар, опоздаешь на поезд.

За столом Измайлов рассказал, что на приеме у него была Будякова.

– Боже мой, вот несчастная женщина! – переживала Галина Еремеевна. – Я как чувствовала! Аркаша сегодня должен был дежурить в нашем «Белом Биме» и не пришел. Я попросила девочек зайти к нему, узнать, не заболел ли. А он, оказывается, сбежал из дому. – Она покачала головой. – Я обязательно зайду сегодня к Будяковым.

– Зайди, зайди, – одобрил Захар Петрович. – Она очень переживает. Да и каждый бы на ее месте… Сын ведь…

– А что с него взять – ненормальный, – сказал вдруг Володя. – На Богдановку его, чтобы не бегал…

– Не смей так говорить! – взорвалась мать. – Да, он не совсем здоров. Но не издеваться надо, а сострадать!..

Аркаша был действительно не совсем полноценный, как считали врачи, в результате отцовского алкоголизма. Его оставляли на второй год два раза в одном классе, стоял даже вопрос о переводе Будякова в спецшколу, которая находилась на Богдановской улице. Но Галина Еремеевна отстояла его: там, по ее мнению, окончательно затормозилось бы его развитие.

– Но ведь о нем все так говорят! – удивился Володя.

– Вот и плохо, что все! А ты не должен! – продолжала возмущаться мать. – Пойми, это не вина, а беда. Горе! И откуда у тебя такое бессердечие?

Володя демонстративно встал.

– Сиди… Ладно, будет вам, – примирительно сказал Захар Петрович; ему не нравилось, как говорит о мальчике Володя, но не хотелось уезжать с испорченным настроением.

Однако проводы были все-таки скомканы. Володя, обиженный, ушел к себе в комнату. Галина Еремеевна тоже была раздражена.

– Вот пижама, – показывала она мужу, что где лежит в чемодане. – Вот рубашки… Не понимаю, Захар, почему сейчас подростки такие жестокие?

– Может, просто безапелляционные? – успокаивал жену Измайлов.

Галина Еремеевна вздохнула.

– Наверное, ты прав. – Она понизила голос, чтобы не услышал сын: – Может, зря я на него накричала? Надо было просто объяснить…

– Конечно, – с облегчением сказал Захар Петрович; ему было бы в отъезде не по себе, зная, что жена с сыном в конфликте. – Постой, ну зачем мне так много рубашек?

– На смену, – ответила Галина Еремеевна. – Кто тебя знает, вдруг захочется в ресторан с какой-нибудь молодкой… Еще скажет, что жена плохо присматривает…

– Какая там молодка! – фыркнул Захар Петрович. – Скажешь же…

Измайлов знал, что жена насчет молодки пошутила, но такие шутки задевали его.

По дороге на вокзал Май рассказал Захару Петровичу об одном английском палаче по имени Джеймс Берри, который оставался джентльменом даже при исполнении своих обязанностей: прежде чем отправить приговоренного к смерти на тот свет, предъявлял ему свою визитную карточку.

Но Захара Петровича мало заинтересовал чудаковатый палач, он думал о сыне. То, что произошло за столом, на кухне, оставило в душе гнетущий осадок.

Что истинное, настоящее в Володе? Сострадание, доброта, которая проявляется, например, к увечным животным, попадающим в их дом? Или эгоизм, небрежение к человеческому горю, которое промелькнуло в его высказывании об Аркаше Будякове? Может быть, второе идет от того, что он у родителей один? И весь заряд любви Захара Петровича и Галины Еремеевны, обрушенный на Володю, делает его нечувствительным к нуждам и заботам других?

Неуемная родительская любовь может принести не только добро, но и зло – Измайлов это понимал. Знал и то, что Галина Еремеевна балует сына. Сама воспитанная в многодетной семье, старшая из своих братьев и сестер, она, наверное, в какой-то степени была в детстве обделена вниманием и лаской, потому не хочет, чтобы сын познал то же самое.

В последнее время Володя изменился – возраст, видимо. Пришла пора расставания с детскими играми и представлениями. Раньше, бывало, его не выгонишь из дому: легко мог променять шумные забавы со сверстниками во дворе на интересную книгу, рисование или просто отдых на тахте перед телевизором. Причем любил познавательные передачи: «Очевидное невероятное», «Что? Где? Когда?», «В мире науки». Жена говорила Измайлову, что мальчик тянется к науке. Теперь же его трудно было вечером затащить домой – хороводился с такими же подростками, как и он, допоздна, завел гитару, собирал магнитофонные записи модных эстрадных ансамблей, по «телику» (его выражение) смотрел лишь спортивные передачи да многосерийные детективы. Очень много времени и внимания Володя отдавал одежде. Нашивал на джинсы и рубашку разные эмблемы, бляхи, декоративные заплаты.

«Полная бездуховность! – сокрушалась мать. – Весь во власти вещизма!» И срывалась по любому поводу, как сегодня за обедом. Правда, тут же отходила и искала примирения с сыном, что, по мнению Измайлова, ни к чему хорошему не вело: Володя, в конце концов, оставался уверенным в своей правоте.

Захар Петрович не раз спрашивал жену, как это она, педагог, может вести себя так непоследовательно? Неужели в школе то же самое?

– Наверное, прав был Ликург – легендарный законодатель в Древней Спарте, – сказала со вздохом Галина Еремеевна. – Он считал, что родитель не вправе распоряжаться воспитанием своего ребенка. Это должны делать другие… Поверь, Захар, в школе я знаю, как вести себя. А с Володей… Понимаешь, он для меня сын. Сын, а не ученик! И я забываю, что я педагог…

«Да, – думал Захар Петрович, – чтобы быть наставником, нужна, видимо, объективность. Может ли она быть у родителей?..»

Приехали на вокзал за пять минут до отхода поезда. Измайлов поднялся в нагретый солнцем и дыханием вагон. По коридору ходили горячие сквозняки, и двери во всех купе были открыты.

Проходя по коридору, Захар Петрович увидел своего шофера. Май стоял на раскаленном асфальте перрона и махал рукой на прощанье. Измайлов показал ему жестом, что он может ехать, хотя знал: Май обязательно дождется отхода поезда.

Вдруг Захара Петровича окликнули:

– Категорически вас приветствую!

Это был Павел Васильевич Грач, заместитель директора машиностроительного завода. Измайлов поздоровался с ним. Выяснилось, что он едет в соседнем купе.

Захар Петрович зашел в свое. Двое его попутчиков были на месте. Один из них – мужчина лет тридцати пяти, в вельветовых брюках и легкой рубашке, походил лицом на артиста или художника: вольность в прическе, едва насмешливый взгляд с заметно проскальзывающим превосходством.

На верхней полке лежали его гитара и спортивная сумка.

У столика сидела женщина. В простеньком платьице, со старомодной прической. Волосы, видимо подкрашенные хной, на концах были рыжими, а к корням серебрились седыми нитями. Женщина смотрела в окно.

Захар Петрович поздоровался – обыкновенная вежливость. Мужчина ответил тем же. Женщина, бросив на Измайлова недолгий взгляд и кивнув, снова отвернулась к окну.

Не успел Захар Петрович пристроить свой чемоданчик под столик, как появился еще один пассажир. Запыхавшийся мужчина лет сорока пяти, в соломенной шляпе и с пухлым портфелем желтой кожи. Лицо у него было какое-то бугристое, с крупными порами, под глазами мешки.

– Слава тебе господи! – плюхнулся он на сиденье. – Думал, опоздаю! – Он стал обмахиваться соломенной шляпой. – Мне сегодня надо в Рдянск позарез. Да еще успеть на автобус в Светлоборск, – зачем-то сообщил он и добавил: – Разрешите представиться. Рожнов. Николай Сидорович.

– Альберт Ростиславович, – охотно назвался мужчина в вельветовых брюках.

Женщина буркнула свое имя. Кажется, Марина. Измайлов не расслышал.

– А вас как, простите? – обратился к нему Рожнов.

– Захар Петрович.

– Очень приятно, – наклонил голову Николай Сидорович. – Вот, значит, и познакомились… А как же… – словно бы оправдывался он. – Едем вместе. – Он достал из портфеля термос, поставил на столик и продолжил: – Ну и парит! Непременно будет гроза!

– Это уж точно, – сказал Альберт Ростиславович, томящийся, видимо, от скуки в вагоне и желающий вступить в разговор.

Павел Васильевич Грач стоял в коридоре напротив двери их купе и, очевидно, ждал, когда выйдет Измайлов – поговорить.

Поезд плавно качнулся. Что-то тихо громыхнуло под полом. Вагон скрипнул цельнометаллическими боками. Поплыли назад кирпичное здание, водонапорная башня, раскидистый тополь.

– Ну, поехали, – обрадованно произнес словоохотливый Рожнов. – Хоть посвежеет чуток…

Захар Петрович вышел в коридор.

– У вас в купе повеселее, – сказал Грач. – А у меня ребеночка укладывают спать… В отпуск? – поинтересовался он.

– В командировку.

– Я – в отпуск. В Южноморск. Ну и дельце, там одно. Хочу попутно устроить – заказ разместить. Думаем на территории завода мемориал сделать. В память погибших на фронте работников завода. Соорудим стену, а на ней барельефные портреты наших героев. И вверху бронзой – «Никто не забыт, ничто не забыто».

– А почему именно в Южноморске? – несколько удивился Измайлов.

– Там специалисты хорошие… А у нас там неплохие связи. Дело серьезное. Не хочется абы как. Увековечить, так по-настоящему. Со всех точек зрения. Тут самодеятельность не пройдет… И завод наш на виду. Что ни говори, а Глеб Артемьевич молодец! Вот это руководитель! С размахом! Умница, думает по-современному. А ведь вышел сам из рабочих! Прошел все ступеньки. Знает, что почём.

И Захар Петрович в это время тоже думал о директоре завода Самсонове.

– Энергичный, это верно, – кивнул он.

Глеба Артемьевича прислали из Рдянска, их областного центра. Он был из той категории людей, что производят приятное впечатление с первого знакомства. С открытым волевым взглядом, всегда стремительный и скорый в решениях, одетый по самой последней моде, Самсонов быстро стал заметной фигурой в городе. Да и работы развернулись невиданные по здешним масштабам. Понаехали строители, монтажники, завезли горы оборудования.

Скоро Глеба Артемьевича знал в лицо, наверное, каждый городской мальчишка. Частенько директор сам сидел за рулем персональной «Волги» и неизменно присутствовал на матчах, в которых принимала участие заводская футбольная или хоккейная команда. А тех, кто работал на машиностроительном, стали называть «самсоновскими».

Что касается Павла Васильевича, то он был заместителем директора еще при двух предшественниках Самсонова. Через полгода у Грача наступал пенсионный возраст, но он, кажется, не собирался расставаться с работой.

– Скажу вам по секрету, Захар Петрович, – заговорщически подмигнул Грач, когда за окном вагона промелькнул складской двор завода, – мы такое задумали!

– Интересно, – изобразил на своем лице любопытство прокурор.

– Категорически! – продолжал восторженно Грач, употребляя свое любимое словечко где надо и не надо. – Будем строить спортивный комплекс! Стадион, крытый бассейн и все такое прочее… Каково, а?

– По-моему, отлично, – ответил Измайлов.

Этот «секрет» не далее как два дня назад Захар Петрович узнал в горисполкоме.

Проводник, переходивший из одного купе в другое, добрался и до них.

– Прошу билетики, – сказал он, устраиваясь на сиденье и разворачивая свою истрепанную клеенчатую сумку с кармашками.

Измайлову пришлось войти в купе. Грач последовал за ним.

– Возьмите и у меня заодно, – сказал он проводнику. – Я в соседнем.

Собрав билеты, проводник ушел.

– Сейчас бы холодного боржомчику, – мечтательно произнес Павел Васильевич.

– Лучше чаю, – откликнулся Рожнов, отвинчивая крышку термоса.

– В этакую жару? – удивился Грач.

– Вот именно, – серьезно сказал Николай Сидорович. – Горячего и непременно зеленого. – И, видя недоверчивое лицо Грача, продолжил: – На себе испытал. Пришлось пожить в Средней Азии. Не поверите, сорок градусов в тени, а узбеки в ватных стеганых халатах пьют из маленьких пиалушек обжигающий чай… Холодную воду – ни-ни!

– Бог ты мой, да еще в халате? – покачал головой Грач.

– Веками местными жителями проверено… Мы, русские, разденемся до пояса, все время плещем на себя из арыка, и ничего не помогает. Ад кромешный, скажу я вам! А им хоть бы хны… Между прочим, читал недавно в журнале, ученые установили, что от чая понижается температура всего тела, а от холодной воды – только полости рта… Хотите попробовать? – предложил он Павлу Васильевичу.

– Уговорили, – согласился тот.

Рожнов налил ему чаю. И оглядел присутствующих:

– Может, еще кто пожелает? Как наша дама?

Женщина, бросив негромкое «Спасибо», так же сосредоточенно продолжала смотреть в окно.

«Странная какая-то», – подумал про нее Захар Петрович.

Выпив, кажется, без всякого удовольствия чай, Грач вернул крышку от термоса хозяину, из вежливости все-таки поблагодарив его.

– Что ж, товарищи, так и будем скучать? – весело спросил Николай Сидорович. – Нам ведь еще ехать и ехать… Перекинемся в дурачка, а?

– Это пожалуйста, – охотно откликнулся Альберт Ростиславович.

– В дурачка так в дурачка, – согласился и Грач.

– А вы, Захар Петрович? – спросил Рожнов.

– Благодарю, не хочется, – отказался Измайлов.

Он не был любителем такого времяпрепровождения.

На предложение присоединиться к играющим женщина тоже ответила отказом.

Альберт Ростиславович снял с полки свою спортивную сумку, поставил на пол, на нее пристроили портфель Рожнова и раскинули потрепанную колоду карт. Чтобы не мешать, Захар Петрович вышел в коридор.

Поезд шел по зеленому коридору елей. На их тяжелых лапах висели гирлянды прошлогодних коричневых шишек. В окно врывался смоляной дух прогретого леса. Мерный перестук колес успокаивал. Захару Петровичу нестерпимо захотелось прилечь и, не думая ни о чем, погрузиться в блаженную истому. Несколько дней подряд он спал по три-четыре часа, а в последнюю ночь и вовсе не сомкнул глаз – готовил доклад. Но не пойдешь же в купе, не попросишь попутчиков прекратить игру.

А его спутникам, по всему видать, было весело: резались в дурачка с шутками и прибаутками. Грач уже со всеми перезнакомился, то и дело слышалось его любимое «категорически».

Захар Петрович не выдержал, присел на откидной стульчик, прислонился к стенке и прикрыл глаза. В голове поплыли неясные образы, накатила дрема.

– Захар… – словно издалека донесся до его сознания женский голос. Знакомый, но давно уже забытый голос, который когда-то снился ему по ночам.

«Заснул я, что ли?» – встряхнулся Измайлов, открывая глаза.

Рядом стояла женщина. Из его купе. Она держала в руках сумочку и смотрела на него.

– Не узнал? – спросила женщина.

Измайлов удивленно разглядывал ее. Куриные лапки морщин возле глаз, седина, пробивающаяся сквозь краску, симпатичные сережки…

И вдруг его словно ударило током.

– Марина? – воскликнул он.

Грустная улыбка коснулась ее губ, заиграла ямочками на щеках.

И вот эти ямочки словно открыли какой-то шлюз в нем, через который хлынули воспоминания.

Девичье лицо с серыми лучистыми глазами, чистоту и юность которого оттеняла белая медицинская шапочка, стройная фигурка в белом халате…

Перед ним, словно наяву, возникла та девушка, которую он последний раз видел в далеком Дубровске много лет назад…

– Неужели ты? – спросил Захар Петрович. Сонливость как рукой сняло.

Она кивнула. Растерянная и радостная оттого, что он ее узнал.

– Ну, здравствуй, – произнесла Марина, подавая ему руку.

– Вот это встреча! – Измайлов пожал ее руку, сухую и шершавую, почему-то боясь слишком долго смотреть на Марину, чтобы не выдать своих чувств.

«Боже мой! – думал он. – Неужели и я так изменился? Эти морщины, седина… А в общем-то еще симпатичная…»

– Как ты тут?.. – спросил он, не договаривая слово «очутилась».

– В Зорянске свекровь живет. Мать мужа. Ездила навестить. Болеет…

– А живешь где?

– В Рдянске… Значит, не узнал? – грустно укорила она.

– Да и ты ведь сразу тоже… – оправдывался он.

– Я тебя еще в Зорянске видела. С сыном. Сразу узнала.

– А почему не подошла?

– Зачем? Я и сейчас сидела, мучилась – выйти или нет. – Она зачем-то оглянулась. – Еще подумают бог знает что. А при твоем положении… Прокурор!

– О чем ты говоришь? – поморщился он. – Познакомил бы тебя с сыном.

– И что бы ты ему сказал, интересно?

– Имеет ли это значение? – Он усмехнулся. – А раньше ты была бедовая…

– Жизнь научила осторожничать, – вздохнула она. – Да и жена у тебя, говорят, ревнивая.

«В Зорянске все всё знают», – с досадой подумал Измайлов.

– Сколько лет мы не виделись?

– Много, Захар…

– Да-а, – протянул он. – Золотое было время. Молодость.

За окном кружились в хороводе березы. В вагоне стало светлее от их белоствольной чистоты.

Захар Петрович вдруг представил себя застенчивым подростком с охапкой сирени в руках, сорванной тайком в заброшенном монастырском саду, с волнением поджидающим молоденькую медсестру городской больницы.

Это было в Дубровске. Больше двадцати пяти лет назад. А тот несмелый паренек в застиранных штанах и драных ботинках – он, Захар Измайлов, студент лесного техникума.

Их свидания назначались в березовой роще на окраине города…

– Похоже на рощу за монастырем… – сказала Марина, глядя в окно вагона.

Выходит, она вспоминала о том же.

Поезд сбавил скорость, приближаясь к станции.

– Ну, я пойду в купе. – Марина снова опасливо оглянулась. – А то увидят, что мы шушукаемся. И вообще, Захар, зачем кому-то знать, что мы знакомы?..

– А что в этом такого?

– Пусть не знают… Так лучше и для тебя, да, пожалуй, и для меня. Договорились?

Он кивнул.

«С чего она так печется о моей репутации? – подумал Захар Петрович. А с другой стороны, может, она и права. В Зорянске, как повсюду, любят почесать языки на чужой счет».

На остановке Измайлов вышел из вагона. У крошечного здания вокзала несколько старух предлагали пассажирам зелень и жареные семечки.

Захар Петрович прошелся по перрону, размышляя о неожиданной встрече. Четверть века – срок большой. Как прожила его Марина? Удалась ли жизнь? Судя по морщинкам, скорее всего – не баловала. Особенного волнения Захар Петрович не испытывал. Но что-то все же шевельнулось в душе. Словно полыхнула далекая зарница. Отголоски прежних клятв, прежних обид и переживаний. А ведь было время, когда он страдал, не находя себе места. Едва не сбежал в самоволку, не думая о том, что может загреметь на гауптвахту. Хорошо, вразумил и остановил его Борька Межерицкий…

– Поднимайтесь в вагон, товарищ прокурор, скоро тронемся, – предупредительно уведомил проводник, лузгая семечки из бумажного кулька.

– Спасибо, – поблагодарил Измайлов, стараясь припомнить, где он его видел.

«Наверное, был у меня на приеме или встречались на судебном процессе», – подумал Захар Петрович и тут же констатировал: да, он на виду, и предосторожность Марины имеет под собой почву. Хотя сам Измайлов не понимал, что можно усмотреть плохого в беседе двух когда-то очень близких людей…

В купе заглянул проводник:

– Прошу закрыть окно. Гроза впереди.

Альберт Ростиславович поднялся, закрыл окно.

– Это, случаем, не ваша гитара, Альберт Ростиславович?

– Моя.

– Уважьте компанию.

Альберт Ростиславович охотно согласился.

– Что-нибудь этакое, – попросил Николай Сидорович. – В смысле романса.

– Сейчас сообразим. – Альберт Ростиславович настроил инструмент. – Марина… Как, простите, ваше отчество?

– Антоновна.

– Может быть, дуэтом, Марина Антоновна?

Она смутилась.

– Смелее, – подбодрил ее Николай Сидорович.

– Да что вы, отпелась я… Вот в молодости…

Она глянула на Измайлова. Он невольно улыбнулся.

И вспомнился Дубровск. Прощальная вечеринка перед отъездом в армию. Кто-то затянул: «На позицию девушка провожала бойца». Потому что за столом сидели девчонки, расстающиеся со своими парнями на целых три года.

Как тогда пела Марина! Словно изливала душу. И все смотрела на него, смотрела не отрываясь.

Думали, разлука на три года, оказалось – навсегда…

– Общество просит! – сказал Николай Сидорович.

Марина вздохнула, махнула рукой – ладно.

Альберт Ростиславович перебрал струны, и зазвучала мелодия известного романса.

– Гори, гори, моя звезда… – начал он неожиданно низким голосом.

Рожнов блаженно прикрыл глаза.

Вторую строку вместе с гитаристом подхватила Марина. Негромко, октавой выше. Получилось у них слаженно, словно они всегда пели вместе.

Когда романс закончился, Рожнов буквально простонал:

– До чего же хорошо!

Потом они спели еще одну современную песню. А когда Альберт Ростиславович, подмигнув Грачу, заиграл «Распрягайте, хлопцы, коней», к дуэту неожиданно присоединился и Павел Васильевич.

Поезд вошел в грозу. Потемнело. По стеклу снаружи косым потоком лила вода.

– Антракт, – отложил гитару Альберт Ростиславович.

И теперь уже, когда Рожнов предложил всем зеленого чаю из термоса, никто не отказался. Альберт Ростиславович сбегал к проводнику за стаканами. Под шум ливня и раскаты грома завязалась беседа. Грач вспомнил фронтовые годы, земляка-гармониста, погибшего под Орлом, который очень любил песню «Распрягайте, хлопцы, коней».

В купе стало по-домашнему уютно. Казалось, что все знают друг друга давным-давно. Захар Петрович думал о том, что было бы хорошо, если бы дождь пролился над Матрешками – ссохшейся земле нужна вода, а то его молодому саду будет худо.

Поезд останавливался на станциях, а потом не спеша катил дальше. Марина вышла в коридор. Измайлов видел ее, неподвижно стоящую у окна.

– Как ты живешь? – спросил Захар Петрович, не выдержав и выйдя к ней.

– Так и живу… – неопределенно ответила Марина, поблагодарив его улыбкой за то, что подошел. – В двух словах не расскажешь. Разное было…

– В Рдянске давно?

– Третий год. Квартиру вот-вот получим. Мужу обещали.

– Как же сейчас обходитесь?

– У его сестры живем. Она на север завербовалась, нам свою квартиру оставила на время…

– А дети?.. – осторожно спросил он, так как не знал, есть ли они у Марины.

– Слава богу. – Она раскрыла сумочку, с которой не расставалась, достала газетную вырезку и протянула Захару Петровичу.

Измайлов увидел на снимке девочку в балетной пачке, рядом – женщина в спортивном костюме. И подпись: «Учащаяся балетного училища Юля Хижняк со своим педагогом С.А. Рогачевой».

Хижняк – девичья фамилия Марины.

– Младшенькая, – с гордостью пояснила Марина. – Балериной будет.

– Это хорошо, – возвратил Измайлов газетную вырезку. – А ты?

– В медучилище работаю.

– Значит, не изменила медицине?

– Нет, конечно… Захар, а ты не знаешь, как Боря?

– Межерицкий?

– Да.

– Твой коллега. Заведует психоневрологической больницей в Зорянске.

– Небось профессор, доктор наук?

– Вовсе нет.

– Как же?.. – удивилась Марина.

– Не получилось…

– Но ведь он головастый был!

– И сейчас, по-моему, соображает неплохо. Врач – каких поискать. К нему приезжают консультироваться светила из Рдянска и даже из Москвы, Ленинграда.

Дождь прекратился. За окном мелькали мокрые деревья, домики – они подъезжали к станции Ратань.

– Ну а как у тебя в семье? – спросил Захар Петрович.

– Ты хочешь спросить, как муж?

– Да… Счастлива?

– О счастье, говорят, мечтают в молодости. В нашем возрасте думают, как бы не было хуже…

Измайлов почувствовал, что Марина не хочет говорить на эту тему. Потому, наверное, что нет этого самого счастья.

– На переправе коней не меняют, – грустно сказала Марина. – Вот приеду сейчас, он на дежурстве… В такой день…

Но какой день, она не объяснила. Состав подошел к перрону.

Захар Петрович снова вышел подышать густой влажной свежестью. Двое мужчин, проходя мимо, возмущались, что поезд будет стоять здесь не пять положенных минут, а бог знает сколько. Когда они поднялись в вагон, Измайлов отправился к проводнику узнать, в чем дело.

– Да, товарищ Измайлов, застряли, – подтвердил тот. – Впереди размыло дорогу. Чинят.

– И надолго задержка?

– Точно сказать никто не может.

– Но в Рдянске-то сегодня будем?

– В обязательном порядке.

Захар Петрович сообщил эту неприятную новость своим попутчикам. Рожнов разволновался, успеет ли на автобус в Светлоборск. Грач тоже расстроился, так как намеревался сегодня же уехать на южноморском поезде. Да и самому Захару Петровичу надо было еще узнать, в какой гостинице забронированы места для участников конференции. Накануне он звонил в областную прокуратуру – вопрос оставался открытым. В Рдянске проходила спартакиада, и понаехало много народу, с местами в гостинице проблема.

– Раз уж приходится загорать, – сказал Николай Сидорович, – не мешало бы подкрепиться.

Он достал из своего необъятного портфеля сверток. Это была копченая курица. Марина вынула из дорожной сумки пироги с капустой – гостинец свекрови. Павел Васильевич сбегал в свое купе и принес котлеты, что приготовила ему в дорогу жена. Измайлов предложил в общий котел бутерброды, сделанные Галиной Еремеевной. А у Альберта Ростиславовича оказались с собой банка шпротов и батон сервелата.

– Ого, как на хорошем банкете, – довольно потер руки Николай Сидорович, когда Марина накрыла стол.

После еды все почему-то приуныли. Стоянка затягивалась. Чтобы расшевелить компанию, Альберт Ростиславович предложил разгадать кроссворд – у него был с собой последний номер «Огонька». Для большего азарта решили соревноваться, кто больше отгадает слов.

– Ну, если я? – с вызовом спросил Рожнов. – Что тогда?

– Сначала выиграйте, – ответил Альберт Ростиславович.

– Да уж будьте уверены! – сказал Николай Сидорович. – Чемпион, можно сказать, по кроссвордам…

– Это интересно, – задумался Альберт Ростиславович. – Давайте держать пари. Выиграю я.

– А на что? – еще больше оживился Николай Сидорович.

– Американка! Кто выиграет, диктует желания.

– Принимается. Кстати, условия, я думаю, равны для всех…

Разгадывали кроссворд с азартом. Больше всех петушился Павел Васильевич и, как правило, ошибался. Измайлову удалось отгадать несколько трудных слов. Но, когда подсчитали очки, к удивлению всех, победила Марина.

– Ваше пожелание? Просим! – потребовал Альберт Ростиславович.

– Какое там желание… – отмахнулась Марина.

– Нет-нет, непременно скажите! – настаивал Рожнов.

Он хоть и не выиграл, но радовался, что Альберт Ростиславович тоже оказался в проигравших.

– Ладно, потом… – замяла вопрос Марина.

Тронулся поезд, простояв в Ратани почти два часа. Все обрадовались.

До Рдянска время пролетело незаметно. Вышли из вагона вместе.

– Так какое же будет ваше желание, Марина Антоновна? – напомнил Альберт Ростиславович.

– Да, именно! – поддержал Рожнов.

– Не знаю, примете ли… В общем, прошу всех ко мне. Хотя бы минут на двадцать. У меня сегодня день рождения. А вы все такие внимательные… Ну, словом, хорошие люди, – смущенно сказала Марина.

«А я уж даже забыл, что у нее сегодня день рождения! – подумал Захар Петрович. – Нехорошо получилось, стыдно».

Мужчины стали наперебой поздравлять Марину. Альберт Ростиславович предложил отправиться к имениннице и побежал искать такси. Грач сокрушался, что не может: через десять минут отходил поезд в Южноморск.

Захар Петрович заколебался. Но отказываться посчитал неудобным: Марина может подумать, что посчитал ниже своего достоинства пойти к ней в гости… Зазнался, мол… Пока Измайлов думал, как лучше поступить в сложившейся ситуации, возле них лихо затормозило такси, которое остановил Альберт Ростиславович.

– Садитесь, садитесь! – торопил он. – Вы, Захар Петрович, назад, а вы, Марина, с шофером.

Измайлов протиснулся в машину.

Рожнов сел возле Захара Петровича, сказав:

– Я только провожу вас до дома. Мне на автовокзал…

Альберт Ростиславович сел последним. Хлопнула дверца, и «Волга» сорвалась с места. Метров через двести Рожнов попросил остановиться возле освещенных окон ресторана. Оставив на сиденье портфель, он побежал к его открытой двери и быстро вернулся, держа в руках две бутылки шампанского и коробку шоколадных конфет.

Дом, где жила Марина, находился недалеко от вокзала. Николай Сидорович торжественно вручил имениннице вино и конфеты. И когда Альберт Ростиславович, Марина и Захар Петрович вышли из такси, Рожнов озабоченно бросил водителю:

– Жми, друг, на автовокзал. Надо успеть к последнему рейсу.

Квартирка была двухкомнатная, малогабаритная. Обстановка – только самое необходимое и далеко не новое.

– Располагайтесь, я сейчас что-нибудь быстренько соображу закусить, – сказала Марина. – Если надо, можете звонить, – кивнула она на телефон, оставляя мужчин одних в комнате.

Захар Петрович позвонил в облпрокуратуру по поводу гостиницы. Никто не ответил. У Измайлова был еще домашний номер старшего помощника прокурора области по кадрам – Владимира Харитоновича Авдеева. Трубку взяла его теща. По ее словам, Владимир Харитонович ушел с женой в гости.

– Разрешите и мне воспользоваться? – сказал Альберт Ростиславович, когда Захар Петрович закончил говорить.

– Да-да, пожалуйста, – освободил место у аппарата Измайлов, решив позвонить Авдееву еще раз попозже.

– Были у меня когда-то в этом славном городе друзья, – достал записную книжку Альберт Ростиславович и начал вертеть диск.

Судя по тому, как радостно он заговорил в трубку, друзья отыскались. Захару Петровичу показалось неловко подслушивать чужой разговор. Он вышел на кухню.

– Дозвонился? – спросила Марина, орудуя на кухонном столике. Как и в поезде, наедине, они обращались друг к другу на «ты».

– Пока неудачно… Знаешь, по-моему, зря ты так суетишься. К чему столько? – показал он на тарелки с закус ками.

– О чем ты говоришь, Захар! – с упреком ответила Марина. – Ради такой встречи…

– Не в еде ведь дело…

– Верно, но ты-то вроде свой, а вот что может подумать Альберт Ростиславович? – Она засмеялась. – Сам знаешь, как моя мама любила говорить: гости в дом – что есть в печи, на стол мечи…

Измайлов вспомнил, когда там, в Дубровске, Марине несколько раз удалось затащить его к себе в гости, ее мать ставила перед застенчивым студентом лесного техникума все, что у них

было. А у Захара Петровича кусок не лез в горло: стеснялся своей бедной одежды и думал, что его жалеют. Правда, он скоро понял, что в этом доме так встречают всех, но все же так и не смог до конца совладать с робостью.

– Помоги, а то мне сразу не унести, – попросила Марина, подавая Захару Петровичу две тарелки – с ветчиной и маринованными огурчиками. Мне кажется, Альберт Ростиславович компанейский парень, – добавила она тише. – Наверное, артист, а простой.

Когда они вошли в комнату, Альберт Ростиславович сидел у телефона, как показалось Измайлову, чем-то озабоченный.

– Я так не согласен, – встрепенулся он. – Вы трудитесь, а я как барин.

– Уже все, – сказала Марина. – Только брошу на сковородку лангеты.

– Нет! – решительно поднялся Альберт Ростиславович. – Это уж позвольте мне! Уверяю, не пожалеете! Друзья твердят, что я кулинар от Бога…

– Ну, если вы так настаиваете… Уважим, Захар Петрович? – спросила с улыбкой Марина.

– Вольному воля, – улыбнулся в ответ Измайлов.

Марина вышла с Альбертом Ростиславовичем на кухню и вскоре вернулась. Они снова вспоминали Дубровск, свои молодые годы. Невольно перешли на настоящее. Оказалось, что у Марины есть еще одна дочь, старшая, Альбина, которая сама стала уже матерью.

– Где она? – спросил Захар Петрович.

– На Дальнем Востоке, – вздохнула Марина. – Не очень-то сложилось у нее… Разведенка…

– Да, сейчас это, можно сказать, болезнь века, – сказал Измайлов, пытаясь как-то смягчить материнскую боль. – Каждый второй брак распадается.

Но его слова не утешили, Захар Петрович это понял. Что матери до статистики? Главное – не повезло родной дочери.

– Но почему именно у нее? – с каким-то отчаянием произнесла Марина. – Из себя ладная, хозяйка хорошая. Для ребенка и мужа жила…

– Найдет еще, – сказал с улыбкой Измайлов, потому что не знал, что говорить в таких случаях.

– Не больно-то теперь мужчины семью желают иметь. А тут еще ребенок на руках… – Она сокрушенно покачала головой. – Вот у младшенькой, Юли, все будет по-другому. – Ее лицо просветлело. – Скучаю по ней – сил нет…

Измайлов вопросительно посмотрел на Марину.

– Так ведь в Ленинграде она. В училище-интернате, – пояснила Марина. – Настоящих балерин готовят с пяти лет… И вот вынуждены жить в разлуке. Но если у девочки талант!..

Вошел Альберт Ростиславович, торжественно неся исходящую паром, шкворчащую сковородку. В комнате аппетитно запахло жареным мясом со специями.

– Прошу! – сказал он. – Понравится, рецепт можете получить не отходя от кассы!

Марина поспешно стала ставить на стол рюмки, приборы. И пока она этим занималась, Альберт Ростиславович взял гитару и весело спел, переиначивая слова детской песенки:

Как на Марины Антоновны именины
Испекли лангеты мы.
Вот такой толщины,
Вот такой вкусноты!..

Потом все уселись, в потолок полетела пробка от шампанского, с какой-то лихостью и умением открытая Альбертом Ростиславовичем.

– Захар Петрович, – поднимая бокал, сказал он. – Вам, как старшему здесь, – тост.

– Ей-богу, у вас это лучше выйдет, – отшутился Измайлов.

Говорить пустые слова он не хотел, а то, что желал бы сейчас напомнить Марине, при постороннем не мог.

– Хорошо, – не стал упрямиться Альберт Ростиславович, входя в роль тамады. – Марина Антоновна, скажу честно, отвыкли мы по-людски встречаться и привечать людей. Нам некогда, мы недоверчивы. С друзьями – и теми видимся раз в год. Чаще деловые встречи. Как здорово, что сегодня я попал в ваш дом. По-моему, простой, открытый, русский. Повод – ваш день рождения. Так будьте же всегда такой открытой, чистой, любящей людей! Счастья вам, Марина Антоновна! – Он чокнулся с именинницей и красиво выпил шампанское.

Захар Петрович кивнул хозяйке так, чтобы она поняла: он желает ей всего хорошего и помнит Дубровск, их молодость, их чувства…

Мясо Альберт Ростиславович приготовил действительно отменно. Он тут же поделился рецептом с Мариной.

В квартире царила та же непринужденная обстановка, как и недавно в вагоне, казалось, что знают они друг друга давно. Марина пожалела, что Грач и Рожнов не смогли быть сейчас с ними.

Выпили еще по бокалу. Захар Петрович поднялся. Пора было ехать в гостиницу. Но в какую?

Он еще раз набрал номер телефона Авдеева. После длительных гудков заспанный голос его тещи сообщил, что зять еще не вернулся.

Измайлов растерялся. Надо было уходить (Альберт Ростиславович тоже уже собрался), а куда? Конечно, можно было бы поехать в любую гостиницу, обратиться к дежурному администратору, объяснить, попросить…

– Захар Петрович, – видя его растерянность, спросила хозяйка, – у вас какие-то затруднения?

– Понимаете, не могу дозвониться, узнать, где забронирован номер, – признался он.

– Господи, да оставайтесь здесь! – предложила Марина. – И вы, Альберт Ростиславович. Уложу вас в спальне. Там две отдельные кровати. А сама вот здесь, на диване…

– Ну что вы… – начал было Измайлов.

– Куда вам на ночь-то глядя! – уговаривала Марина.

Альберт Ростиславович снял с плеча гитару, положил свою сумку на пол, ожидая решения Захара Петровича.

А Марина быстро пошла в спальню, и было видно в открытую дверь, как она доставала из шкафа чистые простыни.

«Да и как объясняться с администратором гостиницы, когда от тебя пахнет вином? – подумал Измайлов. – Люди ведь разные. Что подумают, что станут говорить? А может и до начальства дойти…»

– Выхода нет, – сказал он Альберту Ростиславовичу с виноватой улыбкой.

Тот откровенно обрадовался и признался:

– У меня была довольно невеселая перспектива – провести ночь на вокзале. Из-за этой стоянки в Ратани не успел на ленинградский поезд, а следующий – только рано утром… – Он вздохнул.

Ложась в чистую постель, Захар Петрович понял, как он намаялся за последние дни. Давали знать о себе и бессонные ночи над докладом. Но стоило ему закрыть глаза, как он вспоминал первую встречу с молоденькой Мариной. Еще ту, последнюю…

Потом накатили видения, образы, то яркие, отчетливые, то туманные. Из глубин памяти возникло расставание с Мариной в Дубровске. Словно наяву он ощутил жар девичьих рук, обвивших его шею, влажные жадные губы…

Захар Петрович открыл глаза. На потолке дрожали тени от уличного фонаря. Рядом, на другой кровати, тихонько похрапывал Альберт Ростиславович.

Зональная конференция работников прокуратуры открывалась в здании Дома офицеров в десять часов утра. Помня звонок начальника отдела общего надзора Ляпунова о том, что с докладом предварительно надо ознакомить начальство, Измайлов появился в облпрокуратуре в девять часов – к открытию. Но ни Ляпунова, ни кого-либо еще из руководства не было, находились уже, должно быть, в Доме офицеров. Захар Петрович спешно отправился туда.

Дом офицеров утопал в зелени. По дорожкам, обсаженным туями, расхаживали участники конференции. Многих Измайлов хорошо знал.

Первым, кого Захар Петрович увидел из начальства, был Авдеев. Владимир Харитонович куда-то спешил. Поздоровавшись, Измайлов спросил у него, кому показать свой доклад.

– Зачем? – удивился Авдеев.

Захар Петрович рассказал о звонке Ляпунова.

– По-моему, это он так, перестраховывается, – усмехнулся Авдеев. – Но если хочешь его видеть, зайди в последнюю комнату по коридору. Там комиссия по подготовке конференции.

В комнате толпились люди. Ляпунов звонил по телефону, но, заметив Измайлова, попросил его обождать.

Освободившись, он все-таки прочел доклад зорянского прокурора. В нем Измайлов, как и было поручено, говорил о роли гособвинителя в судебном процессе.

– Добро! Деловито, кратко и по существу… Мы надеемся, Захар Петрович, что ваш опыт будет полезен молодым работникам прокуратуры, – заключил Ляпунов.

В зал Измайлов вошел буквально перед самым открытием. Над сценой, где стоял стол президиума, алел кумачом транспарант «Привет участникам конференции!». А сами участники уже заполнили несколько первых рядов кресел.

Захар Петрович огляделся. Строгие форменные пиджаки, белые воротнички, галстуки…

Захар Петрович нашел свободное место с краю, сел. Пожилой следователь из соседнего района пожал ему руку – они были знакомы давно. И потом уже заметил, что совсем рядом, через кресло, сидит и Авдеев. Владимир Харитонович хотел спросить что-то, видимо, о Ляпунове, но в это время из-за кулис появился президиум: областной прокурор, секретарь обкома партии и зампрокурора республики…

Открыл конференцию прокурор области Зарубин. Когда он стал зачитывать приказ прокурора республики о награждении ценными подарками лучших работников, Захар Петрович услышал вдруг и свою фамилию.

– Поздравляю, – шепнул ему сосед-следователь.

После Зарубина с большим докладом выступил начальник отдела по надзору за рассмотрением уголовных дел в судах областной прокуратуры. Он обстоятельно говорил о роли прокурора в суде и призывал, чтобы каждый государственный обвинитель не замыкался в рамках только конкретного случая, рассматриваемого в ходе судебного разбирательства. Ведь факты, имеющие общественное значение, должны быть использованы для воспитательных и профилактических целей.

Измайлов старался слушать внимательно, но слова, доносящиеся с трибуны, постепенно сливались для него в какое-то монотонное неразличимое звучание.

Захар Петрович опять вспомнил, как покидал квартиру Марины. И заныло, засосало под ложечкой.

Вдруг докладчик, как и Зарубин, назвал его фамилию. Это встряхнуло Захара Петровича. По словам начальника отдела, он, Измайлов, выступает на процессах по-боевому, наступательно. И к речам готовится так, что слушать его интересно и поучительно. Одним словом, каждое выступление яркое, образное.

Захар Петрович поймал на себе несколько взглядов. Улыбающихся и любопытных.

…Сменялись выступающие. Измайлов напряженно ждал, когда ему дадут слово. То ли от этого напряжения, то ли от невеселых дум, у него стало сжимать в висках.

«Сейчас бы таблетку тройчатки», – подумал он, потому что почувствовал: сильная пульсация в висках переходит в боль. Он уже с трудом понимал, о чем говорят докладчики. Перед глазами – лишь световое пятно сцены, президиум. Он отметил, как кто-то вышел из-за кулис, передал записку. Она пошла по рукам и дошла до Зарубина. Облпрокурор прочел ее и, дождавшись окончания очередной речи, вышел из-за стола.

«Что это я раскис! – разозлился на себя Захар Петрович. – Мне же выступать! Из-за какой-то ерунды ломать голову…»

Он знал, что злость помогает. И действительно, окружающее как будто снова обрело для него четкую реальность. И тут объявили его выступление.

Захар Петрович пошел к трибуне и вновь почувствовал, что головная боль не дает сосредоточиться. Свою речь он знал назубок. Даже помнил, на какой странице был нужный абзац, чуть ли не каждый перенос. Но когда он очутился лицом к лицу с затихшей аудиторией и сказал: «Товарищи!», к ужасу своему, обнаружил, что никак не может вспомнить продолжения.

Рука невольно потянулась к стакану на краю трибуны. Измайлов сделал несколько глотков. Это был нарзан. Колючая, щекочущая влага освежила, мысли как будто немного прояснились. Захар Петрович смог наконец заговорить. И, уже отбарабанив фразу, припомнил, что она чуть ли не из середины доклада. Потом пришла и первая. Но эта заминка уже нарушила весь его настрой. Как Измайлов ни старался собраться, фразы путались. Он несколько раз пил из стакана, вытирал платком вспотевшие руки. Окончание доклада и вовсе получилось скомканным.

«Слава богу, хоть дотянул», – с облегчением думал он, покидая трибуну под жидкие аплодисменты и стыдясь глядеть на присутствующих.

За ним выступил молодой районный прокурор. Говорил он бойко, интересно, заворожив слушателей, что еще раз подчеркивало провал Измайлова. Пожалуй, первый в жизни.

Появился из-за кулис Зарубин и занял свое место между заместителем прокурора республики и секретарем обкома. Измайлову показалось, что Степан Герасимович отыскал его взглядом и долго внимательно смотрел.

«Неужели слышал меня?» – мелькнуло в голове.

Когда объявили перерыв и все потянулись в фойе, Измайлова взял за локоть Авдеев.

– Что это с тобой, Захар Петрович? Прямо не узнать тебя. Ты же всегда выступаешь – заслушаться можно, а сегодня…

– Голова что-то разболелась, – растерянно ответил Измайлов.

– Бывает, бывает, – улыбнулся помпрокурора области. – А я уж подумал, что это у тебя от похвал. Знаешь, кое на кого они действуют отрицательно… Да, забыл тебя спросить: ты чего вчера звонил?

– Узнать, в какой гостинице нас разместили.

– А-а, – протянул Владимир Харитонович. – Прими мои поздравления за награду…

Захар Петрович буркнул слова благодарности. Он был рад, что Авдеева отвлекли, – очень уж мучил стыд за свое выступление.

Не удалось избежать поздравлений и от других участников конференции. Захар Петрович принимал их рассеянно и неохотно.

Потом лосиноглебский прокурор потащил Измайлова в столовую. За столом было еще двое коллег, и возник горячий спор об автоматизированной системе управления, которую хотели вводить в областных правоохранительных органах. Дело это было новое и всех волновало. Прокурор из Лосиноглебска поддерживал начинание и считал, что надо поскорее ввести его в практику. По его мнению, техника освободит от множества бумажек и отчетов, которые отнимают массу времени.

Сосед по столу, пожилой районный прокурор, поинтересовался, что конкретно представляет собой система.

– Насколько мне известно, – объяснил лосиноглебский прокурор, – планируется пять видов выходной информации. Отчетно-статистическая – это вместо форм, которые мы заполняем за каждый отчетный период. Аналитическая…

– А это что? – спросил третий сосед.

– Вычислительная машина будет сопоставлять статистические показатели и анализировать их. И даже строить прогноз о состоянии преступности. Сюда войдут разные данные не только по нашей линии. Демографические, культурные и так далее… Ну, и еще три вида информации – индивидуальная, следящая и справочная… Например, Степан Герасимович захочет узнать, как идут у вас дела. Нажмет кнопку, и машина выдаст результат: у товарища Петелина, – он лукаво взглянул на районного прокурора, – необоснованно продлен срок расследования по четырем делам…

– А выговоры тоже машина будет выдавать? – засмеялся Петелин.

– Дойдет, наверное, и до этого, – улыбнулся третий сосед и добавил серьезно: – Все это хорошо. Но не появится ли еще больше отчетов? Раньше только для начальства, теперь и для машин…

До конца перерыва Захар Петрович еще успел зайти в аптеку, которая находилась поблизости. Он принял две таблетки амидопирина, прошелся по скверику возле Дома офицеров. Постепенно улеглась головная боль, напряжение спало, и даже чувство неловкости за неудачное выступление притупилось.

Официальная часть конференции закончилась в седьмом часу вечера. Награжденных пригласили в прокуратуру, в кабинет Зарубина, где в торжественной обстановке зампрокурора республики вручил им подарки. Некоторым, в том числе и Захару Петровичу, – именные часы.

Когда все покидали кабинет, Зарубин сказал Измайлову:

– Подождите, пожалуйста, в приемной. Я сейчас освобожусь. Есть разговор.

Измайлов вышел в приемную. Зарубин некоторое время беседовал о чем-то с зампрокурора республики, после чего Степан Герасимович проводил гостя до дверей. Направляясь снова в свой кабинет, бросил Захару Петровичу:

– Зайдите.

Измайлов двинулся за ним.

Зарубин сел за стол и молча указал Измайлову на стул. Взгляд у облпрокурора был, как всегда, спокойный и сосредоточенный.

Он был седой как лунь. А Измайлов помнил его темно-каштановую шевелюру. И удивлялся еще, как долго не трогает Степана Герасимовича седина. Побелел, как говорится, в одночасье. Когда погибли его дочь с внуком. Это известие потрясло всю прокуратуру. Нелепый, трагический случай. Дочь Зарубина открыла дверь вызванного на шестой этаж лифта и вместе с коляской, в которой находился младенец, упала в шахту – кабина лифта из-за какой-то неполадки, оказывается, не пришла.

Так Степан Герасимович потерял двух любимых людей. Теперь у него на руках осталась внучка (жену он похоронил несколько лет назад)…

– Вы вчера приехали из Зорянска? – спросил облпрокурор, когда Измайлов присел на стул.

– Да, – ответил Захар Петрович.

– Ночевали в гостинице?

– Нет.

– Нет? – переспросил Зарубин так, словно он ждал совершенно противоположного ответа. – Вам же был забронирован номер в гостинице «Центральная».

– Я приехал очень поздно. Поезд задержался. Оползень… – стал сбивчиво объяснять Захар Петрович. И замолчал, поймав себя на мысли, что оправдывается, как нашкодивший мальчишка.

– И где же вы остановились?

– У одной знакомой, – ответил Измайлов уже спокойней. И добавил: – Старой знакомой.

– Простите, как фамилия этой знакомой?

– Сейчас – не знаю…

Захар Петрович вдруг почувствовал, что такой ответ не понравился Зарубину. Тот нахмурился.

– Девичья фамилия – Хижняк, – поправился Захар Петрович. – Знаете, интересоваться теперешней было как-то неудобно… Я знаю ее как Хижняк…

Степан Герасимович некоторое время раздумывал, постукивая пальцами по столу.

– И все прошло спокойно, без эксцессов? – спросил наконец он.

– Да какая-то глупая сцена… – начал было Измайлов.

– Глупая? – сердито перебил его Зарубин.

И, сдержавшись, протянул бумагу, написанную от руки.

Это было заявление в обком партии от некоего Белоуса Д.Ф. Написано корявым почерком и с грамматическими ошибками. Белоус писал:

«Моя жена, Марина Антоновна Белоус, возвращалась от родственников из Зорянска. Я не знаю, как у них произошло в поезде, но она уверяет меня, что компания мужчин в ее купе вела себя по-культурному. А может быть, они притворялись. Особенно зорянский прокурор З.П. Измайлов. Когда они приехали в Рдянск, вышеназванный прокурор города Зорянска напросился в дом моей жены под видом поздравить ее с днем рождения. Моя жена сказала, что с ними увязался другой мужчина. Звать его Альберт, а фамилию он скрыл. Но никакого Альберта в моей квартире не было, когда я утром пришел с дежурства. И не знаю, обманывают меня насчет Альберта или они договорились так с прокурором, чтобы отвести мне глаза. Что сам видел, то и сообщаю. Кроме моей жены и Измайлова, я никого в квартире не застал. Зато налицо были следы пьянки.

То, что прокурор Измайлов провел ночь в моем доме и с моей женой, вам подтвердит мой сосед Заикин Афанасий Семенович. Он видел, как Измайлов рано утром уходил из нашей квартиры, после того как я его выгнал.

Убедительно прошу партийные органы разобраться в поступке гр. Измайлова и наказать. Он разрушил мою семью, воспользовавшись положением прокурора. Государство дало ему эту должность и звание не для того, чтобы приходить в чужие дома с подлыми и низкими намерениями. Если таким доверять власть, то честным и трудовым людям деваться будет некуда…»

Измайлов читал заявление и мучительно соображал, когда Зарубин получил этот документ.

…Выходит, Белоус сразу же утром, после ухода Захара Петровича из квартиры Марины, отправился в обком. Да, скорее всего, это было именно так, иначе заявление не попало бы так скоро к Зарубину. Измайлов припомнил, что облпрокурор исчезал во время утреннего заседания.

Измайлов кончил читать и вернул заявление Зарубину. Тот положил перед Захаром Петровичем пуговицу.

– Ваша? – коротко спросил Зарубин.

Это была обыкновенная пуговица, металлическая, с гербом, какие пришиваются на обшлага. Измайлов невольно посмотрел на рукава своего форменного пиджака.

На левом одной пуговицы не хватало…

– Возможно, моя… – растерянно сказал он.

А ведь вчера она была. И Галя никогда не допустила бы такой неряшливости в костюме мужа.

И вот эта безделица, в другое время – пустяк, явилась последней точкой.

«Ну и дурак же этот Белоус! – подумал со злостью Захар Петрович. Выставлять на позор жену…»

– Все было не так, – глухо сказал он.

– Когда мне передали это, – брезгливо кивнул на заявление Зарубин, – я подумал: клевета… Скажите, вы действительно ночевали у этой Хижняк-Белоус?

– Ночевал.

– Мужа дома не было?

– Не было.

– Значит, вы были с ней только вдвоем?

– Почему! Ночевать остался и этот самый Альберт Ростиславович.

– Выходит, Белоус врет, что застал только вас?

– Понимаете, и в самом деле, когда Белоус пришел утром, Альберта Ростиславовича уже не было…

– Значит, все-таки не врет…

– Не врет, – сказал Измайлов растерянно.

И эта растерянность не прошла незамеченной.

Зарубин взял заявление, положил в сейф. Посмотрел на часы, на Измайлова.

– Придется вам писать объяснение, – сухо произнес он.

– Объяснение?! – вырвалось у Захара Петровича. – На это… на этот… – Он никак не мог подыскать нужного определения.

– Да, объяснение, – раздраженно сказал облпрокурор. – Мы должны выслушать и другую сторону.

Он положил в сейф и пуговицу.

«Я уже – другая сторона», – с горечью и недоумением подумал Измайлов.

– Не знаю, поверите ли вы мне, – глухо сказал он.

Степан Герасимович чуть усмехнулся.

– Презумпция невиновности распространяется и на прокуроров…

– Когда представить? – спросил Захар Петрович.

– Чем скорее, тем лучше. – Он подумал и закончил: – Разобраться в этой истории я поручу Авдееву. Считайте это служебной проверкой…

Ольга Павловна Ракитова, помощник прокурора Зорянска, пошла на машиностроительный завод в воскресенье. Это было 30 июня. Вчера «самсоновские» трудились, так сказать, по закону: последняя суббота месяца всегда была рабочей на предприятии. А вот сегодня…

День стоял жаркий. На небе выплеснулись редкие перья облаков. Легкий ветерок колыхал кроны деревьев, гонял по дорогам и тротуарам тополиный пух. Лето наливалось солнцем.

Уже подходя к воротам завода, Ольга Павловна заметила, что стоянка личного транспорта, огороженная железной сеткой, заставлена машинами, мотоциклами, велосипедами.

На проходной ее встретили без всякого удивления. Словно в простые будни.

– Какие цеха работают? – спросила она у охранника, предъявляя свое удостоверение.

– Да, почитай, все, – ответил тот, скользнув профессиональным взглядом по книжечке.

Ракитова прошла на территорию и в нерешительности остановилась, размышляя, отправиться ли в административный корпус, чтобы поговорить с кем-нибудь из начальства, или же прямо в цех.

И сразу вспомнила наказ Измайлова: «Побеседуйте с людьми…»

Главный, сборочный цех находился далеко. Дорога, залитая гладким асфальтом и обсаженная молодыми яблонями, казалась бесконечной оттого, что была пуста. Где-то впереди, возле громады бетонной коробки, двигались автопогрузчики.

Ольга Павловна зашагала вперед. Территория сверкала чистотой. Недавно прошла поливальная машина. От асфальта парило.

«Даже поливалка сегодня работает, – отметила про себя Ольга Павловна. – Хозяйственный мужик Самсонов…»

Сзади зашумел мотор. Ракитова оглянулась. Из боковой аллеи выехал пустой автокар. Молоденькая девушка в комбинезоне, со сбившейся косынкой на голове, остановила свой транспорт возле Ольги Павловны.

– Куда вам?

– В сборочный, – ответила Ракитова.

– Давайте подвезу, – сверкнула белым рядом крепких зубов хозяйка автокара.

Ольга Павловна колебалась. Удобно ли? Все-таки представитель прокуратуры… Но предложение было таким сердечным и бесхитростным, что она решилась ступить на железную платформу.

– Держитесь, – посоветовала девушка.

Ольга Павловна взялась за металлическую доску сзади водителя.

Когда они таким образом подкатили к главному корпусу, кар лихо развернулся около огромных дверей и стал. Кто-то окликнул девушку. Возле красного щита с противопожарным инструментом стояла группа парней, куривших возле бочки с песком.

Ольга Павловна даже не успела поблагодарить – водительница соскочила со своего места и пошла к парням. А Ракитова – в цех.

Да, работа шла вовсю.

По воздуху, поддерживаемые железными руками, двигались агрегаты. Десятки людей были заняты в различных операциях.

– Вам кого? – перекрикивая шум, спросил у помпрокурора молодой парнишка. На шее у него, как праздничная гирлянда, висели на проволоке какие-то детали.

– Начальника цеха, – так же громко ответила Ольга Павловна.

– Щукина? Вон он, у себя, – показал куда-то наверх паренек.

Почти под самым потолком виднелось нечто вроде домика, державшегося бог знает на чем.

Ракитова искала глазами, как до него добраться. Молодой рабочий без слов пошел вперед, жестом предложив двигаться за ним.

Шагая вслед, Ольга Павловна отметила про себя, до чего же юн этот внимательный рабочий.

– Ты из этого цеха? – спросила Ракитова, хотя вопрос мог показаться и глупым: что ему делать в чужом цехе.

– Да, – кивнул паренек. И указал Ольге Павловне на лестницу, ведущую под самый потолок.

– А фамилия?

– Бойко! – крикнул он.

И зашагал прочь, как бы давая понять: болтать праздно некогда, надо работать.

Кабинет начальника цеха оказался довольно большим. На столе селектор. Перед глазами хозяина кабинета – ряд телевизионных экранов.

Щукин, седой, высокий, со шрамом на переносице, был в чистой синей рубашке с короткими рукавами и отложным воротничком. Он, видимо, помнил Ольгу Павловну по прошлым посещениям, потому что протянул ей сильную загорелую руку с наколкой-якорем выше запястья и предложил:

– Присаживайтесь, товарищ Ракитова.

И хотя внешне начальник цеха выглядел спокойно, но, кажется, приход помощника прокурора его все-таки насторожил.

– Ну как? – спросила Ракитова. – Все у вас сегодня вышли?

Разговаривать здесь можно было не повышая голоса: шум из цеха почти не проникал.

– Почти все… Есть, конечно, отдельные несознательные… А большинство вышли.

– И кто же эти «несознательные»? – поинтересовалась Ольга Павловна.

Включился селектор. Щукин нажал кнопку, и из микрофона раздался женский голос:

– Когда же, наконец, подвезут изоляцию, товарищ Щукин?

– Уже везут, везут. Работайте, – ответил начальник цеха.

– Что я, юбкой своей буду обматывать?

– Не базарь, – урезонил Щукин невидимую собеседницу и прервал связь. – Вот видите, – обратился он к помпрокурора. – Из-за несознательных страдает производство. Кто-то не вышел на складе, а наши бригады простаивают.

– А у вас в цехе сколько человек не вышло? – поинтересовалась Ракитова.

– Четверо.

– Почему?

– Один квартиру получил. Переезжает. Как будто это нельзя в другой день… Я бы отгул потом дал. Хоть на три дня!

– Еще?

– Другой автомобиль чинит… Вот так и получается, своя рубашка ближе к телу. На завод, на план плевать. Не понимают, что конец квартала.

– А как профсоюзная организация?

– Что скрывать, сам член профкома. – Щукин вздохнул. – Да, мало мы еще воспитываем в людях сознательность…

Ольга Павловна хотела пояснить, что имела в виду, как относится профсоюзный комитет к сегодняшней работе. Но передумала.

А Щукин продолжал:

– Не волнуйтесь, меры примем… Не понимаю я таких. Завод им – жилье, путевки, ясли, а они? Психология какая: побольше взять, поменьше отдать…

Снова позывные селектора. И, когда послышался голос Самсонова, Щукин, хотя и сидел на стуле, словно бы вытянулся по стойке смирно.

– Как идем? – спросил директор.

– По графику, Глеб Артемьевич. – Начальник цеха пододвинул к себе бумажку с колонкой цифр: – Уже триста восьмой вышел…

– Уложишься?

– Разобьюсь…

– Разбиваться не надо. Уложись.

В динамике что-то щелкнуло.

– Вот вам ответственность! – сказал начальник цеха, кивая на селектор. – Директор работает, а слесарь, видите ли, прохлаждается на рыбалке…

«Между прочим, еще неизвестно, кто прав», – хотела возразить Ольга Павловна. Но снова ничего не сказала. И спросила:

– У вас в цехе парнишка работает. Бойко…

– Ну? – подозрительно посмотрел на Ракитову Щукин, видимо соображая, что бы такое мог натворить подросток.

– Сколько ему лет?

– Семнадцать, кажется. – Начальник цеха все еще выжидал, что же скажет помощник прокурора.

– Еще кто-нибудь из подростков сегодня трудится? – спросила Ракитова.

До Щукина, кажется, начало что-то доходить. Он поерзал на стуле, переложил зачем-то бумаги с места на место и осторожно произнес:

– По-моему, у нас больше нет таких зеленых… Из ПТУ идут в другие цеха, менее ответственные.

Ольга Павловна поднялась.

– Ну, не буду вас сейчас отвлекать. Более подробно поговорим в другой раз.

Начальник цеха тоже встал.

– Я провожу…

– Не беспокойтесь. Я еще побеседую с людьми…

Последняя фраза, видимо, насторожила Щукина. Он суетливо проводил помпрокурора до дверей. И когда Ракитова спустилась в цех и глянула наверх, то увидела, что начальник внимательно наблюдает за ней сквозь толстое стекло своей конторки.

В цеху было жарко. Около сатуратора с газированной водой стояло несколько человек.

– Как трудимся? – спросила Ольга Павловна молодого парня в рабочем комбинезоне, надетом на голое тело.

– Нормально, – задорно ответил тот. У него были голубые глаза, реденькие баки и соломенного цвета усы.

– Женат?

– Не успел еще…

На них с любопытством поглядывали две женщины, ожидавшие, когда освободятся стаканы.

– Почему согласились работать в воскресенье? – поинтересовалась Ракитова.

– Все работают, – удивился вопросу парень. – План даем, понимать надо!

– В воскресенье надо отдыхать, – назидательно сказала Ракитова. И, чтобы этот тон не обидел, с улыбкой добавила: – А то и впрямь не найдешь времени жениться.

– Так им и в холостяках не плохо, – заметила одна из женщин. – Хочешь – пей, хочешь – гуляй, никто не заругает…

– Неженатые тоже нужны, – серьезно сказал парень, отдавая стакан женщине. – Газеты читать надо. О нас, холостяках, даже научные статьи пишут…

– И все-таки отдых – вещь серьезная, – сказала Ракитова. – Об этом тоже в газетах пишут. Разрядка…

– У них одна разрядка – «безрукий», – хмуро произнесла другая женщина.

Парень в комбинезоне пропустил замечание мимо ушей.

– Какой отдых? – махнул он рукой. – Валяться на койке в общежитии? Уж лучше здесь. Польза. И государству, и себе. Платят – не жалуемся. В тройном размере…

Ольга Павловна вышла на улицу. Возле бочки с песком все так же сидело несколько человек, казалось, те же самые. Но когда Ракитова пригляделась, то убедилась, что другие. В том числе и Бойко. Увидев помпрокурора, он поспешно бросил окурок в бочку.

– Сколько тебе лет? – спросила Ольга Павловна.

– Шестнадцать… – Он смутился. – Это я так, балуюсь. А вообще, мне уже почти семнадцать.

– И кто же разрешил тебе выйти сегодня на работу?

На Ольгу Павловну устремились любопытные взгляды.

– Как же, надо… – опешил паренек. – Я комсомолец…

– Нельзя тебе. По закону запрещено, – сказала Ракитова. – Работа ведь сверхурочная, а ты несовершеннолетний…

– У нас перед планом все равны, – усмехнулся высокий жилистый рабочий.

Ракитова обратилась к курившим с тем же вопросом, что и к рабочему в цехе: как они относятся к работе в выходные дни?

Ответили по-разному.

– Начальство приказывает – мы выполняем…

– Клевая работка. Вкалываешь день, получаешь за три…

А один, пожилой, в кепке, махнул рукой:

– Что там деньги. Не мы для них, а они для нас. – Он поднял над редкой шевелюрой головной убор, почесал макушку. – Отдыхать человеку тоже надо…

– Ты же первый пришел сегодня, Федотыч, – поддел его кто-то. – План, говоришь, выдать надо.

– И пришел, – согласился Федотыч. – Не спорю. Как же не прийти? Щукин разгон такой устроит. Чуть ли не во вредители произведет… А насчет плана я вот что скажу: ежели бы с начала месяца да каждый день все путем двигалось, то и план бы давали, и отдыхали в положенные дни. А то сегодня, видите, как лихорадит. А все потому, что конец полугодия! Завтра, да что завтра, целую неделю прохлаждаться будем, если не больше… Верно я говорю?

Рабочие загалдели.

– Это точно.

– Ты, Федотыч, Самсонову выскажи.

– Зато своей старухе нынче снесешь четвертной.

– Несознательный ты элемент, Федотыч. Никто нас сюда на аркане не тянул.

– Не тянул, – усмехнулся Федотыч. – Это как сказать…

– Не тянул. Вот Лапшин из принципа не явился, и никто ему ни слова не говорит. Так что не наводи тень на плетень.

Федотыч промолчал. За него ответили другие.

– Лапшину не очень-то денежки нужны. Тесть ему полдома отвалил да мотоцикл с коляской.

– Молоток Лапшин, по закону действует…

Ракитова зашла еще в два цеха. Они тоже работали. Пустовало лишь здание конструкторского бюро.

Ольга Павловна решила поговорить с Самсоновым.

В административном корпусе было прохладно и тихо. Кондиционер поддерживал постоянную температуру. Ракитова зашла в приемную. И встретилась с директором лицом к лицу. Он давал какие-то указания секретарю.

– А-а, у нас в гостях закон, – радушно поздоровался с Ракитовой Самсонов. – Знаю, знаю… Проверяете, не прячем ли мы снежного человека?

Эту шутку он повторял не первый раз. Она ему явно нравилась.

– Вообще-то принято сначала к руководству, – пожурил он Ольгу Павловну. – Я ведь могу дать больше информации…

– Вот я и пришла, – несколько сухо ответила Ракитова.

– А теперь я занят, увы, – развел руками Самсонов. – Так что извините…

– У меня есть несколько вопросов, – настаивала Ракитова.

– Честное слово, Ольга Павловна, занят. Давайте завтра, а?

Ракитова растерялась. И не очень уверенно произнесла:

– Лучше сейчас…

Но тут же ругнула себя в душе: нет, с Самсоновым она решительно не умеет выдерживать соответствующий ее положению тон.

– С радостью бы, – усмехнулся Глеб Артемьевич. – Но московские товарищи не могут ведь ждать…

Он протянул ей руку, давая понять, что не изменит своего решения. И, выходя из приемной, добавил:

– Так что завтра… Звоните.

Ольга Павловна, едва сдерживая обиду и возмущение, вышла в пустой тихий коридор. Она поняла, что, делая ей шутливый выговор, Самсонов на самом деле не шутил.

«Ничего, – подумала Ракитова, – в понедельник вернется Захар Петрович и сумеет заставить Самсонова отнестись к нашей работе с должным вниманием. И еще посмотрим, что он скажет о нарушениях, обнаруженных сегодня…»

В проходной Ольга Павловна встретила молодую женщину, которая подвозила ее на автокаре. Она кормила грудью ребенка. Рядом пожилая женщина поправляла в коляске матрасик и простынку. Наверное, мать.

«Значит, и кормящие сегодня работали», – отметила про себя Ракитова. Еще одно нарушение закона о труде.

Субботний день участников конференции был посвящен, как выразился Ляпунов, культурному отдыху. В первой половине – поездка в музей-усадьбу известного русского художника прошлого века, вечером – посещение областного драматического театра. Давали спектакль по пьесе С. Родионова «Криминальный талант». Она была выбрана устроителями конференции, видимо, с умыслом, так как рассказывала о следователе прокуратуры.

Но Захару Петровичу Измайлову было совсем не до отдыха. После разговора с Зарубиным он всю ночь не сомкнул глаз, думая о том, как выпутаться из нелепой, глупой истории, в которую он попал. С утра в его номер забежал лосиноглебский прокурор поделиться впечатлениями о конференции, а заодно пригласить позавтракать в буфете гостиницы. Чтобы не показаться невежливым, Захар Петрович пошел с ним. В буфете наскоро перекусывали те, кто собирался ехать в усадьбу – автобусы уже стояли наготове. А ехали почти все.

За их столик опять подсел Петелин с бутылкой кефира и бутербродами. Он стал расписывать красоты мест, в которые их собирались везти. Это был дежурный маршрут для всех совещаний.

Узнав, что Захар Петрович остается (он сослался на неотложные дела), его стали усиленно уговаривать присоединиться к экскурсантам. Естественно, безуспешно.

– Сердечные дела? – весело подмигнул прокурор из Лосиноглебска.

– Скорее уж сердечно-сосудистые, – мрачно отшутился Измайлов.

А сам подумал: «Действительно, от моих неприятностей можно запросто схлопотать и инфаркт. Наверное, он так и случается. Живешь себе – и вдруг бац!» Захар Петрович тут же постарался отогнать от себя эти невеселые мысли. Он не мог решить для себя: хорошо или плохо, что областной прокурор поручил служебную проверку именно Владимиру Харитоновичу. Помимо служебных отношений у них была еще чисто человеческая симпатия друг к другу. И не потому, что Авдеев поддержал Захара Петровича в первый же год его переезда в Зорянск, когда он вступил в конфликт с тогдашним прокурором. Более того, как много лет спустя узнал Измайлов, Владимир Харитонович явился его «крестным отцом» при назначении на теперешнюю должность. По-настоящему у них завязались приятельские отношения в последние годы, с того дня, как они однажды вместе отдыхали в санатории возле Светлоборска. Авдеев родился под Новосибирском, в таежной деревеньке. И признался, что нет для него ничего милее, чем бродить по лесу. Все шутил: брошу, мол, прокуратуру, пойду в лесники. Помнится, в ответ на это Захар Петрович со смехом сообщил, что он оставил профессию лесника ради юстиции. Авдеев откуда-то узнал, что Измайлов увлекается лесными скульптурами, и, приехав по делам в Зорянск, непременно захотел посмотреть их. Наверное, понравились, потому что он выпросил одну.

Правда, Захар Петрович слышал, что и у Владимира Харитоновича есть хобби – вязание, но спросить об этом Авдеева не решался. И хотя никто и никогда не видел старшего помощника прокурора области по кадрам со спицами в руках, но сам он и его жена всегда носили шерстяные вещи явно ручной работы.

Короче говоря, Авдеев знал Измайлова не только как прокурора. Так что, казалось бы, он должен был подойти ко всей этой истории, в которой ему предстояло разобраться, без всякой предвзятости. А с другой стороны… Когда Захар Петрович бывал в Рдянске с Галиной, не зайти домой к Владимиру Харитоновичу – значило бы обидеть Авдеева и его жену. И каждый приезд в Зорянск Авдеев считал непременным и обязательным побывать у Измайловых. Он хорошо знал Галину и Володю, ту атмосферу, которая царила в их семействе. И вот теперь эта нелепая история… Что подумает Авдеев? Поверит ли?

Измайлов сидел в тихом номере, прикидывал так и этак, несколько раз снимал телефонную трубку и снова опускал на рычаг, никак не решаясь набрать номер Авдеева.

А решение пришло само собой, когда Захар Петрович попытался написать объяснительную записку, которую просил представить Зарубин. Он вдруг понял: наедине с бумагой ничего не получится. Ему нужен был живой человек…

– Владимир Харитонович, – сказал Измайлов после приветствия, – Зарубин уже дал насчет меня указание?

И хотя они были на «ты», Измайлов умышленно опустил местоимение.

– Да, – чуть помедлив, ответил Авдеев. – А что?

– Хотел бы зайти… Можно?

– Добро… Жду.

«Вот и весь, как поется, разговор, – невесело отметил про себя Захар Петрович. – Иди разберись, как настроен сейчас Авдеев…»

Входил Измайлов в кабинет с раздвоенным чувством.

Владимир Харитонович сидел за столом, в очках, над какой-то книгой.

– Проходи, садись. – Авдеев снял очки.

У Захара Петровича несколько отлегло – встретили его на «ты». Но сам он решил обращаться на «вы».

– Почему не поехал на экскурсию? – спросил Владимир Харитонович.

– До поездки ли мне… – Измайлов даже несколько опешил.

– А что? – пытливо посмотрел Авдеев. – Встряхнулся бы…

– Встряхнули уже. Да так, что не приведи господь! Мучаюсь, пишу объяснение и не знаю, что писать…

– Как было, так и пиши, – спокойно посоветовал Владимир Харитонович.

– Я ведь прокурор, понимаю, что каждое слово, каждый факт… – Захар Петрович замолчал, махнул рукой: сами, мол, знаете.

– И я вот сижу и думаю, как тебя, прокурора, занесло в этот дом? Не мальчишка ведь, семейный человек…

– Значит, занесло! – произнес Измайлов, злясь на то, что Авдеев хочет, кажется, учить его морали.

– И здорово обложил тебя утром муж этой Марины Антоновны? – чуть усмехнувшись, спросил Авдеев.

– За милую душу!

– И правильно сделал.

– Как это?! – вскинулся Захар Петрович.

– А так… Хотел бы я посмотреть на тебя в его ситуации. Приходишь домой, а тут – незнакомец…

– Я бы сначала разобрался…

– А потом?

– Это уж судя по обстоятельствам.

– Какие же у тебя? – спросил Владимир Харитонович уже без насмешки. – Чай не к родственнице на праздник пожаловал, не к сестре, чтобы распивать вино и запросто оставаться на ночь!

Измайлов помолчал. Слова Авдеева задели его за живое. Смущал тон. Но он-то и помог найти силы выложить то, что, возможно, не сказал бы Захар Петрович, например, Зарубину.

– А может, была ближе, чем сестра, – проговорил он негромко.

Владимир Харитонович, как говорится, остолбенел. За чем-то надел очки, потом снял и некоторое время не мог вымолвить ни слова.

– Так, так, – наконец обрел он дар речи.

– Вы хотели правду…

– Ну-ну… Так договаривай, – скорее потребовал, чем попросил Авдеев.

– Я же хотел жениться на Марине Антоновне! Мечтал, понимаете?!

– Это когда?.. – осторожно спросил Авдеев.

– Когда… Двадцать пять лет назад!

Владимир Харитонович откинулся на спинку стула и так сидел некоторое время, переваривая услышанное.

– И почему не женился? – спросил он.

Захар Петрович вдруг почувствовал в его словах простую человеческую заинтересованность и желание понять.

– Долго рассказывать…

– У нас время есть.

– Ну что ж, тогда слушайте…

И Захар Петрович рассказал о том парнишке, который приехал в Дубровск учиться на лесничего. Был у того парнишки друг Борька Межерицкий. Когда Измайлов учился на последнем курсе лесного техникума, Борис слег в больницу с воспалением легких, и выхаживала его стройная, молоденькая, симпатичная медсестра. Сначала Захар бегал навещать друга. А когда тот вылечился, продолжал приходить под окна больницы с охапками сирени, чтобы дождаться после дежурства медсестру. И хотя она была старше Измайлова, это его не останавливало: другую он не хотел бы назвать своей женой. Так, во всяком случае, думал Измайлов тогда.

Были объяснения, клятвы, мечты… А осенью он ушел в армию… Посылал в Дубровск одно письмо за другим, но безответно. И когда через год службы получил трехдневный отпуск, поехал не к матери в Краснопрудный, а к невесте…

Но невеста была уже замужем за ученым из Москвы, уехала в другой город. И мать Марины сказала, что пусть Захар не ищет с ней встреч, забудет…

– И все? – выслушав Измайлова, спросил после долгого молчания Авдеев.

Захар Петрович кивнул.

– Позавчера мы встретились с ней впервые с тех пор…

– Ты не спросил, почему же она так с тобой поступила двадцать пять лет назад?

– Нет, не спросил. А зачем? И так ясно – поманила столица, кандидат наук…

– Тоже верно, – согласился Владимир Харитонович. – Послушай, а Галине Еремеевне ты никогда не рассказывал об этой Марине?

– Зачем? – повторил Захар Петрович. – Это было до нее.

– Хорошо, – сказал Авдеев. – Кое-что теперь мне ясно. Но кое-что… Выходит, пословица права, что первая любовь не ржавеет? Так?

– Ржавеет, не ржавеет, – хмуро ответил Измайлов. – При чем здесь это?

– Ну, шевельнулось здесь? – Авдеев положил руку на грудь.

– Что, этот вопрос тоже в порядке служебной проверки? – усмехнулся Измайлов.

– Брось, – поморщился Авдеев. – Мне самому хочется разобраться…

Он встал, прошелся по узкому проходу меж книжных шкафов. И Захар Петрович почувствовал: сейчас спросит самое неприятное.

И действительно.

– Раз уж мы начистоту, – начал Владимир Харитонович. – У тебя с этой женщиной… Ну, сам понимаешь… Ничего не было?

– Когда? – с вызовом уточнил Измайлов.

– Позавчера, когда…

– Конечно, нет…

Авдеев хотел еще что-то сказать или уточнить, но в дверь постучали. Бросив «Войдите», он сел за свой стол.

Это был Петелин, зашел отметить командировочное удостоверение: участники конференции вернулись с экскурсии.

Измайлов думал, что разговор будет продолжен. Но не дали. Люди шли и шли.

А потом Авдеева вызвал Зарубин.

– Ты когда хочешь домой? – спросил Авдеев у Измайлова, торопясь к начальству.

– Когда велите…

– Подожди до понедельника, – посоветовал Авдеев.

* * *

Говоря Ракитовой, что он занят, директор завода не кривил душой. Самсонов спешил в гостиницу, где его ждали москвичи – начальник главка Лев Григорьевич Бархатов и главный инженер главка Альгис Янович Раупс. Они уже три дня были в командировке в Зорянске и завтра намеревались уехать.

Прознав, что начальство Самсонова останется в городе на воскресенье, председатель горисполкома Чибисов решил показать им место, которое отвели под строительство спортивного комплекса, а после, если гости пожелают, отдохнуть на лоне природы. Бархатов руководил главком давно. Был знающий и строгий – многим директорам крепко доставалось от него на совещаниях. А вот Раупс пришел в их министерство с полгода назад, проработав до этого несколько лет за границей. Что он за человек, раскусить пока было трудно.

Глеб Артемьевич направлялся в гостиницу в хорошем настроении: он покидал завод, когда добивали, как говорится, последние метры перед финишем – план «вытанцовывался». О чем он и сообщил своему начальству. Его поздравили. Бархатов сдержанно, Раупс – более эмоционально, хотя и был прибалтом, которые отличаются, как это принято считать, уравновешенностью и скупостью в проявлении чувств.

Сидя в люксе начальника главка и беседуя с москвичами, Глеб Артемьевич все время раздумывал, как передать им предложение председателя горисполкома. Самсонов высказал Чибисову свои сомнения: вряд ли Бархатов согласится «отдохнуть на лоне природы» – если судить по встречам в Москве, тот отличался замкнутостью и суровостью.

Чибисов же сказал: «Попытаемся…»

И вот теперь, выслушивая от Бархатова замечания о работе завода – а они были достаточно резки и откровенны, – Глеб Артемьевич решил: пусть председатель горисполкома пытается сам.

– И еще я вам скажу, – продолжал нелицеприятную беседу начальник главка, – ассортимент по выпуску товаров народного потребления вами не обновляется уже много лет. Вы, наверное, забыли, что говорил по этому поводу на последней коллегии министерства Бармин…

Бармин был заместителем министра.

– Ох уж этот ширпотреб, – вздохнул Самсонов. – Ведь все понимают, кажется, что эти самые кофемолки, которые мы выпускаем, качественнее и в большем количестве делали бы на специализированном предприятии. А для нас – обуза… Кругом твердят: специализация, профилирование, а…

– Ширпотреб – обуза? – недовольно перебил его Бархатов. – Неправильный взгляд. В корне. Негосударственный подход… Конечно, не от хорошей жизни вынуждены мы вас загружать…

– Вот именно, загружать, – не сдавался Самсонов. – А у меня не хватает людей даже для производства основной продукции. В каждом цеху недокомплект.

– Знаю, – кивнул Лев Григорьевич.

– Так помогите! Дайте людей – и я горы сворочу!

– А где я их возьму? – усмехнулся Бархатов. – Выйду на улицу Горького в Москве: «Дорогие граждане, слесари и токари, милости просим в Зорянск, к Самсонову?..»

– Что же мне делать? – спросил Глеб Артемьевич. – Инженеров к станкам ставить?

– Зачем к станкам? – снова усмехнулся Бархатов. – Это все равно что золотой вазой гвозди заколачивать… Инженерные головы, если их с толком использовать, – это и есть ваш резервный фонд. Направить надобно инженеров, нацелить. Я недавно на Урале был. Там тоже кадры на деревьях не растут. А люди думают, ищут… И находят.

– Находят? Где, если не секрет? – осклабился Глеб Артемьевич.

– Снижают трудоемкость изделий. Повышают производительность труда, совершенствуют технологию…

Такой разговор продолжался больше часа. И когда все вопросы были начальством исчерпаны, Глеб Артемьевич сказал им, что председатель горисполкома хочет показать то место, где скоро появятся зорянские Лужники, как в шутку именовал комплекс Чибисов.

– Почему бы не съездить? – вдруг откликнулся Раупс, который во время предыдущей беседы не сказал и двух слов. – А то все впечатления от Зорянска: гостиница – завод, завод – гостиница… Города не видели.

– А что, развеемся, – согласился Лев Григорьевич. – Мне самому гостиница осточертела.

Самсонов набрал номер Чибисова – тот находился в исполкоме и ждал звонка. Председатель тут же приехал в гостиницу.

Сели в его «Волгу». Машина Самсонова следовала сзади.

Стадион решено было строить на окраине города, за Голубым озером. Место красивое – березовая роща, излучина реки Зори. Когда вышли из машины, Алексей Фомич вкратце рассказал, какой задуман проект. Бархатов слушал его рассеянно, казалось, его это мало интересует. Зато Альгис Янович восхищался всем: и озером, где можно проводить лодочные соревнования, и рощицей – для лыжни, и тем, что рядом нет промышленных объектов, а поэтому воздух чистый.

– Я думаю, Олимпиаду девяносто второго года вполне можно приглашать в Зорянск, – пошутил он.

– Если вы еще немного подкинете средств, – со смехом ответил Алексей Фомич, подмигивая Самсонову. – А то как гостей принимать? Рестораны, сауны… Культурный центр…

Снова сели в машину. Чибисов возле шофера. Бархатов, Раупс и Самсонов сзади.

– Ну и жара, – повернулся к гостям Алексей Фомич. – А в гостинице, наверное, совсем дышать нечем…

– Не мешало бы кондиционеры поставить, – согласился Раупс.

– Я считаю, лучший кондиционер – сосновый бор, рядом – озеро с карпами, приятный разговор в мужской компании… – издалека начал Чибисов. – Словом – природа.

– Природа – это хорошо, – откликнулся Раупс.

– Планов на вечер никаких? – спросил Чибисов.

– Планы будут завтра, когда сядем в поезд, – сказал Раупс.

– Ну и добро, – обрадовался Чибисов. – Поедем отдохнем. Не возражаете? – обратился он к Бархатову.

Тот вяло махнул рукой, мол, ему все равно.

– В Селиваны, – приказал шоферу председатель горисполкома.

«Ловко подвел», – подумал про себя Самсонов.

Честно говоря, он не ожидал, что Лев Григорьевич согласится, и заранее радовался этому: в горячке последних дней приезжал поздно, так что хотел провести сегодняшний вечер дома с женой, которая жаловалась, что совершенно не видит мужа.

«Ну что ж, встряхнуться тоже не мешает», – решил он.

До селиванского леспромхоза было километров шестьдесят. Там и отличный лес, и озеро с карпами – все, что нужно для приема гостей такого ранга. Этим летом Самсонов там еще не был – запарка на заводе.

Машина выскочила на загородное шоссе.

– Давайте договоримся: все дела оставляем, как говорится, за бортом… – предложил Алексей Фомич.

– Какие дела, – сказал Бархатов. – О сыне думаю… Наперекор, наверное, чертенок сделает…

– Они теперь все такие, – кивнул согласно Чибисов. – А в чем у вас разногласия? – осторожно поинтересовался он.

– Говорю ему, подавай документы в инженерный вуз – ни в какую. Только в медицинский.

– А что, медицинский тоже не плохо, – заметил Чибисов.

– И престижно, – подтвердил Раупс.

– Он уже срезался в прошлом году, – сказал Бархатов.

– Как?! – поразился Чибисов. – И вы не смогли ничего сделать?

– Конкурс… – пожал плечами Лев Григорьевич. – А медицина, как вы догадываетесь, далеко за пределами сферы моего влияния…

– Ну, с вашим-то положением… – продолжал удивляться Чибисов.

– Мое положение… – усмехнулся Бархатов. – Это Москва, дорогой Алексей Фомич.

– Дети, дети… – вздохнул Чибисов. – Маленькие – малые заботы, вырастают – большие заботы. Только для них и живем. Трудишься в поте лица, думаешь, на пенсии отдохнешь. Ан нет. Внуки пойдут, о них забота…

– Еще неизвестно, где труднее – на производстве или дома, – сказал Самсонов. – У меня в прошлом году ушла на пенсию главный диспетчер. Встречаю на днях, интересуюсь, как отдыхается. И не спрашивайте, говорит, Глеб Артемьевич, света белого не вижу, на части разрываюсь. Как-никак пять внуков…

– Вот поэтому многие и не хотят на пенсию, – заметил Алексей Фомич.

– Не только, – сказал Бархатов. – Я вот смотрю на соседей-пенсионеров, и иной раз тоска берет: неужели и тебе это уготовано?

Так в разговорах незаметно пролетели шестьдесят километров.

В Селиванах их уже ждали. Когда машины остановились возле группы домиков на берегу озера, окруженного вековыми соснами, к ним подскочил парень лет двадцати пяти.

– Ну, Гена, принимай гостей! – начальственно произнес Чибисов, выбираясь из машины.

– А что, Алексей Фомич, – почтительно ответил тот, – у нас все готово… Какой будет регламент?

– Сейчас посоветуемся.

Председатель горисполкома подождал, пока остальные выйдут из «Волги» и разомнут после долгого сидения ноги. Затем обратился к Бархатову:

– Лев Григорьевич, сначала немного перекусим, а потом попаримся или?..

Бархатов удивленно поднял брови:

– Кто же ставит телегу впереди лошади?

– Верно, – повеселел отчего-то Алексей Фомич. – Банька – всему голова… Что больше уважаете – сауну или нашу, русскую?

– Можем и ту, и другую, – подсказал Гена.

– Ну ее, сауну, к шутам, – махнул рукой Бархатов. – Я патриот. Правда, если Альгис Янович как прибалт… Скандинав, можно сказать…

– Я – против сауны, – засмеялся Раупс. – И знаете почему? В Мюнхене сауна, в Париже – сауна, в Москве – сауна… Надоело…

…В предбаннике, покрытом толстым пушистым ковром, пахло распаренным деревом. Когда все разделись, выяснилось, что Раупс уже успел где-то сильно загореть. У Бархатова был заметный живот, а сам он, с круглыми плечами и руками, покрытыми рыжими кудряшками, походил на борца или тяжеловеса. У Чибисова была тощая нескладная фигура, а кожа изрядно дряблая. Самсонов сумел сохранить подтянутость и атлетическую стройность.

– Культуризмом занимаетесь? – спросил Раупс.

– Так он у нас иной раз выходит с заводской футбольной командой на поле! – ответил за Самсонова Чибисов.

– А как же директорский авторитет? – усмехнулся Альгис Янович.

– Повышается, если команда выиграет, – улыбнулся Алексей Фомич. – Болельщики готовы на руках носить…

В парной чудодействовал банщик дядя Петя, как представил его Чибисов. Лет пятидесяти пяти, жилистый, он прежде всего развеял пар, методично размахивая березовым веником, начав от пола и беря все выше и выше.

– Баня любит равномерный жар, – пояснил он, когда Раупс поинтересовался, что такое делает банщик.

Затем все полезли на полок. Дядя Петя поддал шайку воды в печь. Помещение наполнилось ароматом послегрозового луга. Альгис Янович, у которого был до всего интерес, спросил, не секрет ли, от чего такой запах.

– Отчего же секрет, – ответил банщик, охаживая березовым веником Бархатова. – Кладешь в воду липовый цвет, ромашку, душицу, мяту… Ежели хочешь, чтобы особый дух был, медку пчелиного не пожалей…

Банщик был словоохотливый. Обрабатывая гостей одного за другим, попутно рассказывал о премудростях банного дела, о том, что мыло лучше не тереть на мочалку, а взбить отдельно пену; что вода, где замачивается веник, – наипервейшая штука для мытья головы, а чрезмерно поливать камни из шайки негоже: печь, как он выразился, «запурхивается и не может быстро прийти в себя».

Перейдя к массажу, дядя Петя прочел прямо-таки небольшую лекцию, достойную врача. Руки, по его словам, надо массировать от кистей до локтя – кровь, значит, поднимать. И ноги так же – от стопы вверх…

– Гаврилыч, – спросил Бархатов, когда банщик уверенно управлялся с его тучным телом, – ты, случайно, в Москве в Сандунах не бывал?

– А как же, бывал… Учился, можно сказать…

– Сразу почувствовал! Школа. Митина не знавал? Любимец «Спартака».

– Василия Семеныча! – с благоговением произнес банщик. – Ежели у меня, к примеру, какой-то разряд по этому делу, то Митин, считай, гроссмейстер среди банщиков был…

И они добрых полчаса вспоминали Василия Семеновича, его золотые руки.

После парной все ныряли в озеро, кроме Чибисова, который боялся разбередить свой радикулит. А затем были препровождены Геной в один из домиков, где ждал накрытый стол

с закусками. Подавала им пожилая неразговорчивая женщина, как выяснилось – жена дяди Пети.

Когда закусили, жена банщика вошла в комнату с блюдом, на котором веером были разложены шампуры с кусками жареного, исходящего паром мяса.

– О! – воскликнул Альгис Янович. – Еще одно чудо!

– Как вы смотрите, дорогие москвичи, чтобы перейти на коньячок? – спросил довольный Чибисов, берясь за бутылку с золотистой жидкостью. – К шашлычку? Тем более – армянский, марочный, ереванского разлива…

Никто, естественно, не отказался. Подняли рюмки за здоровье гостей, потом пили за хозяев, за будущее Зорянска, за мага и волшебника парилки дядю Петю… За столом вконец установилась непринужденная, веселая атмосфера. Все перешли на «ты».

– Ей-богу, Глеб Артемьевич, к таким, как ты, приятно приезжать, – говорил Бархатов, блаженно откинувшись на спинку стула. – План у тебя в порядке, жилье строишь, о культуре заботишься…

– Мало строю, – поскромничал Самсонов. – Надо куда больше.

– Поможем, – кивнул Лев Григорьевич. – Кому-кому, а тебе фондов не пожалеем. И средств…

– С транспортом тоже худо, – продолжал директор завода.

– Пришли заявку. Найдем. Из резерва. Лично Бармина попрошу.

– Точно, – вступил в разговор Раупс. – Бармину доложим… Не много у нас таких руководителей… И у начальства на виду, и рабочий коллектив уважает тебя. А то, что в футбол играешь, мне, например, нравится… Знаешь, Глеб Артемьевич, некоторые ведь думают, мол, футбол – это чуть ли не детская забава, игра, одним словом… А я считаю, что футбол – это политика! Да! Большая политика! Ты себе даже представить не можешь, что будет твориться 13 сентября 1998 года.

Самсонов начал лихорадочно вспоминать, какой юбилей ожидается в 1998 году, но в это самое время ему на выручку пришел Чибисов. Перегнувшись через стол с наполненной рюмкой в руке, он спросил:

– Лев Григорьевич, ты уж, дорогой, извини нас, периферийщиков, но я, ей-богу, не знаю, что планируется на 13 сентября, мне никто не докладывал, да и установки, кажется, не поступало…

– Ха-ха-ха, – рассмеялся довольный Бархатов. – Привык ты, председатель, к стереотипу: 1 Мая, 8 Марта… А 13 сентября 1998 года будет день необычный, если хотите – день всенародного ликования, и в Зорянске тоже, уверяю вас, дорогие друзья…

Раупс умиленно смотрел на Бархатова и не узнавал своего начальника.

Тут встал Бархатов и торжественно провозгласил:

– 13 сентября 1998 года, дорогие други мои, исполнится ровно 100 лет со дня рождения нашего русского, отечественного футбола! В этот день в Петербурге, на Васильевском острове, состоялся первый матч между двумя первыми в стране футбольными клубами – Кружком любителей спорта, созданным, к вашему сведению, в 1897 году, и Петербургским кружком спортсменов, созданным в 1898 году. Вот почему сегодня, сейчас я предлагаю всем выпить за 13 сентября 1998 года, за вековой юбилей нашего любимого футбола!

Судя по бурной реакции участников застолья, тост произвел на них сильное впечатление. Раупс, желая продолжить любимую для начальника тему, стал расспрашивать его об истории «Спартака», об отдельных игроках этой команды…

Бархатов охотно и многословно отвечал. Потом разговор о футболе приобрел международный масштаб. Но и здесь начальник главка проявил свою компетентность и эрудицию. Оказывается, официальной датой рождения современного мирового футбола принято считать 26 октября 1863 года, когда в Лондоне была создана Английская ассоциация футбола и сформи-

ровано 13 пунктов правил, которые в основном сохранились и поныне… Говорили о Пеле, об игре в Испании…

А когда Бархатов почувствовал, что интерес к его рассказам стал угасать, он решил круто повернуть тему разговора.

– Друзья, отдельно за Глеба Артемьевича и Алексея Фомича мы пили? Пили, – поднял он рюмку. – Сейчас предлагаю тост за их тандем! Это же здорово, когда мэр и директор – как единое целое!

– А как же иначе, – сказал Чибисов, когда все опрокинули свои рюмки. – Что хорошо заводу, то хорошо и городу. И наоборот. К примеру, этот наш будущий стадион… Ведь не только заводским польза. И другие наши жители смогут приобщиться к спорту. Дерзай, как говорится, пробуй! Выше всех и дальше всех!..

У Алексея Фомича случалась странная штука – он то хмелел, то трезвел.

– Правда, – вдруг грустно произнес он, явно хмелея, – хотелось бы, чтоб уж делать так делать… Нет, вы не подумайте, мы благодарны… дареному коню, как говорится…

Чибисов замолчал.

– Постой, Алексей Фомич, ты уж давай выкладывай все, – сказал Бархатов. – Есть просьбы – прошу на стол.

– Есть, – кивнул председатель горисполкома. – Вот мы сегодня славно попарились… А зачем, спрашивается, надо было ехать за семь верст киселя хлебать? Нет, чтобы у себя, на Голубом озере, отгрохать такой стадион, такой…

– Чтобы матч, посвященный столетию отечественного футбола, проходил где?.. – обратился Самсонов к Бархатову.

– Понял, понял. Идея! Что, не хватает денег?

– Их всегда не хватает, – философски заметил Чибисов.

– Можно подкинуть, – сказал Лев Григорьевич. – Только делать все надо с умом. Пусть инициатива исходит снизу, от горсовета.

– Это мы сочиним, – заверил Чибисов.

Утром, когда возвращались в Зорянск, гости не переставали хвалить Самсонова и Чибисова за прекрасно проведенное время. А вечером, когда провожали Бархатова и Раупса на поезд, в багажнике самсоновской «Волги» лежали предназначенные для гостей две цветастые коробки с «сувенирами».

В понедельник Авдеева вызвал к себе заместитель прокурора области Первенцев.

– С Измайловым беседовали? – спросил он.

– Беседовал.

– Факты, что в жалобе, подтвердились?

– Да как вам сказать… – ответил Владимир Харитонович.

И передал разговор с зорянским прокурором, состоявшийся в субботу.

– Ну и что? – спросил Первенцев. – Главное Измайлов не отрицал, так? Пошел к посторонней женщине? Пошел. Выпивал с ней? Выпивал.

– Два бокала шампанского, – заметил Авдеев.

– Да еще остался на ночь в отсутствие мужа, – пропустив мимо ушей замечание Авдеева, закончил заместитель прокурора.

– Элем Борисович, почему посторонняя? Измайлов же объяснил: когда-то она была его первая любовь. А это чувство, можно сказать, святое… Ну откуда ему было знать, как все обернется, как истолкует муж. Ведь там оставался еще один гость, да исчез под утро…

– Должен был подумать о последствиях, – раздраженно сказал Первенцев. – Мы не можем никому позволить пятнать нашу с вами форму. Призываем к соблюдению нравственности, порядочности, и если сами будем нарушать…

– Но ведь надо разобраться, – не удержался Авдеев. – А если тут недоразумение?

– Ничего себе недоразумение, – покачал головой зампрокурора.

– А почему бы и нет, – убеждал Первенцева Владимир Харитонович. Допустим, этот Белоус не ведал, что его жена и Измайлов знакомы еще с Дубровска… Вот сгоряча и бахнул жалобу. И мы погорячимся. Белоус, может, сослепу, по глупости, но мы-то должны сейчас подумать…

– Сейчас, говоришь? А я уверен, товарищ Авдеев, что нам нужно было раньше подумать… Когда назначали Измайлова прокурором. Вот тогда действительно следовало подумать: можем ли ему доверять такой пост? Кстати, что известно о его прошлом?

– Оно не богато приключениями.

– И все же? Хотелось бы услышать о нем поподробнее… Или вы не готовы?

– Почему же, – пожал плечами Владимир Харитонович. – Я знаю жизнь Измайлова не только по бумагам. Родился он в селе Краснопрудном. Отец одним из первых вступил в колхоз. Но в начале тридцатых годов по ложному доносу был обвинен в кулачестве. Хотя какие они были кулаки? В хозяйстве имелась одна корова да лошадь, которую Измайловым выделил сельский Совет. Он сумел отстоять свою правоту, но сколько это стоило сил и здоровья!

– Простите, Владимир Харитонович, – перебил его Первенцев, – если так было с отцом, то у сына могла затаиться обида, возникнуть определенный комплекс… Как вы полагаете?

– Я считаю, что от этой обиды с детства в душу Захара Петровича если что и запало, то это ненависть к несправедливости. Или у вас есть другие сведения?

– Продолжайте, – не ответив на вопрос, сказал зампрокурора области.

– Потом отец работал лесником. В первые дни Отечественной войны ушел на фронт и вскоре погиб, как многие из их села. Так что в дальнейшем Захара Петровича мать растила одна. И хотя учеба в школе Захару давалась легко, когда осталась за плечами семилетка, встал вопрос, что делать дальше.

В том, первом выборе сыграла, наверное, свою роль память об отце…

В Дубровске, их районном центре, был лесной техникум, куда и поступил Измайлов. Наверное, радовался, что наконец-то матери станет легче. В техникуме платили стипендию и дали место в общежитии. Но мать все равно помогала: чаще продуктами, реже деньгами.

– Извините, Владимир Харитонович, но откуда вам известны такие подробности?

– Как откуда? Мамаша Захара Петровича рассказывала.

– Вы уже успели с ней поговорить? Оперативно… Но насколько это объективно? – многозначительно постучал Первенцев ручкой по столу.

– Настолько, насколько позволяют память и чувства матери, с которой, кстати, я давно знаком, и обо всем этом она мне рассказывала лет пять назад, если не больше… Да и сам Захар Петрович рассказывал, как в студенческие годы приходилось с ребятами по ночам разгружать вагоны. Тяжесть тугих мешков с сахаром, многопудовых бревен, пыль антрацита он, видимо, не забудет никогда.

Поработать лесником Измайлов не успел – летом получил диплом, а осенью его призвали в армию. Перед самым окончанием службы в их часть приехал окружной прокурор и прочел лекцию о профессии юриста, о юридическом факультете. Это и решило судьбу Измайлова.

Пролетели годы учебы в Москве. Затем – направление на следственную работу в суровый, но красивый край – Коми АССР. Там, в Сыктывкаре, он и женился.

Через три года его назначили следователем в Дубровскую райпрокуратуру.

В Дубровске Захар Петрович проработал следователем до самого переезда в Зорянск, куда был переведен помощником прокурора города. Думал, мать поедет с ним, но она отказалась. «Что мне в Зорянске делать? – сказала она. – Со старухами на скамейке языком чесать? Да и порядки в городе другие. Сосед соседу здрасте не скажет. А тут, в Краснопрудном, вся моя жизнь осталась. В колхозе уважение. И заработок теперь хороший…»

Короче, уговоры оказались бесполезными. Мать осталась в Краснопрудном. А он с женой и сыном спокойно жил в Зорянске.

– Хорошо, допустим. А как насчет взысканий у Измайлова по служебной или партийной линии?

– По партийной чисто, а вот от прокурора области выговор был, один…

– Когда, за что? – допытывался Первенцев.

– Три года назад за необоснованный арест, – ответил Авдеев и, закрыв на столе личное дело Измайлова, взял его в руку, давая понять, что доклад окончен.

Но Первенцев попросил его конкретизировать вину Измайлова.

– Будучи уже прокурором города, он дал санкцию на арест одного спекулянта, который купил «жигули» за шесть тысяч, а продал за десять. Областной суд вынес оправдательный приговор, считая недоказанным умысел на спекуляцию, хотя я лично с такой судебной практикой не согласен…

– У меня такое ощущение, что вы хотите выгородить Измайлова из этой истории с дамочкой…

– Да не только о нем я думаю. Если хотите, и об этой Белоус. Ее репутация тоже пострадает, если брать круто… Хочу разобраться спокойно, по-человечески…

– Не получается спокойно, – перебил Первенцев. – Знаете, что уже говорят? Смеются над нами. В приказе отметили, часы именные дали, а он? Приехал и сразу завалился к любовнице, замужней женщине.

В кабинете воцарилось неловкое молчание.

– Элем Борисович, если вы считаете меня не объективным, поручите это дело другому, – сказал Авдеев угрюмо.

– Вы получили задание от Степана Герасимовича – выполняйте его, – сухо сказал Первенцев.

«А сам, будь его воля, передал бы другому», – невесело подумал Авдеев.

– Просто я хочу вам напомнить, – продолжал зампрокурора, – что с нас, прокуроров, спрашивается за такие поступки совсем по другой мерке, чем с других… Помните изречение древних: «Врачу, исцелися сам!..»

«Неужели я действительно миндальничаю? – размышлял уже у себя в кабинете после разговора с начальством Владимир Харитонович. – А может быть, Элем Борисович прав: с нас действительно спрос в отношении морали особый. И до конца ли мне открылся Измайлов? Что-то он недоговаривает… Но я-то сам стараюсь объективно подойти ко всему этому?»

У Авдеева было даже поползновение пойти к Зарубину и попросить освободить его от проверки. Но он тут же отказался от этой мысли: еще подумают, что он хочет спрятаться в кусты…

Владимир Харитонович набрал номер телефона медицинского училища, где, по словам Измайлова, работала Марина Антоновна Белоус. Авдеев решил пригласить ее и мужа для беседы. У него все еще теплилась надежда, что супруги образумятся и поймут. Каких только недоразумений не бывает в жизни.

Но комендант общежития училища Белоус Марина Антоновна в пятницу подала заявление об отпуске за свой счет, и просьба ее была удовлетворена…

– А какую указала причину? – спросил Владимир Харитонович.

– По семейным обстоятельствам, – ответили ему. – В субботу Марина Антоновна срочно вылетела к дочери.

Авдеев позвонил на станцию скорой помощи, где Федор Михайлович Белоус работал шофером. Но выяснилось, что у него выходной день. Помпрокурора взял номер его домашнего телефона.

Белоус был дома. Авдеев представился и попросил, если у него есть время, зайти в прокуратуру.

– Могу зайти, – ответил шофер спокойно.

Он появился в кабинете помпрокурора через полчаса. Лет пятидесяти, сухощавый, с глубокими морщинами на лбу, темнолицый, с серыми внимательными глазами. Одет Белоус был в добротный, несколько старомодный костюм. Верхняя пуговица белой рубашки была расстегнута.

Когда он сел напротив Авдеева и положил руки на колени, Владимир Харитонович обратил внимание на его короткопалые кисти. Такие обычно бывают у шоферов – с навсегда въевшимся в поры машинным маслом. И еще одна деталь: на правой руке между большим и указательным пальцами татуировка – маленькое, пронзенное стрелой сердечко.

– Вот, хочу с вами поговорить по поводу вашей жалобы, товарищ Белоус, – начал Владимир Харитонович.

– А что об этом говорить, – пожал плечами шофер. – Уже все сказано. Вашим прокурором из Зорянска. Лучше, по-моему, не скажешь…

– Вы давно женаты, Федор Михайлович? – решил изменить тактику Авдеев, потому что по существу, видимо, сразу говорить не следовало.

– Товарищ начальник, а это, по-моему, без разницы… Год, десять, что вам от этого?

Владимир Харитонович несколько смешался: Белоус явно не был расположен к доверительной беседе. Авдеев чувствовал, что он очень зол. Той тихой злобой, которая бывает страшна и непреодолима.

– А по-моему, разница есть… Когда человека знаешь много лет, то, наверное, веришь ему… Во всяком случае, понимаешь.

– Баба может и через двадцать лет замужества сделать подлянку. Такая у них порода паскудная… Марина у меня вторая жена… Хватит, с первой хлебанул. Одну треть в каждую получку отрывает. А моих ли кормлю – еще бабушка надвое сказала… Насчет веры – своим глазам я верю, и баста. И пусть тысячу раз скажут – мне пустой звук…

– Жена ваша действительно к больной дочери улетела? – спросил Авдеев.

– Мне теперь до фени – хоть в Африку. Буду я свою нервную систему тратить. Пососали из меня денег – хватит.

– Хорошо, товарищ Белоус. У меня к вам такой вопрос. – Владимир Харитонович решил напрямую. – А может, это недоразумение? Вижу, вы озлоблены, но подумайте: не показалось ли вам? Сгоряча что не померещится…

Глаза у Белоуса сузились, на скулах заходили желваки. Но он сдержался.

– Э, нет, товарищ начальник. Чувствую, куда гнете. Да ничего не получится у вас. За дурака себя держать никому не дам. – Он резко встал. – Хотите, чтобы я отходную дал? Забрал назад заявление? Своего оберегаете? Лопуха какого можете уговаривать, а меня – не советую. Не лыком шит. И еще более скажу: спустите вашему Измайлову, я насчет него такое сообщу…

Когда он ушел, Авдеев долго сидел, думал.

«А может быть, он прав?» – размышлял Авдеев.

После обеденного перерыва к помощнику прокурора области зашел Измайлов.

– Скажите, Захар Петрович, – спросил у него Авдеев. – Только прямо… Было у вас что-нибудь с Мариной Белоус в ту самую пятницу?

Захар Петрович мрачно ответил:

– Мы, кажется, выяснили это в прошлый раз…

Утром во вторник Измайлов выехал в Зорянск. Скорый поезд мчался как угорелый, пролетая маленькие станции, переезды, мосты. Захар Петрович почти все время простоял в коридоре.

Больше всего его угнетала неизвестность. Вчера, когда у него состоялся последний разговор с Авдеевым, Владимир Харитонович как-то неуверенно сказал ему: «Езжайте, исполняйте свои обязанности». Держался начальник отдела кадров официально, обращался только на «вы». И на прощание добавил: «Если вы нам понадобитесь, позвоню».

Еще тогда Измайлов подумал, сколько раз он сам произносил эту фразу. Она казалась обычной, а вот теперь прозвучала настораживающе…

Припомнилась Захару Петровичу и такая деталь. В отделе общего надзора облпрокуратуры кто-то обронил фразу, что ему, Измайлову, нашли, кажется, заместителя, без которого он работал уже почти год. Прежний был избран народным судьей.

Выходит, срочно ищут замену? Возможно, будь у него зам, ехал бы теперь домой разжалованный. Прикинув так и этак, Измайлов подумал: если бы вопрос стоял именно так, что мешало руководству назначить Ракитову временно исполняющей обязанности городского прокурора?

«Нет, – решил Измайлов. – Ольга Павловна слишком молода. Опыта не хватает. В этом, наверное, все дело. Вот почему срочно стали искать зама».

В Зорянск Захар Петрович прибыл в девятом часу. На автобус не сел, а пошел домой пешком. В душе нарастала тревога: как вести себя с женой? Рассказать или нет? И то, и другое сделать было трудно. За их долгую совместную жизнь, если он и пытался что-то скрыть, пусть даже мелкие служебные неприятности, Галя это чувствовала сразу, так что он не мог не открыться.

Но, с другой стороны, каково будет узнать Гале, что облпрокуратура проверяет заявление Белоуса…

О том, что жена будет страдать, он знал. Галина ревновала его, особенно в первые годы их жизни. Однажды дело дошло чуть ли не до развода…

«Нет, – принял окончательное решение Измайлов. – Пока говорить Гале ничего не буду. Может, рассосется, а я заставлю ее переживать».

Открывая дверь своей квартиры, Захар Петрович внутренне собрался и вошел с делано счастливой, но несколько усталой миной на лице.

– Привет! – крикнул Володя из кухни.

– Здорово! – как можно бодрее ответил отец. – Один?

– С Курлыкой.

Журавль сидел посреди кухни, долбя клювом по линолеуму, на котором Володя разбросал кусочки хлеба.

– Выздоравливает? – спросил Захар Петрович, садясь на стул.

– Приходил дедушка Айболит. Через недельку можно ставить протез.

Айболитом они звали ветеринара, которому на самом деле было всего лет двадцать пять.

– А где мама?

– В школе.

– Ну да… – Захар Петрович посмотрел на часы; вопрос был глупый: в это время жена всегда находилась в школе.

– Именные? – улыбнулся Володя, имея в виду часы.

– Не видишь, старые…

– А я думал, уже фасонишь…

– Откуда знаете?

– Инга Казимировна звонила. Поздравляла маму… Золотые, наверное?

– Деревянные, – отшутился Захар Петрович.

– Покажи, а? – попросил сын.

Отец достал из чемоданчика синюю коробочку. Володя вынул часы и с выражением прочел на задней крышке:

– «Прокурору З.П. Измайлову…» – И вдруг рассмеялся: – Представляешь, если какой-нибудь вор срежет? Вернет со страху.

– Ну и мысли у тебя, – покачал головой Захар Петрович.

– Ничего себе часики, – примерил на руку часы Володя. И, возвращая отцу, сказал: – Только почему часы? Их в любом магазине купить можно… Именное оружие – это я понимаю! Как в революцию! Показал бы ребятам – ахнули бы!..

Болтая с сыном, Захар Петрович чувствовал, как с души стекает, уходит тяжесть.

– Знаешь, ты сообрази мне чего-нибудь поесть, – попросил он. – А то мне надо привести себя в порядок и на работу…

– Это пожалуйста. Мать тут наготовила для тебя. Ждали еще вчера…

Измайлов позвонил Веронике Савельевне и попросил прислать Мая. Затем полез под душ, словно желая смыть с себя все рдянские неприятности.

За завтраком Курлыка просил подачки и старался на лету поймать кусочки. Володя сообщил, что в субботу и воскресенье они с матерью были в Матрешках – отвез дядя Боря – и брали с собой журавля. Деревья все окучили и полили, хотя в четверг и прошел хороший ливень.

«Забота о саде – подарок мне, – подумал Захар Петрович. – А я какой приготовил им?..»

Но он тут же еще раз дал себе слово не думать о происшествии с Мариной, вспомнив пословицу: бог не выдаст – свинья не съест. А если уже выдал, что теперь поделаешь…

…Возле дома на стоянке красовался вымытый, надраенный «москвич». Май тоже сиял. И не смог удержаться, чтобы не поздравить шефа с именными часами.

– А знаете, Захар Петрович, – сказал шофер, ведя машину по улицам Зорянска, – во Франции поймали одного вора. По отпечаткам пальцев…

– И что же в этом удивительного? – спросил Захар Петрович.

– А в том, что ворюгой оказалась обезьяна, которую люди научили чистить квартиры. Представляю, какая морока была для полиции – отпечатки пальцев есть, а домушника схватить не могут…

– Как же все-таки вышли на обезьяну?

Май почесал затылок:

– А вот про это не было написано…

– Жаль, – усмехнулся Измайлов. – Как раз самое интересное…

…Первое, что бросилось в глаза Измайлову, когда он зашел в прокуратуру, – это пышный букет цветов на столе у Вероники Савельевны. Да и сама секретарь выглядела празднично в своем светлом платье из искусственного шелка. Она тоже поздравила Захара Петровича. Как и Ракитова, к которой прокурор зашел сам.

– На машиностроительном были? – спросил у Ольги Павловны Измайлов.

– Была.

Помощник прокурора рассказала о посещении завода и о том, что Самсонов отказался ее принять.

– Элементарная невежливость! – возмущалась Ракитова.

– Да нет, скорее тактика, – сказал прокурор. – Но меня удивляет другое… Неужели все, что мы указали в нашем прошлогоднем представлении, снова повторяется?

– Похоже… Я думаю, что нарушений даже еще больше.

– Да? – вскинул на нее изумленные глаза Захар Петрович. – Ну что ж, придется, наверное, снова провести проверку на заводе. И тщательную. Пожалуйста, займитесь, Ольга Павловна.

– Хорошо, Захар Петрович…

– Я вот еще о чем хотел спросить. Насчет Будякова, ну, мальчика, который сбежал из дома, есть о нем известия?

– Пока нет. Милиция занимается. Я слежу…

От Ракитовой Измайлов пошел к Глаголеву. После приветствия поинтересовался, что нового в деле Зубцова.

– Послал запрос в Торговую палату и Министерство внешней торговли. Пусть сообщат, в какой стране производились или куплены товары, что найдены в чемодане.

– Это вы правильно сделали, – одобрил Захар Петрович. – А в отношении аварии?

– Милиция работает. Пытаются выяснить, что делал Зубцов накануне автокатастрофы: с кем встречался, куда и с кем ездил…

– Есть какая-нибудь зацепка?

– Увы, – развел руками следователь. – Пока ничего… Мать Зубцова говорит, что вечером у ее сына кто-то был. Потом Зубцов сел в машину и уехал…

– А что, она не видела гостя?

– В том-то и дело, что нет. У сына отдельный вход.

– Мужчина или женщина?

– Толком от нее ничего не добьешься. Совсем глухая старуха. Слышала только, как музыку крутили…

– А что говорят о том вечере соседи?

– У Зубцовых двор – что крепость. Забор высоченный, злая собака…

– Не видели, с кем тогда уехал радиомастер?

– Нет, Захар Петрович, не видели.

– Да, недалеко вы продвинулись по этому делу, – сказал Измайлов. И посоветовал: – Попробуйте пройтись по связям Зубцова. Понимаете, Евгений Родионович, мы должны точно знать, как же случилась авария. Чтобы идти дальше.

– Я все отлично понимаю. – Следователь выдвинул ящик стола, вынул какую-то бумажку и повторил: – Очень хорошо понимаю, Захар Петрович…

Измайлов почувствовал: Евгений Родионович чего-то недоговаривает. И спросил:

– У вас есть ко мне вопросы?

– Есть… – не очень уверенно ответил Глаголев. – Но это не касается дел… Вернее, касается, но совсем с другой стороны… – Он замолчал.

– Ну, говорите, говорите, – подбодрил его прокурор.

– Вот, получил наконец, – протянул он Измайлову бумажку. – Два года мама добивалась… Это было очень сложно.

На бланке Московского научно-исследовательского института глазных болезней имени Гельмгольца сообщалось, что Глаголеву предоставляется место для стационарного лечения.

– Вы не подумайте, Захар Петрович, – начал было оправдываться следователь. – Но если я сейчас не поеду…

– Нет-нет, – перебил его Измайлов. – Такую возможность нельзя упускать ни в коем случае.

Захар Петрович перед отъездом в Рдянск узнавал в их поликлинике, втайне, конечно, от Евгения Родионовича, – как у него со зрением. Ответ был малоутешительным. Травматическая катаракта, причем в прогрессирующей форме. И когда Измайлов спросил у Межерицкого, что это такое, тот ответил: «Дело дрянь. Обычно кончается полным помутнением хрусталика, то есть того, чем мы видим. Затем – операция. Но и она не обязательно помогает…»

– Езжайте, Евгений Родионович.

– А дела? – обрадованно и в то же время озабоченно спросил Глаголев.

– Передадим другому следователю. – Захар Петрович ободряюще улыбнулся: – Не думайте об этом. Думайте о том, чтобы вас поскорее вылечили…

Прокурор пошел к себе, заглянув по пути в кабинет Гранской. Инги Казимировны не было. Он сказал Веронике Савельевне, чтобы Гранская зашла к нему, как только появится.

За время отсутствия Захара Петровича в Рдянске накопилась масса дел, и он ушел в них с головой.

Гранская зашла после обеда. Как всегда – в форме. Нужно признаться, ей она была весьма к лицу. Насколько помнил Измайлов, в Зорянске он не видел Ингу Казимировну в другом платье. И немало удивился, когда, идя как-то по московской улице, был окликнут интересной незнакомой женщиной в белом брючном костюме, с распущенными по плечам волосами цвета червонного золота и в темных очках, закрывающих пол-лица. Только по голосу – низкому, хриплому контральто – узнал своего следователя.

Гранская была красива, хорошо сложена. Кто-то в шутку назвал ее первой леди зорянской прокуратуры. Ей было за сорок, но ее лет ей не дал бы никто. Удивительно, как она находила время и силы следить за собой: работа следователя (а Инга Казимировна отдала ей почти два десятка лет) тяжела для мужчины, не говоря уже о женщине.

Семейная жизнь у Гранской не сложилась. Как и почему, Захар Петрович не знал, а Инга Казимировна никогда об этом не говорила. С мужем, с которым они поженились еще на студенческой скамье (кто он был и чем занимался, прокурору тоже не было известно), прожила чуть больше года. И своего сына Юру воспитывала одна. Он производил странное впечатление: близорукий, молчаливый, однако имел атлетическую внешность, хотя спортом вроде и не занимался.

Жена Захара Петровича говорила, что почти все девчонки-старшеклассницы были влюблены в сына Гранской, но он не дружил ни с одной. Его так и прозвали – Печорин. Всегда был один, всегда в стороне. По словам же Инги Казимировны, он весельчак и острослов.

Размышляя об этом расхождении, Измайлов пришел к выводу, что Юра, наверное, вел себя по-разному на людях и дома и его открытость распространялась только на мать. А жили они душа в душу. Если Инга Казимировна задерживалась на работе, непременно звонила домой, предупреждала, причем обязательно ставила сына в известность, когда вернется, через полчаса, час, полтора.

После школы Юрий поступал в МГУ, но не прошел по конкурсу и был призван в армию. Инга Казимировна говорила, что это, возможно, и к лучшему: станет настоящим мужчиной.

И действительно, когда Юрий, демобилизовавшись прошлой осенью, зашел в прокуратуру, Захар Петрович узнал его с трудом. Юра отпустил усы, еще шире раздался в плечах, и в его манерах появилась какая-то взрослость, уверенность. Не пробыв в Зорянске и месяца, он уехал в Москву, чтобы готовиться к новому штурму университета.

Инга Казимировна собиралась в отпуск, наверное, чтобы побыть с сыном. И вот теперь Захару Петровичу предстоял не очень приятный разговор – надо было просить Гранскую принять к производству дела Евгения Родионовича.

Поговорили о конференции, о знакомых в Рдянске. Начал Измайлов издалека:

– Насколько я знаю, Инга Казимировна, в этом году в Москве, кажется, нет международного кинофестиваля?

– Нет, – подозрительно посмотрела на прокурора Гранская, сразу поняв, куда он клонит.

Дело в том, что Гранская страстно увлекалась кино. И, когда в Москве проходил фестиваль, непременно в это время брала отпуск и ехала в столицу. Никакое обстоятельство не могло заставить ее отказаться от этого. Захар Петрович знал увлечение Гранской и в преддверии такого события не поручал ей срочных и сложных дел…

– Значит, нет, – произнес Измайлов, глядя в окно.

– Но в конце сентября неделя французских фильмов, – многозначительно произнесла Гранская.

Наступило неловкое молчание.

– Не тяните за душу, Захар Петрович, – наконец попросила Инга Казимировна.

И Захар Петрович рассказал ей о том, какое отчаянное положение у Глаголева со зрением и что есть единственный, может быть, последний шанс лечь в Институт Гельмгольца, и было бы преступно, по-человечески недопустимо этот шанс ему не использовать…

– Не надо меня уговаривать, – сказала Гранская и невесело усмехнулась. – Кто согласится прослыть черствым, бесчувственным эгоистом… Когда принимать дела?

– А чего тянуть? Тем более Глаголеву надо выезжать срочно… И хочу обратить ваше внимание, – сразу перешел к делам Измайлов, – на историю с неизвестным чемоданом. Ну, связанную с погибшим радиомастером Зубцовым.

– Знаю. Евгений Родионович делился, – кивнула Гранская.

Захар Петрович выложил ей свои соображения, которые в свое время высказывал Глаголеву.

В восемь часов вечера с минутами Инга Казимировна сошла с загородного автобуса у «Привала».

Рядом с ресторанчиком располагался кемпинг, где останавливались автотуристы, направлявшиеся на юг, к морю…

Гранская сразу увидела знакомую желтую «Волгу». Когда Кирилл приехал в первый раз на новой машине, Инга Казимировна посмеялась – несолидный цвет. Он сказал: «Под твои волосы…»

«Бедный Кирилл, – вздохнула Гранская, подходя к машине. – Мчался за тысячу километров, чтобы услышать сюрприз…»

Она заглянула в салон «Волги». Запыленная машина еще дышала теплом южных дорог. Водителя не было. На заднем сиденье – букет незнакомых экзотических цветов. В это время ее обняли за плечи крепкие загорелые руки, шею защекотала шелковистая борода.

– Кирилл, родной, – засмеялась Инга Казимировна, не пытаясь освободиться из объятий. – Кругом же люди…

Кирилл был в защитного цвета рубашке с закатанными рукавами, в выцветших джинсах и кедах. На голове – узорчатая узбекская тюбетейка. Кто бы мог подумать, что это – член-корреспондент Академии наук, доктор географических наук, профессор МГУ.

– Я голоден, как стая волков. – Кирилл потащил Ингу Казимировну в ресторанчик, не забыв, однако, прихватить цветы. – С пяти утра за рулем.

– Нас выгонят, – сказала Гранская. – У тебя вид свихнувшегося хиппи.

– Здесь ко всему привыкли, – успокоил ее Кирилл. – Туристы…

Официантка невозмутимо приняла у них заказ.

– И вазу для цветов, – сказал Кирилл.

Девушка в накрахмаленном кокошнике бросила взгляд на подвявшие крупные белые цветы, улыбнулась и принесла литровую банку с водой. Кирилл отделил ей часть букета, чем весьма смутил официантку, остальные цветы поставил в банку.

– Как Юрка? – спросила Инга Казимировна, глядя, как ее спутник, не дождавшись заказанных блюд, ест хлеб, густо намазанный горчицей и посыпанный солью.

– Юрка молодец. Уже ходит под землю…

– Это опасно?

– Это надо. И запомни: хочешь остаться ему настоящим другом, не задавай подобных вопросов. Он будет всю жизнь лазить по отвесным склонам, спускаться в пещеры, спать на морозе и ветру, заглядывать в пасть вулканам…

– Это обязательно?

– Нет. Но если он не будет этого делать, то станет кабинетной крысой, а не географом.

– Ясно, – кивнула Гранская.

Ей так захотелось запустить руку в жесткий бобрик волос Кирилла, взять в ладони его шершавое от солнца и ветра лицо, трепать кудрявую, мягкую бороду. И хотя Кирилл говорил, вернее, старался говорить жестко, его серые глаза, почему-то помолодевшие от черного загара, смотрели ласково и доверчиво.

Она вспомнила их первую встречу. Встречу, на которую Инга Казимировна ехала, задыхаясь от гнева и несправедливости. Юра, ее Юра, день и ночь читавший запоем все, что относится к разным путешествиям, географическим открытиям, покорению новых земель, знавший биографии Колумба, Кука, Миклухо-Маклая, Пржевальского назубок, завалил на вступительных экзаменах в университет любимый предмет – географию. Он получил тройку. Конечно, она понимала, изменить ничего нельзя было, и все же хотела узнать от экзаменатора, почему так случилось? Втайне она думала, что сына срезали намеренно: надо было кого-то утопить, чтобы кого-то принять по блату. Парень из провинции, поддержки никакой, рыпаться не будет…

«Злодей», как она узнала, был некто Шебеко Кирилл Демьянович. Он встретил ее официально-вежливо, потому что уже привык выслушивать жалобы, просьбы и стенания родителей абитуриентов-неудачников. Сухощавый, в эле гантном дорогом костюме, с чемоданчиком-кейсом, похожий на чиновника, Кирилл Демьянович спокойно объяснил Гранской, что ее сын отвечал посредственно, путался и, в общем-то, тройки заслуживает. Впрочем, и пятерка его бы не выручила – по остальным предметам он получил четверки и нужное для поступления количество баллов все равно не набрал бы.

Что она ему наговорила, Инга Казимировна не помнит. «Была как львица», – сказал потом Кирилл.

А когда мать и сын, смирившись с неудачей, собирались возвращаться в Зорянск, в квартире, где они остановились у родственников, раздался телефонный звонок. Шебеко растерянно и почтительно попросил разрешения встретиться с Ингой Казимировной.

Думая, что эта встреча имеет отношение к поступлению сына в МГУ (мало ли что: кто-то отсеялся, кто-то передумал, вот и освободилось место), Гранская помчалась в сквер напротив Большого театра, совсем не подумав, что официальных свиданий на улице не назначают.

Грозный профессор нервно расхаживал под деревьями и, увидев Ингу Казимировну, вроде бы сильно оробел. Извинившись за звонок и поблагодарив, что она пришла, Кирилл Демьянович попросил выслушать его внимательно.

– Уважаемая Инга Казимировна, – начал он, когда они сели на скамейку, – хочу предупредить вас сразу: вашему Юре я помочь ничем не могу. Да и не в моих прин ципах… А вот не встретиться с вами я просто не мог… Понимаете, что-то со мной случилось… Хотя я уже давно не мальчик…

Оторопевшая Гранская только и спросила:

– Откуда вы узнали наш телефон?

Сработал следовательский рефлекс.

– У паренька, с которым ваш сын поступал в университет, – пробормотал профессор. – Конечно, ваше право встать и уйти… Но прошу вас, не делайте этого…

Она решила «сделать это». В голове мелькнуло: может быть, Шебеко назначает свидание не первой матери абитуриента (или самой абитуриентке). Правда, в таком случае должно было бы последовать уверение, что он поможет с поступлением и так далее (опять логика следователя)…

Шебеко робко пригласил ее вечером в Большой зал консерватории. И хотя это понравилось Гранской (обычно мужчины, с которыми она знакомилась у приятелей в Москве, тут же звали к себе домой или «где-нибудь посидеть»), она отказалась.

В заключение профессор, совсем стушевавшись, попросил разрешения отвезти ее на своей машине домой.

– Спасибо. Доеду на метро, – ответила Инга Казимировна, поднимаясь.

Он пошел к машине, стоявшей у Малого театра, она – к подземному переходу.

И надо же было ей оглянуться! Инга Казимировна увидела, как рассерженный инспектор ГАИ что-то гневно доказывал Шебеко, а тот растерянно шарил по карманам. Профессор явно влип в неприятность.

Гранская подошла к ним.

– Поедем в отделение, там разберемся! – решительно заявил гаишник, берясь за ручку дверцы машины.

– Что случилось? – спросила Инга Казимировна.

– А вам что надо, гражданочка? – сурово спросил страж порядка.

– Значит, надо, – властно ответила следователь.

Ее властность, которая безотказно действовала на всех, сработала и теперь.

– Прошу на минуточку, – сказала она лейтенанту.

И, отведя его в сторонку, показала свое служебное удостоверение, поинтересовалась, в чем дело.

– Здесь стоянка запрещена. И прав у гражданина нет. Говорит, дома забыл. Вообще никаких документов…

– Верно, забыл. Потому что спешил, – подтвердила Гранская.

– Куда? – осторожно спросил инспектор.

– Ко мне на свидание…

– А-а, – протянул лейтенант, задумался, понимающе кивнул и, откозыряв, сказал: – Если так – другое дело. Можете следовать…

Гранская подошла к Шебеко, дожидавшемуся в машине, и, сев рядом, приказала:

– Поезжайте.

– Куда? – удивился профессор.

– Домой. Нельзя же раскатывать по Москве без прав…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.